

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

2

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллингёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волинец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com
- Аліньель К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Генчэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

УДК 821.161.1.0-2(07)

ДРАМАТУРГИЯ ЯРОСЛАВЫ ПУЛИНОВИЧ (АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ)

С. Я. ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Различные аспекты поэтики драматургии Ярославы Пулинович – представительницы новейшей русской драматургии – рассматриваются в ходе анализа ее пьес («Я не вернусь», «Наташина мечта», «Мой путь», «Победила я», «Как я стал...», «Сомнамбулизм», «Жанна», «Земля Эльзы» и др.). Отмечены средства и приемы эпизации драматической структуры (обилие монологов разных видов: монолог-исповедь, монолог-воспоминание, внутренний монолог; повествование от первого лица, развернутые ремарки, вставные конструкции: «главки», сказки, дневники и др.). Принцип организации материала (рассказ о судьбе героя или описание эпизода из его жизни, повествование от первого лица, развернутые ремарки-комментарии) обусловил архитектуру пьес: вместо действий – пронумерованные «рассказы-главки», фрагментарность эпизодов и сцен, их монтаж. При этом эпическое не подавляет драматического. Уделяется внимание внутреннему конфликту-самоанализу, позволяющему глубже раскрыть героя-протагониста, его психологию и мировосприятие, отношение к окружающим, критический взгляд на происходящее. Говорится о специфике пространственно-временного континуума пьес Я. Пулинович, кинематографического по своей сути (локусы: общежитие, вокзал, кафе, столовая, школа, детприемник и др.). Ключевым топосом этого пространства является «чужой дом» (детдом) или неблагополучный «свой дом». Сделан вывод о новизне трактовки героя (самоутверждающийся герой), указаны его отличия от героев «новой драмы» (самоидентификация, самоанализ, самоутверждение, вера в лучшее и др.). Я. Пулинович препарировала психологию героя, его мировоззрение, динамику мысли, становление личности. Драматург поднимает проблему героя (разного возраста) в современном социуме, пытается определить причины (воспитание в детдоме, неполной семье, отношение отцов и детей), оказавшие влияние на формирование современника.

Ключевые слова: Я. Пулинович; пьесы; герой; эпизация драматической структуры; русская драматургия; сюжет; жанр; хронотоп; конфликт.

Образец цитирования:

Гончарова-Грабовская С.Я. Драматургия Ярославы Пулинович (аспекты поэтики). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;2:5–14.

For citation:

Goncharova-Grabovskaya SY. Drama works of Yaroslava Puliovinich (aspects of poetics). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:5–14. Russian.

Автор:

Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета.

Author:

Svetlana Y. Goncharova-Grabovskaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology.
goncharova_s@tut.by

ДРАМАТУРГИЯ ЯРОСЛАВЫ ПУЛИНОВИЧ (АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ)

С. Я. ГАНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Адметныя рысы паэтыкі драматургіі Яраславы Пуліновіч – прадстаўніцы навейшай рускай драматургіі – вызначаюцца на падставе аналізу шэрагу яе п’ес («Я не вярнуся», «Наташына мара», «Мой шлях», «Перамагла я», «Як я стаў...», «Самнамбулізм», «Жанна», «Зямля Эльзы» і інш.). Выдзяляюцца сродкі і прыёмы эпізацыі драматычнай структуры (вялікая колькасць маналогаў розных тыпаў: маналог-споведзь, маналог-успаміны, унутраны маналог; аповед ад першай асобы, разгорнутыя рэмаркі, устаўныя канструкцыі: маленькія раздзелы, казкі, дзённікі і інш.). Прынцып арганізацыі матэрыялу (расказ пра лёс героя або апісанне эпізодаў з яго жыцця, аповед ад яго імя, разгорнутыя рэмаркі-каментарыі) абумовіў архітэктоніку п’ес: замест дзей – пранумараваныя маленькія раздзелы, фрагментарнасць эпізодаў і сцэн, іх мантаж. Пры гэтым эпічнае не падаўляе драматычнага. Акцэнтуюцца ўвага на ўнутраным канфлікце-самааналізе, які дазваляе глыбей раскрыць героя-праганіста, яго псіхалогію і светапогляд, адносіны да людзей навокал, крытычны погляд на тое, што адбываецца. Гаворыцца пра спецыфіку прасторава-часовага кантэксту п’ес Я. Пуліновіч, кінематаграфічнага па сваім характары (локусы: інтэрнат, вакзал, кафэ, сталовая, школа, дзіцячы прыёмнік і інш.). Галоўны топас гэтай прасторы – «чужы дом» (дзіцячы дом) або небяспечны «свой дом». Зроблены вывад пра навізну трактоўкі героя (герой, які самасцвярджаецца), адзначана яго адрозненне ад герояў «новай драмы» (самаідэнтыфікацыя, самааналіз, самасцвярджанне, вера ў лепшае і інш.). Я. Пуліновіч раскрывае псіхалогію героя, яго светапогляд, дынаміку думкі, станаўленне асобы. Драматург падыходзіць да праблемы героя (розных узростаў) у сучасным грамадстве, спрабуе знайсці прычыны (выхаванне ў дзіцячым доме, няпоўная сям’я, адносіны паміж дзецьмі і бацькамі), якія паўплывалі на сучасніка.

Ключавыя словы: Я. Пуліновіч; п’есы; герой; эпізацыя драматычнай структуры; руская драматургія; сюжэт; жанр; хранатоп; канфлікт.

DRAMA WORKS OF YAROSLAVA PULINOVICH (ASPECTS OF POETICS)

S. Y. GONCHAROVA-GRABOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

I describe the aspects of poetics in drama works by Yaroslava Pulinovich, a representative of the newest Russian drama. Analyzing her plays («I won’t come back», «Natasha’s dream», «My way», «I won», «How I became...», «Somnambulism», «Janna», «Elsa’s land», etc.). I itemize means and methods of drama structure elicitation (plenty of monologues of different kinds, such as confession monologue, memories monologue, inner monologue; narration from the first person, expanded remarks, epenthetic constructions, e. g. «little chapters», tales, etc.). The principle which organizes literary material (a story or an episode of character’s life, narration from the first person, expanded commentary remarks) is what predetermined architectonics of the plays: numbered «stories-chapters» instead of drama acts, fragmentation of episodes and scenes, montage of them. At the same time the epical doesn’t dominate the dramatical. I pay attention to the inner self-analytic conflict which allow give a deeper reveal of protagonist character, his or her psychology and perception, attitude to the surrounding people, critical view to the events. It is said about specifics of space and time continuum of the plays which is cinematographic in its essence (the locuses are: hostel, railway station, cafe, canteen, school, children’s home, etc.). The key topos of the spaces is «another’s home» or dysfunctional «own home». I come to conclusion about the novelty in the interpretation of character (self-affirming character) and show its distinction from the characters of «new drama» plays (self-identification, self-analysis, self-affirmation, belief in the best, etc.). Ya. Pulinovich dissects her characters’ psychology, worldview, dynamics of thought, formation, not just of age but also of soul. The playwright takes up an issue of a human (of different ages) in contemporary society, tries to find the cause (upbringing in a children’s home or incomplete family, relations between fathers and children) which influence the formation of contemporary people.

Keywords: Ya. Pulinovich; plays; hero; transformation of the dramatic structure; Russian drama; plot; genre; chronotope; conflict.

Введение

Современная русская драматургия представлена новыми именами авторов, среди которых особую нишу заняла женская генерация (С. Баженова, П. Бородина, Т. Сапурина, А. Батурина, Я. Пулинович, И. Васьковская и др.). Пьесы Ярославы Пулинович активно ставятся в театрах России, Англии, Польши, Беларуси, Украины, Эстонии, США, печатаются в журналах, издан ее первый сборник «Победила я» (2017), свидетельствующий о самоутверждении драматурга. Отметим, что названия пьес Я. Пулинович несут в себе категорично позитивный посыл («Я не вернусь», «Победила я», «Мой путь»). Ею издано более 20 пьес («Наташина мечта», «Как я стал...», «Хор Харона», «Тот самый день», «Сомнамбулизм», «Жанна», «Время Эльзы» и др.). По некоторым из них сняты фильмы («Жанна», «Наташина мечта» и др.). Театральная критика пытается осмыслить своеобразие творчества Я. Пулинович. Так, П. Руднев пишет, что «ей не свойственны уральская мрачность, уральский пессимизм и натурализм... Ее герои бесстрашно смотрят в глаза миру, радостно и восторженно его принимают в его лучших и худших проявлениях» [1, с. 435]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, темнота и беспросветность сменились светом позитивным, но несущим в подтексте тревогу. Ю. Подлубнова отмечает «острые конфликты», присущие пьесам драматурга [2, с. 213]. П. Б. Богданова считает, что «Я. Пулинович не поднимается на уровень экзистенциальных и метафизических проблем, ее манера – бытовая психологическая зарисовка» [3, с. 385]. О. Ю. Багдасарян утверждает, что ее герои хоть и знакомы современной драматургии, но не вторичны [4, с. 73]. Возрастной принцип системы героев в пьесах Я. Пулинович констатирует А. Матвеева¹. При этом многие видят в стиливой манере автора школу Н. Коляды (мелодраматические интонации). Именно театральная критика обратила внимание на пьесы Я. Пулинович, широко представленные на театральной сцене. К сожалению, пока нет литературоведческих статей, в которых бы исследовалась их поэтика. Попробуем в этом разобраться.

Результаты и их обсуждение

Одна из особенностей поэтики пьес Я. Пулинович – стремление к **эпизации драматической структуры**, что обуславливает разомкнутость художественного пространства, свойственную кинематографу, а также наличие вставных повествовательных конструкций, обилие монологов, развернутых ремарок, рассказ от первого лица, фрагментарность, монтаж сцен. Подтверждением этого является драма «Бесконечный апрель» (2011), где эпизация драматической структуры становится закономерной в **моделировании сюжета**. Драматург обращается к проблеме героя и социума (философско-нравственной по своей сути), позволяющей проследить жизненный путь протагониста, проводя его не только через перипетии личные, охватывающие временной пласт, но и историко-социальные. Я. Пулинович препарировал психологию героя, его мировоззрение, динамику мысли, становление личности. Фиксируя внимание на концепте памяти поколений, драматург ключевым делает образ *Дома*, в котором жили прабабушки, бабушка с дедушкой, где мама провела детство, где пахнет историей. В настоящем мать и сын живут только в одной из комнат этого *Дома*, когда-то целиком принадлежавшего им. Пространство сужено до коммуналки, однако в сознании героев он остается родным. *Дом* хранит *тайну* некогда богатой семьи (внезапное исчезновение служанки, в которую был влюблен Вени). Память о ней осталась в его сознании, но мать пыталась ее стереть, обманывая сына.

В художественно-временном континууме пьесы присутствует не только аллегория, игра временем и пространством, дискретными по своему характеру (прошлое – настоящее), но и контраст света (солнца и темноты), отражающий отношения между персонажами. Временному пласту, охватывающему жизнь Вени с детства до старости, подчинен и природный цикл: события начинаются весной, в апреле, когда все пробуждается, и в этот же период завершаются. Кольцевая композиция замыкает жизнь героя, свидетельствуя о бесконечности бытия, которое держится на человеческой памяти. Этим обусловлено и название пьесы «Бесконечный апрель».

Рассказ о судьбе Вени ведется от первого лица. Из **диалога-исповеди** героя с незнакомкой в поезде мы узнаем, что он родился в 1912 г., воспитала его мать, отец погиб в Первую мировую войну; Вени рос болезненным и нервным ребенком, и это в итоге сделало его малополезным для общества. Войну он провел в Ленинграде, работал выпускающим редактором на радио, привык все вопросы решать внутренним путем, т. е. через диалог с самим собой. Он рано женился, но супружеская жизнь оказалась неудачной (жена ушла к другому, затем вернулась), дочь (Любу) воспитывал отчим, внучка (Галя) считает его героическим дедом, пережившим блокаду, но сам он сделал вывод, что не заслужил вечности, ничего хорошего не сделал, *прожил так, что мог бы и не жить* [5, с. 107].

¹Матвеева А. Пулинович. У драматургии женское лицо. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://godliterature.ru/public-post/slavin-na-mechta-yaroslava-pulinovich-i-an> (дата обращения: 19.01.2020).

Монолог-исповедь не только раскрывает жизненный путь героя, но содержит самооценку. В драматургии Я. Пулинович появляется **герой-мужчина** (инфантильный, болезненный в юности и немощный в старости). Способ создания модели героя драматически-эпический.

Принцип организации материала (рассказана и показана жизнь поколений одной семьи, повествование ведется от лица героев (диалоги, воспоминания), комментарии и разъяснения даны в ремарках автора) определил архитектуру пьесы: вместо действий – пронумерованные «рассказы-главки», их фрагментарность свидетельствует об организации материала по принципу **эпизации**.

Так, например, в 11-й «главке» описан эпизод встречи Вени (в период блокады Ленинграда) с двухлетним заблудившимся мальчиком, которого в итоге нашла мать. Но вставная конструкция (воспоминания о служанке Кате) возвращает к мысли: «А было ли это на самом деле?» Он не мог понять, как же память обманула его. В заключительной **главке-аллегории** все возвращается на круги своя: мать говорит ему, что его любила и Катя. И все же память не прервалась. Заключительная ремарка свидетельствует об этом: *Мать кладет сыну руку на лоб. Веня засыпает. Мать сидит и смотрит на него. Затем встает, уходит. На железной кровати лежит мертвый старик. По радио диктор объявляет: стихотворение Иосифа Бродского «Наступает Весна»* [5, с. 110].

В содержании этого стихотворения заложена квинтэссенция проблематики пьесы. *Девочка-память*, бредущая по улицам города, – метафора. В гамме городского стона звучит тоненькая песенка смерти, но утверждается мысль, что все остается в памяти.

Как рефрен звучит **главка-монолог** (вторая), в которой речь идет о размене квартиры и лежащем в кровати больном отце, выжившем из ума. Все повторяется, утверждается мысль, что одно поколение сменяется другим, проходят годы, время изменяет людей, расставляя свои акценты, но сохраняется память, объединяющая всех, не дающая стереть прошлое. Поиски лучшего дома (нового дома) вновь приводят к старому дому. Это создает кольцевую композицию как на структурном, так и на семантическом уровне. У каждого поколения был свой апрель, своя весна, обновление и пробуждение, надежда и ожидание перемен. Каждый апрель возвращал их к памяти о старом доме.

Образ *Дома* как архетипа нашел свою интерпретацию в новейшей русской драматургии (в произведениях «Русскими буквами» К. Драгунской, «Русский сон» О. Михайловой, «Божьи коровки возвращаются на небо» В. Сигарева, «В душе хороший человек» С. Баженовой и др.). В пьесе Я. Пулинович «Бесконечный апрель» *Дом*, подверженный времени, но остающийся в памяти, тоже вписывается в дискурс современного прочтения.

Поиск героя из неблагополучной среды прочно утвердился в сюжетах пьес «новодраматургов», но, в отличие от них, герои Я. Пулинович способны «подняться над болотом» (Н. Коляда), найти выход из тупика. Им присуща возрастная динамика, позволяющая предположить, что вместе со своими героями взрослел и автор. Я. Пулинович начала писать рано, с 9 лет, но по-настоящему занялась драматургией уже после 20. Неслучайно в афише она в обязательном порядке указывает возраст персонажей. При этом сознается, что «любит своих героев, даже плачет, когда с ними что-то плохое происходит»².

Немалую роль играют **автобиографическое начало и реальные факты**, выполняющие функцию реалистической достоверности в трактовке сюжетных коллизий. В этом отношении показательна пьеса «Наташина мечта» (2013). Я. Пулинович сознается, что, когда ее писала, была безнадежно влюблена: «В какой-то момент я узнала, что этот человек встречается с моей лучшей подругой, – и у меня, видимо, произошел такой выброс адреналина в кровь, что я просто не знала, что делать. Пришла домой в состоянии абсолютного ступора – сидела так несколько часов, не понимая, что мне делать. Сейчас это кажется смешным, но тогда это была первая моя в жизни трагедия, когда ты на глазах взрослеешь и с тобой происходит что-то очень важное»³.

Драматург прибегает к **объективированному повествованию**: рассказ ведется от первого лица, происходит **самопрезентация** героя. Эти черты присущи монодраме. С одной стороны, они определяют жанровый ракурс монодрамы, с другой – придают пьесе документализм как еще одну особенность, что свойственно документальной драме, не исключая эпические черты. Перед нами реальный человек. Рассказ о случившемся из уст Наташи звучит убедительно и достоверно. Монолог-повествование соткан из воспоминаний и внутренних переживаний героини, оказавшейся в сложной ситуации. Девушка-подросток – воспитанница детского дома, лишена того, что имеют другие, – родителей, родного дома, красивых нарядов, поэтому проявляет агрессию по отношению к сопернице, которая разрушает ее мечту. Ее некому было учить доброте, ласке, культуре поведения. Художественная структура подчинена бинарности: *свой – чужой дом, мечта – реальность, добро – зло*.

²Матвеева А. Пулинович. У драматургии женское лицо. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/slavi-na-mechta-yaroslava-pulinovich-i-an> (дата обращения: 19.01.2020).

³Там же.

История Наташи (спор со Светой, больница, встреча с журналистом Валерой, надежда на взаимную любовь, месть – избиение соперницы, тюрьма) отражает последовательную рефлексию рассказа о случившемся, выстроенного на *эпизодах*, раскрывающих отношение героини к окружающим. Банальный треугольник, положенный в основу сюжета, разрешается драматургом не в пользу героини.

Я. Пулинович в сюжетную коллизию включает случайность, оказавшуюся роковой. Необычная завязка (прыжок с третьего этажа) завершается не трагедией, а судьбоносным желанием выйти замуж, загаданным в период падения. Автор раскрывает психологию девушки-подростка, демонстрируя такие черты ее характера, как озлобленность, смелость, отчаяние, незащищенность. В *монологе* Наташи, обращенном к нам, зрителям, слышится крик души. Трансдиалог монодрамы нацелен на сочувствие и помощь, на просьбу понять ситуацию преступления, совершенного ею. Трагедия в том, что будущее, мечта – все рушится. И как следствие – месть и ревность. Суть в том, что героиня не считает себя виноватой (так получилось): *Просто я Валеру любила, просто хотела, чтобы он был мой, чтобы мы с ним вот так гуляли, чай пили, а потом он подошел бы и сказал: «Наташа, ты самая реально клевая девчонка на земле, выходи за меня замуж!»* [5, с. 20]. Ею движет обида на то, что любовь оказалась не взаимной, что мечта так и не сбылась. Финал открытый. Кто виноват: Наташа или среда? На первый взгляд, тип героя сродни персонажам «новой драмы», но герой Я. Пулинович не жертва, вызывающая сочувствие, а подросток, нуждающийся в помощи. Неслучайно Наташа обращается к фотографии матери: *Мамочка, мамочка, мамочка, заberi меня отсюда, заberi* [5, с. 10].

В большинстве пьес эпизация проявляется не только в организации сюжета (в основу положена судьба протагониста), предполагающего компонент повествования, но и в способах раскрытия персонажей (самоанализ, самоидентификация, рассказ о себе и др.). Как правило, это самоутверждающийся герой с присущим ему внутренним конфликтом-самоанализом, затрагивающим проблемы семьи, общества, самого героя.

В пьесе «Я не вернусь» (2014), написанной при участии Олега Газе, драматург продолжает исследовать проблему *судьбы* девушки-подростка в социуме. Сюжетные перипетии выстраиваются на серии эпизодов-«случайностей», раскрывающих путь выживания героини, воспитанной в детдоме. Уже в названии произведения виден ее характер: она принимает решение не возвращаться, так как «чужой дом» не стал «родным». Название пьесы содержит категорично позитивный посыл. Казалось, все складывается благополучно: Аня Морозова с отличием оканчивает школу, ею гордятся воспитатели, ее без экзаменов зачисляют на филфак. Драматург препарирует внутренний мир и психологию Кристины, выстраивая конфликт на той же бинарности – *добро и зло, правда и ложь, дружба и любовь, преданность и предательство*, расширяя его нравственный императив. Именно предательство становится индикатором нравственности, определяющим концепцию пьесы. С одной стороны, Аню предает друг по детдому (однофамилец Дима Морозов), подложивший ей наркотики, с другой – Люциус, преподаватель, в которого она была влюблена. В трудную минуту ее выручает только сокурсник Герман.

Вариативность жизненного материала подчинена мышлению драматурга, выстраивающего действие пьесы на ключевых эпизодах. Один из них – *вынужденный обман, ложь во спасение*. Аня скрывается от следователя, переодевается в девочку-подростка, выдает себя за четырнадцатилетнюю Иванову. Другого пути, чтобы спасти себя, она не видит.

Не менее важный эпизод – испытание дружбой, знакомство с Кристиной, девочкой из другого детдома, у которой никого не было, кроме старенькой бабушки, проживающей в далеком Владивостоке. Кристина научилась воровать, быть независимой, дерзкой, при этом у нее есть хорошие качества – любовь к животным, доброта, талант сочинять сказки.

КРИСТИНА. А я, знаешь, я раньше летать могла. У меня крылышки были такие складные, я их надевала и летала все время. Могла даже из детского дома улететь. И к бабушке еще улететь хотела. А потом, когда уже решила к бабушке улететь, воспитка вонючая ко мне в комнату пришла, крылышки мои отобрала и сломала, прикинь? А их не починить уже никак, потому что крылышки только один раз Бог дает.

АНЯ. Это ты сама придумала?

КРИСТИНА. Я не придумала, ты че? Это правда! [5, с. 128].

Горизонтальный уровень хронотопа – путь Ани и Кристины, их путешествие, дорога к бабушке – родному человеку. Его вертикаль – их судьба. Это путь испытаний на прочность отношений, верности и ответственности перед тем, кого приручил. Пространственно-временной континуум состоит из отдельных локусов (детдом, общежитие, вокзал, кафе, столовая, школа, детприемник и др.), что свойственно кинематографу. Неслучайно по пьесе снят фильм, получивший Гран-при на кинофестивале в Минске (2018). При этом отправным локусом является детдом, который, как утверждает драматург, одних озлобляет, других не лишает доброты, а третьих приводит к криминалу.

И Аня, и Кристина одиноки не только потому, что выросли без родителей, в детдоме, они одиноки и в социуме: до них нет дела, их предадут, обманывают, подставляют, обижают. Два одиночества сошлись. Но важно то, что у них сохранилось чувство жалости, доброты, преданности, сочувствия. Это подчеркивает Я. Пулинович, акцентируя внимание на нравственных качествах, их дефиците в нашем обществе.

Драматург противопоставляет жестокому миру людей любовь девочек к бездомному щенку. Они, как и он, лишены родного дома, как и он, одиноки: *Воруж со стороны лесополосы доносится собачий лай, и почти тут же из-за деревьев выбегает щенок – очень похожий на того самого, из-за которого умерла Кристина, а может, тот самый и есть... Щенок заливисто и радостно лает на Аню, виляет хвостом. Аня смотрит на щенка долгим и уставшим взглядом, каким смотрят только взрослые* [5, с. 130].

Описательный характер ремарок, присущий пьесам Я. Пулинович, оказывает влияние на эпический характер драматической структуры. Они выполняют не только коммуникативную, но и репрезентативную функцию.

Не менее действенны в этом плане и вставные **повествовательные** конструкции – **сказки** Кристины. Они наполняют художественную ткань волшебством, философичностью, лиризмом, раскрывая сущность героини, ее мироощущение, пронизанное добротой и жалостью, сочувствием к одинокому человеку.

КРИСТИНА. У нас в детском доме была одна девочка, она умела с птицами разговаривать. Один раз она от воспиток убежала, и от всех убежала, пришла на полянку одну и говорит – орел, орел, заведи меня с собой, орел прилетел, посмотрел, посмотрел – кто это с ним разговаривает. Видит, одна только девочка стоит. И не забрал ее. Девочка тогда говорит – сова, сова, заведи меня с собой. Сова прилетела, посмотрела, одна только девочка стоит. И не забрала с собой. Девочка тогда в третий раз говорит – лебедь, лебедь, заведи меня с собой. Лебедь прилетел, смотрит, стоит эта девочка. Но она ему, короче, понравилась, и он ее с собой забрал. Взял девочку в клювик, и они полетели. Прилетели на его озеро, лебедь ей говорит – теперь ты со мной жить будешь, у него там в самом центре домик был. Вот девочка живет в домике, а вокруг вода, а плавать эта девочка не умела. И ей скучно так жить стало, только в домике, а лебедь на весь день на работу улетал. И тогда девочка подумала – дай-ка я в воду прыгну, а там доплыву как-нибудь. Девочка в воду прыгнула и стала тонуть. Но она не утонула, а просто в рыбку превратилась. Лебедь прилетел, а девочки нет. И тогда лебедь стал плакать, а девочка-рыбка сказать ему ничего не могла. И она каждый день выныривала из воды и смотрела, как лебедь плачет. А потом лебедь понял, что девочка где-то рядом с ним, и плакать перестал. И они все равно друг друга любили, только разговаривать не могли больше... А я тоже с птицами разговаривать раньше могла, прикинь? А потом упала и головой стукнулась. Теперь не могу!

АНЯ. А лебедь так и не понял, что рыба, которая на него смотрит, – это и есть девочка?

КРИСТИНА. Потом понял, наверное. Она же как будто рыбка, а глаза у нее как у девочки этой. Как ты спутаешь-то? Девочка эта сама виновата потому что – зачем она из дома ушла? Вот если б тебя лебедь любил, ты бы разве ушла?

АНЯ. Ни за что [5, с. 132].

Кроме **сказок**, присутствующих в художественной структуре пьесы, Я. Пулинович использует и другие средства эпического – **ремарки-главки**, функция которых – расширить представление о происходящем. При этом они «действительны», отражают динамику событий: *Утро. Аня идет к университету. Возле университета останавливается машина Люциуса. Аня замечает ее, улыбаясь, идет к машине. Из машины выходит Люциус и следом его жена. Люциус делает вид, что не заметил Аню, хотя та стоит практически вплотную к машине, проходит мимо нее, как мимо пустого места. Люциус с женой идут к университету. Жена чему-то негромко засмеялась, Люциус рассказывает ей что-то. Аня смотрит перед собой, закусил нижнюю губу...* [5, с. 121]. Такие ремарки не только поясняют действие, но и выполняют роль **сценок-эпизодов**, явно оказывающих влияние на эпическое начало.

Событийный фон, расширяющий художественное пространство и время, вмещает эпический контекст: *Трасса. Идет дождь – летний, июньский ливень. Машины сплошным потоком едут в обе стороны. Аня отрешенно идет по обочине трассы в своем красивом бальном платье. Подол платья стал совсем черным от грязи... Проносимая мимо фура с головы до ног обрызгивает Аню грязной водой* [5, с. 142].

Заключительная ремарка еще раз подтверждает **эпизацию** действия и события, развернутая форма и объем усиливают эту особенность. Подобное балансирование «эпического» и «драматического» свойственно новейшей русской драме, что затрудняет постановку пьес на сцене.

Открытый финал свидетельствует о том, что на сюжетном уровне конфликт разрешен. Обман Ани (выдает себя за Кристину) во благо бабушки реализует мечту погибшей внучки:

БАБУШКА. Отличница моя! У матери не получилось, так хоть у тебя... Девочка моя, Кристина моя... [5, с. 176].

Кольцевая композиция (торжественное вручение аттестата об окончании школы) выводит произведение на философский уровень, углубляя не только семантический пласт пьесы, но и сущность героини, которая проходит через обман во имя добра, осознавая свои поступки.

Социальная драма «Я не вернусь» по своей проблематике вписывается в контекст школы Н. Коляды (А. Архипов, О. Богаев, В. Сигарев). Я. Пулинович оглядывается на «новую драму», обогащая ее нетипичными чертами: в ее пьесах больше любви, жалости и сочувствия, гипернатурализм разбавляется лиризмом и философичностью, меньше жестокости. Появляется новый **тип героя**: ему сложно в социуме, но он не лишен оптимизма, сопротивляется трудностям и делает добро, самоутверждаясь в жизни.

Новые принципы **эпизации** драматического героя проявляются в пьесе «Мой путь» (2019). Пространственно-временной континуум вмещает историческое время (1980–2000-е гг.) и время личное – жизнь героя. Кризисный период в жизни Петра совпадает с кризисом в социуме, что отразилось на его мировоззрении. Важным является то, что драматург, показывая динамику пути героя от «свободного человека» к «предсказателю» (был бизнесменом уголовного типа, иноком, оппозиционером, астрологом), акцентирует внимание на размышлениях Петра, его стремлении найти свое место в жизни, о чем свидетельствует название пьесы. Конфликт выстраивается на внутреннем самоанализе протагониста, выраженном в развернутых **монологах-размышлениях, монологах-солилоках**. Как и в предшествующих произведениях, действие, состоящее из жизненных перипетий и интриг, насыщено событийностью.

Судьба Веры более тяжелая, чем у Петра: оказавшись в положении матери-одиночки, она смогла реализовать себя в качестве книгоиздателя, руководителя фонда. Однако ее путь завершается страшной болезнью – раком, приведшим к смерти. Две судьбы, два выбора, два человека, живущих в одну эпоху, но диаметрально противоположных: один – волевой, другой – слабый. Петр все время метался, искал правды, искал себя. Периодически встречаясь с Верой, знал, что у нее от него дочь, но женился на другой, развелся, имел детей от второй жены Натальи, но так и не соединил свою жизнь с Верой, оправдывая свою неудачу тем, что был «**другим**».

Название пьесы «Как я стал...» (2012) заключает **повествовательный посыл**: рассказ о том, как произошло становление юноши. Он усиливается (наряду с монологами) новым эпическим фрагментом – **дневниковыми записями**, придающими достоверность повествованию. По жанровой структуре это монологическая драма (рассказ от первого лица, самоанализ, монологические размышления, самооценка). Драматург раскрывает динамику становления Саши от юноши, хрустящего чипсами и пьющего пиво, до мужчины, который стал на путь взросления.

Поднимая проблему полной (Саха) и неполной семьи (Маха и Майя), Я. Пулинович приходит к выводу, что все беды заключаются в отношениях отцов и детей. И хотя эта проблема не нова, автор трактует ее по-своему, углубляясь в психологию неблагополучных детей с помощью их внутреннего **конфликта-самоанализа**. Развитие действия определяется не раскрытием конфликтных отношений, а изложением **размышлений** о своей жизни, возможностях ее изменения.

Сюжет выстроен на банальном любовном треугольнике (Саха – Майя – Маха). Возраст героев (Сахе – 24 года, Махе – 29, Майе – 19) свидетельствует о том, что все они уже не подростки, а вполне взрослые люди, у каждого из них свои проблемы. Умная и красивая Маха, работающая в пресс-службе администрации, чувствует себя виноватой перед пьющей матерью, актрисой, потерявшей работу в театре и способной на суицид. Саха, воспользовавшись доверчивостью обеих женщин, фактически обманывает их (одной пишет пьесу, ложно воскрешая ее талант, другой советует уйти от мужа, предлагая свою руку, но при этом бросает, забирая все деньги). В итоге Арина Аркадьевна умирает, а Маха продает квартиру и уезжает в другой город.

Майя тоже из неблагополучной семьи. Она живет с матерью и отчимом, делает все, что захочет: увлекается мужчинами и спиртным, предпочитая Сахе другого. Благополучна лишь семья Сахи. Его отец – политолог, авторитетный человек. Хотя он и вступает в микроконфликты с сыном, но дает ему возможность разобраться в жизни самостоятельно. Саха оказывается в сложной ситуации: он отчислен из университета, не работает, запутался в чувствах к Майе и Махе. Однако его самооценка не страдает. Из дневника узнаем: *А может, я и вправду хороший поэт? Может, права Маха – я талантливый и у меня все получится? И не все еще потеряно? Может, просто стоит взяться за ум, восстановиться*

в универе, снова начать рисовать? У меня ведь раньше графика неплохо выходила. Мне ведь не сорок и не шестьдесят, а всего двадцать четыре [5, с. 61]. В итоге у него все складывается хорошо: мама подарила ему голубую «Шкоду», Саша познакомился с длинноногой татаркой Алиной, восстановился на второй курс университета. Он понимает, что впереди армия, а в своей жизни он так и не разобрался:

САША. И я умру. Только ни Пушкиным, ни Цоем, ни Ван Гогом не стану. Вот это досадно...
[5, с. 39].

Семантический пласт пьесы подчинен философскому осмыслению главной идеи. Я. Пулинович использует притчу. На окраине города (под землей) жили эльфы. Саша приходил слушать их, приводил сюда Машу, Майю, Алину. Однако услышать их пение удалось только Маше – человеку с чистым сердцем. Этот нравственный императив расставляет акценты, раскрывая сущность личности.

Продолжает «возрастной ряд» героев Жанна из одноименной пьесы (2013). Эта героиня из тех, кто прошел через годы перестройки, сформировался в постсоветский период, выжил и самоутвердился. Ей 50 лет, она умная, красивая, сильная и смелая бизнес-вумен, у нее есть деньги, связи, но нет одного – любви и семьи. С виду успешная женщина на самом деле одинока. О ее жизни мы узнаем из **монолога-рассказа**:

ЖАННА. Это девяносто первый год, распад СССР. Я тогда еще дура, двадцать девять лет. Работы нет, денег нет. Вот такая красота! Колготки перештопаны на сто пятьдесят раз! Знаешь, что такое для меня были колготки? А тушь? Люди ползарплаты отдавали за пару капроновых чулок, а у меня и зарплаты не было! Надуло нас государство! Жила я в каком-то бомжатнике, даже страшно представить каком! Ты таких коммуналок, поди, и не видел! В одной комнате я, да бабка, да ее дочь... И вот я полгода так жила. А потом думаю – на наше государство надеяться – лучше сразу в петлю! Ручки есть, ножки есть, голова на плечах вроде тоже присутствует! [5, с. 255].

Принцип **эпического** моделирования проявляется и здесь (монтажность сцен, рассуждения повествовательного характера, монологи-рассказы, монологи-обращения). Этому подчинен и прием конструирования модели героя. Я. Пулинович противопоставляет Жанну Андрею (сильную личность – слабой), показывая, что их формировали как социальные, так и семейные обстоятельства. Жанна выросла без отца (он их бросил), мать рано умерла. Монолог на могиле отца говорит о том, что дети не прощают отцов, предавших семью.

ЖАННА. Я хорошая дочка у тебя, папочка. Я тебе в следующий раз машину цветов привезу, чтобы ты там в гробу перевернулся, папочка. Чтобы ты вспомнил мамочку мою, чтобы вспомнил, как она исхудала, как она к тебе денег просить приходила, как умоляла, чтобы ты меня не бросал, как у нее метастазы пошли, как она всю подушку от боли изгрызла. Как ты нам дверь не открыл, как я в тринадцать лет пошла в больницу горшки чужие мыть. Как в семнадцать мамочку одна хоронила, а ты ни копейкой нам не помог, как на поминках ее напился и матом про нее орать начал [5, с. 205].

Жанна умеет добиваться поставленной цели, она поняла, что в этом мире все продается и покупается. На свой риск героиня заняла у бандита три тысячи долларов, купила за копейки три грузовика макарон, распродала, отдала долг, открыла свой бизнес, купила машину, квартиру, начала отдыхать за границей, но счастливой так и не стала. Муж от нее ушел к молоденькой Кате, детей нет, есть подруги (Ольга и Вика), приходящие мужчины, но Жанна осознает, что она никому не нужна.

Андрей воспитывался в полной семье, но был инфантильным, не смог утвердиться, пройти через трудности, постоянно нуждался в поддержке. Он так и не нашел работу, не получилось с долевым строительством, оказался на улице с женой и новорожденным ребенком.

Фабула пьесы реалистична и достоверна. Сюжет выстраивается на перипетиях, свойственных мелодраме, в подтексте которой – жестокость и месть. Любовный треугольник типичен (от богатой жены уходит муж), но разрешение конфликта неординарно. Уже в завязке, предполагающей скандал, проявляется волевой характер Жанны:

ЖАННА (спокойно). У тебя есть пятнадцать минут, чтобы убраться. Зубную щетку можешь забрать с собой. Все остальное куплено на мои деньги и тебе не принадлежит.

АНДРЕЙ. Ты сильная, ты все выдержишь. А она совсем еще маленькая, ей без меня не жить [5, с. 233].

За видимым спокойствием кроется отчаяние, усугубляющее одиночество Жанны. Все это ожесточило ее, сделало бессердечной и расчетливой. В кульминационной сцене, когда Андрей приходит просить

денег, чтобы снять квартиру и содержать жену с ребенком, Жанна притворяется доброй, выручает его, но делает это, следуя жестокому замыслу (лишает его родительских прав и забирает ребенка). Таким способом «покупая» свое благополучие, она следует принципу «деньги могут все». Но так ли это? П. Б. Богданова относит Жанну к героям-жертвам, отмечая «пугающую жестокость», отсутствие «нравственных ориентиров», указывая, что драматург проявляет «интерес к нарушению нормы, к темной, больной, патологической стороне человеческой личности, ставшей жертвой жестокого мира» [3, с. 386]. На наш взгляд, Жанна – не герой-жертва, а герой, рожденный постсоветским временем, которое заставляло выживать и самореализоваться по принципам, далеким от морали и нравственности. Жанна самоутверждается любым путем, что вызывает у нас не жалость, а презрение.

Сюжет социально-бытовой драмы «Сомнамбулизм» (2013) выстроен на типичных перипетиях постсоветской семьи, однако драматург по-новому решает судьбу героя: он выходит из кризисного состояния с помощью друзей. Слава, находясь в кризисе среднего возраста, пытается разобраться в том, как жить не по лжи, когда все обманывают. Концепт *ложь* становится мерилом нравственности личности и социума. Ложь преследовала Славу всю жизнь: в детстве обманывали родители (обещали купить коньки, но не купили, говорили, что станешь начальником, если будешь хорошо учиться, ссылаясь на заветы Ильича, а сами жить по ним не стали), в 90-х обещали демократию – обманули, купил акции «МММ» – обманули:

СЛАВА. Я сам вру. Я – ложь, и мир вокруг меня – ложь... Когда все это началось, Ренатка? Когда? Ведь я таким не был [5, с. 220].

Обманывала и жена, скрывая правду о том, что сын ему не родной.

Монолог-диалог, произнесенный на могиле жены, не только раскрывает мысли Петра, но и демонстрирует самоанализ, заложенный в сюжете, стратегически нацеленном на повествование.

Конфликт-самоанализ осложняется проблемой отцов и детей. Перестройка оказала влияние как на формирование подрастающего поколения (детей), так и на отцов, в юности прошедших через идеологию хиппи, поисков свободы, а позже ставших свидетелями распада СССР. Внутренний конфликт (*Я – Я*) раскрывает атмосферу, царящую в социуме. Прошлое отцов и настоящее детей (Максим не стремится учиться, увяз в компьютерных играх) сублимируются, заставляя искать взаимопонимание.

Почему сомнамбулизм? Это болезнь времени, болезнь героя периода перестройки. Славу разбудили, как сомнамбулу, чего нельзя было делать, поэтому случилось непоправимое (запил, уволен с работы, упал на стройке в котлован, попал в больницу). Прозрение началось с осознания лжи. Помощь Аллы (его новой возлюбленной) приводит к примирению и согласию с сыном, способствует дальнейшему благополучию.

Организация и структура действия (обилие монологов разного типа, текст разбит на «главки», размышления повествовательного характера, самоанализ, кинематографическое художественное пространство) подчинены принципам **эпизации**.

В лирической драме «Земля Эльзы» (2015) эпическое, лирическое и драматическое образуют симбиоз. Сюжет выстроен на раскрытии судьбы и внутреннего мира главной героини – Эльзы, которая только в старости по-настоящему влюбилась и ощутила себя счастливой.

Эльза – этническая немка, сосланная в Сибирь. О ее прошлом мы узнаем из **монолога-воспоминания**:

ЭЛЬЗА. Родом я из Самары. Так в паспорте написано. Но это одно название. Мы ведь сосланные. Отца расстреляли в сороковом. Разошелся во взглядах на коммунизм с начальником Куйбышевского НКВД. Мне тогда было два года. В сорок первом нас с мамой вместе с другими русскими немцами посадили в теплушки и повезли сюда, в Сибирь. По дороге от воспаления легких умерла моя сестра Марта. Ей было шесть лет. Я до сих пор не знаю, где ее могила. Маму определили в трудовую армию. А меня отправили сначала в дом ребенка, а потом уже в детдом. В сорок седьмом маму выпустили. Она меня разыскала, забрала, отмыла, отогрела. Нам разрешили поселиться здесь, в Ярках. Так и остались [5, с. 288].

Выросшая на этой земле, прошедшая через упреки («фашистка»), она прожила тяжелую жизнь: вышла замуж за нелюбимого человека (были словно чужие, бил, даже ни разу не поцеловал), овдовела, счастливой не была, хотя есть хороший дом, дочь, внуки. В отличие от других вдов села, постоянно жалующихся на болезни, она не утратила желания радоваться жизни: купила туфли на каблучке, вопреки всему приняла решение жить так, как хочется.

Ключевым, судьбоносным моментом становится встреча с Василием – пенсионером, в прошлом учителем географии, переехавшим из города в деревню. Они полюбили друг друга, но дочь Эльзы не была готова принять такой поворот в жизни матери. Она упрекает Эльзу в том, что та слишком рано убрала фотографию покойного отца в шкаф, быстро его забыла. Дочь эгоистично и ревностно относится к матери, не веря в любовь, пришедшую в пожилом возрасте. Соединяя поколения отцов (Эльза и Василий) и детей (дочь Эльзы – Ольга), драматург подчеркивает непонимание, возникающее со стороны последних.

Василий близок Эльзе по духу. Его судьба оказалась проще: окончил педагогический, тоже женился не по любви. Сюжет пронизан лиризмом (трепетные отношения, первый поцелуй, откровения на чердаке, удивление тому, что «носы не мешают целоваться», и др.). Пьеса пронизана романтическими сценами (Эльза и Василий, подобно Каю и Герде, сажают розы, ухаживают за цветами; Эльза, подобно Золушке, приходит на свидание без туфельки, со сломанным каблуком; мечта на мотоцикле поехать в Париж, на южное море). Это возвращает героев в детство, в юность, раскрывая силу чувств.

Эпический пласт (повествование от первого лица, монологи-исповеди, монологи-воспоминания, описательный характер ремарок) органично сочетается с лирическим, но в развязке эта полифония сменяется трагическим финалом: Эльза умирает с мыслью, что здесь прожила жизнь, здесь и будет погребена. Неслучайно драматург назвал пьесу «Земля Эльзы». При этом синтез мелодраматического, лирического и эпического придает художественной структуре особый полифонизм. Многое (проблематика, герои, сказочные и мифологические компоненты) отсылает нас к традициям школы Н. Коляды, чего Я. Пулинович не отрицает, как и свою веру в человечность, добро, людей, будущее⁴.

Новым в трактовке образа этой героини является то, что она (как представитель старшего поколения) прошла через трудности войны и послевоенного лихолетья, не утратив доброты, способности любить, ценить жизнь и быть преданной той земле, на которой родилась. И это важно. Этой пьесой Я. Пулинович завершает типологический ряд героев. Пьеса с успехом идет в театрах России (московский Театр на Таганке), Беларуси (Национальный академический театр имени Янки Купалы) и других стран.

Заключение

Анализ пьес показал, что драматургия Я. Пулинович имеет свой художественный код, который сродни поэтике «новой драмы», но при этом обладает оригинальностью. Автор активно насыщает драматическую структуру **эпическими элементами** (обилие монологов разных видов: монолог-исповедь, монолог-воспоминание, внутренний монолог; повествование от первого лица, развернутые ремарки, вставные конструкции: «главки», сказки, дневники и др.), придающими драме свойства прозы, что способствует адаптации текста к киносценарию.

Автор выстраивает сюжет на истории судьбы героя, нравственном императиве (*добро и зло, правда и ложь, дружба и любовь, преданность и предательство*), находя причины неблагополучия в социуме, «родном доме» и «чужом доме» (детдоме).

Внутренний **конфликт-самоанализ**, раскрывающий сущность протагониста, стал новым приемом в изображении самоутверждающегося героя. Заслуга Я. Пулинович состоит в том, что она вывела на сцену героя нашего времени, способного анализировать свою жизнь, верящего в добро, что не присуще «новодрамовецам». Фактически она наметила новую стратегию, касающуюся поиска героя в современной драматургии, ориентируясь на общечеловеческие ценности.

Библиографические ссылки

1. Руднев П. *Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950–2010-е*. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 492 с.
2. Подлубнова Ю. Время Ярославы. *Знамя*. 2018;3:212–214.
3. Богданова ПБ. «Новая драма»: модель жертвы. *Современные исследования социальных проблем*. 2015;8:380–388. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-32.
4. Багдасарян ОЮ. Современная драматургия: «затянувшийся всплеск». *Филологический класс*. 2009;22:72–75.
5. Пулинович Я. *Победила я. Избранные пьесы*. Москва: Кабинетный ученый; 2017. 340 с.

References

1. Rudnev P. *Drama pamyati. Ocherki istorii rossiiskoi dramaturgii. 1950–2010-e* [The memory drama. Essays on Russian drama. 1950s–2010s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 492 p. Russian.
2. Podlubnova Y. [The time of Yaroslava]. *Znamya*. 2018;3:212–214. Russian.
3. Bogdanova PB. «New Drama»: model of victims. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2015;8:380–388. Russian. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-32.
4. Bagdasaryan OY. [Modern drama: a «lingered splash»]. *Filologicheskii klass*. 2009;22:72–75. Russian.
5. Pulinovich Y. *Pobedila ya. Izbrannye p'esy* [I won. Plays compilation]. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2017. 340 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.02.2020.
Received by editorial board 04.02.2020.

⁴Матвеева А. Пулинович. У драматургии женское лицо. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/slavi-na-mechta-yaroslava-pulinovich-i-an> (дата обращения: 19.01.2020).

УДК 821.161.3.0

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТЕТРАЛОГИИ ВЯЧЕСЛАВА АДАМЧИКА

Н. Г. АПАНАСОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Апокалиптические мотивы в тетралогии В. Адамчика (четыре книги вышли с 1977 по 1990 г.) рассматриваются как художественное воплощение трагичности белорусской народной судьбы. Прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость всех проявлений национального, их влияние на судьбу отдельного человека и нации в целом. Анализируется выявленное на материале западнобелорусского контекста экзистенциальное противоречие бытия человека как действенного субъекта жизни и жертвы истории. Специфика авторского видения трагической белорусской судьбы показывается через триаду *грех – расплата – покаяние* в антропоцентрическом ракурсе (внимание к человеку, его повседневности, вынужденная включенность в события истории). Подчеркивается намерение В. Адамчика избежать однозначности, осмыслить аксиологические противоречия, осознать масштаб ментальной катастрофы во время глобальных конфликтов. Сделан вывод о включенности повествования в христианский контекст, согласно которому судьба белорусов представлена как многострадальный крестный путь.

Ключевые слова: В. Адамчик; тетралогия; апокалиптические мотивы; западнобелорусский контекст; ментальная катастрофа.

АПАКАЛІПТЫЧНЫЯ МАТЫВЫ Ў ТЭТРАЛОГІІ ВЯЧАСЛАВА АДАМЧЫКА

Н. Г. АПАНАСОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Апакаліптычныя матывы ў тэтралогіі В. Адамчыка (чатыры кнігі выйшлі з 1977 да 1990 г.) разглядаюцца як мастацкае ўвасабленне трагічнасці беларускага народнага лёсу. Прасочваецца ўзаемасувязь і ўзаемазалежнасць усіх праяў нацыянальнага, іх уплыў на лёс асобнага чалавека і нацыі ў цэлым. Анализуецца выяўленая на матэрыяле заходнебеларускага кантэксту экзистэнцыяльная супярэчнасць быцця чалавека як дзейснага суб'екта жыцця і ахвяры гісторыі. Спецыфіка аўтарскага бачання трагічнага беларускага лёсу паказваецца праз трыяду *грэх – расплата – пакаянне* ў антрапацэнтрычным ракурсе (увага да чалавека, яго паўсядзённасці, змушаная ўключанасць у падзеі гісторыі). Падкрэсліваецца намер В. Адамчыка пазбегнуць адназначнасці, асэнсаваць аксіялагічныя супярэчнасці, усвядоміць маштаб ментальнай катастрофы ў час глабальных канфліктаў. Зроблена выснова пра скіраванасць апаведу ў хрысціянскі кантэкст, адпаведна якому лёс беларусаў прадстаўлены як шматпакутны крыжовы шлях.

Ключавыя словы: В. Адамчык; тэтралогія; апакаліптычныя матывы; заходнебеларускі кантэкст; ментальная катастрофа.

Образец цитирования:

Апанасовіч Н.Г. Апакаліптычныя матывы ў тэтралогіі Вячаслава Адамчыка. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2020;2:15–25.

For citation:

Apanasovich NG. The apocalyptic motives in the tetralogy by Viachaslau Adamchik. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:15–25. Belarusian.

Автор:

Наталья Геннадьевна Апанасович – аспирантка кафедры истории белорусской литературы филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л. Д. Синькова.

Author:

Natallya G. Apanasovich, postgraduate student at the department of history of Belarusian literature, faculty of philology.
apanata@yandex.ru

THE APOCALYPTIC MOTIVES IN THE TETRALOGY BY VIACHASLAU ADAMCHYK

N. G. APANASOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the apocalyptic motives in the tetralogy by V. Adamchik (four books, 1977–1990) as the way of artistic expression of the writer's concept of the tragedy of the Belarusian people's fate. The interrelationship and interdependence of all forms of the national existence as well as their impact on the fate of the individual and the nation as a whole are shown. The researcher analyzes the existential contradiction of human existence as an agent in their life and as a victim of history revealed in the Western Belarusian context. The peculiarities of the author's view on the tragic Belarusian fate are presented through the triad *sin – atonement – penitence*, through an anthropocentric perspective (attention to a person, their daily life, involuntary involvement in historical events). The emphasis is made on the V. Adamchik's desire to avoid ambiguity, to comprehend axiological contradictions, to realize the scale of a mental catastrophe during the global conflicts. It is concluded that the narration is set in the Christian context, according to which the fate of the Belarusian is presented as the long-suffering way.

Keywords: V. Adamchik; tetralogy; apocalyptic motives; Western Belarusian context; mental disaster.

Уводзіны

Тэтралогія Вячаслава Адамчыка («Чужая бацькаўшчына» (1977), «Год нулявы» (1982), «І скажа той, хто народзіцца» (1987), «Голас крыві брата твайго» (1990)) стала адной з грунтоўных спроб даследавання трагічнага беларускага лёсу ў прозе, напісанай у савецкія і познесавецкія часы. У асэнсаванні дадзенай праблематыкі пісьменнік паказаў сябе прадаўжальнікам беларускай традыцыі. Разам з тым, паводле В. Каваленкі, раманы з'яўляюцца творамі выразна сучаснага літаратурнага мыслення [1, с. 533], якое рэалізавана на ўзроўні паэтыкі і прадстаўлена ў ідэйна-змястоўным складніку.

Рэпрэзентацыя лёсу беларусаў у аспекце трагічнага афармляецца ў пачатку ХХ ст. найперш у творах класікаў Я. Купалы, Я. Коласа, М. Гарэцкага, Ц. Гартнага, К. Чорнага, Л. Калюгі [2, с. 173–183, 192]. На думку А. Мельнікавай, «у ідэнтыфікацыйны код беларускай літаратуры першай трэці ХХ стагоддзя закладваецца канцэпцыя трагедычнага лёсу нацыі, што тлумачылася геапалітычным становішчам краю і неспрыяльнымі гістарычнымі ўмовамі» [2, с. 83]. Пошукі адказаў на пытанні пра нацыянальную самаідэнтыфікацыю, якія і сёння застаюцца актуальнымі, не вырашанымі ў поўнай меры, працягваюцца найперш праз аналіз гісторыка-культурнага кантэксту і асэнсаванне месца беларускіх зямель на палітыка-геаграфічным і культурным «скрыжаваннях». Цэлы комплекс праблем быў выяўлены ўжо ў пачатку ХХ ст.; сярод іх найважнейшымі сталі адсутнасць у беларусаў сваёй дзяржаўнасці, адчуванне сябе на цывілізацыйным раздарожжы, канфесійная залежнасць ад іншанацыянальных цэнтраў, синдром прыстасавальніцтва.

Мастацкае асэнсаванне праблемы ў гэтых двух ракурсах (геапалітычнае становішча і гісторыя) як вызначальных у мастацкім асваенні трагедыі нацыянальнай ментальнасці было працягнута пісьменнікамі-эпікамі (у тым ліку заходнебеларускімі) і ў савецкі перыяд развіцця беларускай літаратуры. Рэалізаваў гэту стратэгію і В. Адамчык у тэтралогіі, якой можна было б даць агульную назву, канцэптуальна вызначаную найменнем першага твора, – «Чужая бацькаўшчына». Паводле Т. Грамадчанка, творы У. Караткевіча, Я. Брыля, В. Адамчыка аспрэчваюць даволі распаўсюджанае меркаванне пра занябанасць, нераспрацаванасць нацыянальнай ідэі ў беларускай літаратуры пасляваенных дзесяцігоддзяў [3, с. 11].

Творчасць В. Адамчыка дастаткова добра вывучана ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве (манаграфіі Я. Лецкі, Н. Дамброўскай, працы В. Каваленкі, М. Тычыны, Г. Тычко, Л. Корань, А. Мельнікавай, артыкулы Н. Суддзевай, Т. Грамадчанка, Ю. Шчукі, З. Трацяк, Н. Лысвай і інш.). Пра асэнсаванне лёсу беларускага народа як трагічнага ў раманах В. Адамчыка пісалі В. Каваленка, М. Тычына, Г. Тычко, Л. Корань, Н. Суддзева, Т. Грамадчанка, А. Мельнікова і іншыя даследчыкі.

Я. Лецка адзначаў імкненне пісьменніка паказаць народны лёс з розных планаў, скіраваць чытача да палемікі [4]. Даследчык падкрэсліваў, што раманамі «Чужая бацькаўшчына» і «Год нулявы» «празаік прад'явіў суровы і патрабавальны рахунак “праклятаму мінуламу”», але «разам з гэтым ён не вызваляе ад адказнасці за свае ўчынкi, не спісвае віны з “несвядомых” асоб» [4, с. 125]. Адзін з ракурсаў асэнсавання трагічнага лёсу беларусаў Я. Лецка бачыў ва ўзнятай у раманах праблеме злачынства і пакарання, погляд на якую праз маральна-этычную прызму паказваў гуманістычную глыбіню твораў. Літаратуразнаўца

пісаў: «Крызісная, тупіковая сітуацыя якраз і спатрэбілася прэзіраваць дзеля таго, каб сцвердзіць у мастацкай форме думку пра тое, што чалавек ніколі і ні пры якіх абставінах не мае права пераступіць мяжу чалавечнасці» [4, с. 125]. Гэта выснова ў поўнай меры можа быць аднесена да ўсёй тэатралогіі.

У артыкуле «На неспазнаны круг жыцця...», прымеркаваным да ўзнагароджання В. Адамчыка Дзяржаўнай прэміяй БССР імя Якуба Коласа за раманы «Чужая бацькаўшчына», «Год нулявы», «І скажа той, хто народзіцца», Г. Тычко падтрымала пазіцыю пісьменніка ў меншай ступені судзіць, а ў большай – спрабаваць паказваць усю складанасць і забытанасць жыццёвых калізій насельнікаў заходнебеларускіх зямель. Даследчыца звярнула ўвагу на псіхалагічна праўдзівыя і пераканаўчыя вобразы ў раманах, раскрытыя са шчырым спахвотаннем, глыбокім разуменнем і надзеяй: «Ёсць не намі прыдуманая праўда, што духоўныя трагедыі і перажыванні ўзвышаюць чалавека, робяць яго больш высакародным. І В. Адамчык у сваёй трылогіі нібы выпрабаввае гэтую праўду. Амаль кожнаму са сваіх герояў ён дае шанс на ачышчэнне» [5, с. 7].

Н. Дамброўская характарызавала глыбіню разумення трагізму народнага шляху Адамчыкам-філосафам праз немагчымасць «вяртання назад былога жыцця для выпраўлення памылак з мэтай пазбегнуць трагічнага лёсу і Божага накіравання» [6, с. 67].

Выхад кожнага рамана выклікаў палеміку, стымуляваў літаратуразнаўчую дыскусію. У першай рэцэнзіі на раман «Чужая бацькаўшчына» А. Рагуля сцвярджаў, што, паводле В. Адамчыка, «жыццё народа без вялікай, яднаючай ідэі ў корані сваім фальшывае, неспраўднае, абсурднае, яно падобнае на “збэрсаны” маток нітак» [7, с. 7]. Літаратуразнаўца гаварыў пра характэрную рысу стылю пісьменніка – з’яўленне «героя заходнебеларускай рэчаіснасці, пазбаўленага права на будучыню» [7, с. 7]. Знешнія засяроджанасць аўтарскай думкі на побытавым жыцці вяскоўцаў, адсутнасць пафаснасці доўгі час звужалі глыбіню асэнсавання рамана.

Неадназначныя ацэнкі мелі і іншыя раманы тэатралогіі. Так, Н. Суддзевая меркавала, што ў апошнім рамане цыкла «Голас крыві брата твайго» В. Адамчык прынцыпова памяняў погляд на праблемы нацыянальнай гісторыі і зрабіў «заяўку на канцэпцыю фатальнай асуджанасці чалавечага жыцця ў навакольным свеце вялікай гісторыі» [8, с. 68]. На яе думку, аўтар больш кіраваўся перабудовачнай модай на перагляд ведаў пра Вялікую Айчынную вайну, чым логікай ідэяна-змястоўнага складніку [8, с. 68]. Па-рознаму інтэрпрэтавалася смерць героя-інтэлігента Міці Корсака ад рук бандыта-партызана Жэніка Рэпкі. В. Каваленка разглядаў «негераічны» фінал як трагічную ваенную недарэчнасць. Даследчык тлумачыў адсутнасць асуджэння Міці аўтарам праз супярэчлівасць самога вобраза, неадназначнасць ацэнак узнятай праблематыкі (псіхалагічна-светапоглядныя хістанні) у савецкім грамадстве. Т. Грамадчанка, наадварот, такі адкрыты фінал жыцця галоўнага героя падаўся цалкам заканамерным. Яна ўбачыла ў ім Адамчыкава разуменне парадоксу часу, у якім валадарамі чалавечых лёсаў сталі нікчэмныя асобы [3, с. 14]. Л. Корань таксама пісала пра непазбежнасць з’яўлення такога тыпу партызана, якому савецкая ўлада дала «магчымасць адкрыта і агрэсіўна спаганяць з аднавяскоўцаў і чужых свае застарэлыя крыўды на ўвесь свет» [9, с. 173].

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца разгляд тэмы трагічнага беларускага лёсу праз прызму апакаліптычных матываў у тэатралогіі В. Адамчыка. Гэта тэма – адна з асноўных у беларускай літаратуры ХХ ст. Актуалізацыя яе ў апошнія 30 гадоў звязана з вяртаннем цікавасці да праблематыкі нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, пошуку нацыянальнай ідэі і героя. Сучаснае пераасэнсаванне этнанацыянальнага дыскурсу, у тым ліку і праз навіязванне комплексу нацыянальнай непаўнавартасці, пашырэнне ідэі заходнерусізму, русафільства, непрыняцце праяў крайняга нацыяналізму шырокімі коламі насельніцтва і многае іншае, спрыяе запыту на мастацкія тэксты, творы класікаў, дзе няма адназначнай ацэначнасці і безапеляцыйных высноў. У гэтым сэнсе тэатралогія В. Адамчыка з’яўляецца каштоўнай крыніцай па выяўленні праблемнага кола асэнсавання першапрычын нацыянальнага занядання, прагназавання будучыні.

Акрамя гэтага, мастацкія творы, якія ўтрымліваюць звесткі пра заходнебеларускі кантэкст, цікавяць вучоных у сувязі з даследаваннем феномена памежжа, праблематыка якога апошнім часам актыўна распрацоўваецца ў гуманітарнай сферы (П. Церашковіч, І. Бабкоў, М. Беспамятных, У. Разенфельд, С. Данскіх, А. Мельнікава, М. Хмяльніцкі і інш.). Тэатралогія В. Адамчыка змяшчае багаты матэрыял для такіх работ.

Тэма трагічнага беларускага лёсу, прадстаўленая праз апакаліптычныя матывы, разглядалася фрагментарна і не прасочвалася праз усе раманы тэатралогіі В. Адамчыка. Аналіз апакаліптычных матываў як найважнейшых у раманнай спадчыне пісьменніка, паглыбленне даследчага ракурсу з пазіцыі этнанацыянальнага дыскурсу і феномена памежжа вызначаюць навізну гэтага даследавання.

Апісанне мастацкай рэалізацыі тэмы апакаліптычных матываў, высвятленне аўтарскага бачання трагічнага лёсу беларусаў праведзены на аснове аналізу вобразнай сістэмы – праз асэнсаванне лёсаў асобных персанажаў, з якіх складаецца жыццё народа. Тэарэтычнай базай для даследавання паслужылі

працы В. Каваленкі, Я. Лецкі, М. Тычыны, Л. Корань, Г. Тычко, А. Мельнікавай, Н. Дамброўскай, Н. Суддзевай, Т. Грамадчанка. Літаратуразнаўчы аналіз твораў ажыццяўляўся з дапамогай культурна-гістарычнага і параўнальна-гістарычнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне

Асэнсоўваючы канцэпцыю трагічнага лёсу нацыі ў тэатралогіі, Адамчык-эпік ставіў складаную задачу: максімальна поўна ахапіць увесь спектр прычын, уздзеянняў, з’яў, якія паўплывалі на нацыянальнае самаўсведамленне беларусаў. Аўтар бачыў народны шлях як трагічны, прыводзячы доказы ў традыцыйным для беларускай літаратуры рэчышчы: праз тэмы вёскі і вайны, адлюстраваныя ў стылі рэалізму ў жанры сацыяльна-бытавога рамана. Пісьменнік мадэлюе мастацкі хранатоп адпаведна нацыянальнай карціне свету, яго асновы прадстаўляе на ўзроўні паўсядзённага, выводзіць на старонкі раманаў шэраг разнастайных, складаных, супярэчлівых характараў. А. Мельнікава заўважае: «Апісваючы падзеі 1930–40-х гадоў, В. Адамчык акцэнтуюе ўвагу на трагічным характары беларускай гісторыі, трагізме лёсу як асобнага чалавека, так і нацыі ў цэлым» [10, с. 169].

Пісьменнік імкнецца паказаць увесь спектр нацыяхоўных элементаў, падкрэслівае, што тут няма няважнага і неістотнага, а ад стаўлення да бягучых падзей і жыццёвых намераў кожнага залежыць лёс усіх. Мэта пражытка – прасачыць шлях да небяспечнай рысы, за якой пачынаецца энтрапія. Гэты шлях ідзе ад лакальнага – разрыву са сваёй сям’ёй, традыцыямі, ладам, мовай – да глабальных пераўтварэнняў, што паступова вядуць да страты ўласнага светабачання, традыцыйнай карціны свету і, урэшце, знікнення людской супольнасці як нацыі. Драматычныя лёсы асобнай сям’і, адной вёскі разглядаюцца шматпланава і падрабозна, што дае магчымасць правесці сімвалічныя паралелі з лёсам народа: маштаб трагедыі з прыватнай драмы павялічваецца да апакаліптычнага.

На рэалізацыю аўтарскай задумкі працуюць і абраны гістарычны перыяд, лакацыя, прадстаўленныя як анталогічныя непазбежнасць, дзе разгортваюцца лёсы персанажаў. Зварот да заходнебеларускай праблематыкі канца 1938 – сярэдзіны 1944 г. дазволіў В. Адамчыку ў сканцэнтраваным выглядзе пралюстраваць практычна ўвесь комплекс праблем нацыянальнага самавызначэння ў гістарычным, культурным, аксіялагічным, рэлігійным, псіхалагічным аспектах і праўдзіва выявіць усю складанасць, супярэчлівасць тагачаснай рэчаіснасці.

Як бы ні быў засяроджаны вясковец на сваім будзённым клопаце, ён вымушаны ўключацца ў трагічныя падзеі рэчаіснасці, выходзіць за межы свайго свету, прымаць рашэнні, рабіць выбар. Т. Грамадчанка заўважае: «Лёс беларуса заўжды быў залежны ад знешніх бур. І як ні адгароджваюцца верасяўцы асцярожнасцю, падазронасцю, абыхаваццю ад вялікага свету, жорсткіх вецер гісторыі ўрываецца ў іх жыццё» [3, с. 12]. Выбраны В. Адамчыкам гістарычны перыяд з’яўляецца найлепшай ілюстрацыяй да гэтай прымусовай уключанасці, трагічнай непазбежнасці, калі сама рэчаіснасць патрабуе ад чалавека хуткіх дзеянняў, не пакідае часу на развагі, дае мінімум магчымасцей.

Такі ракурс дазволіў прадставіць дастаткова аб’ектыўную карціну, дзе гістарычныя абставіны, месца жыхарства выступаюць першапрычынай, што прадвызначае жыццёвыя ўмовы, і змяніць сітуацыю практычна немагчыма. Разам з тым погляд «знізу», з пазіцыі звычайнага вяскоўца, яго будзённага клопату, дазволіў асэнсаваць усе падзеі знутры. Аўтар разглядае праблемы адказнасці чалавека за сваё жыццё і дзеянні, вызначае межы магчымасцей і свабоды выбару, ступень уключанасці або ўдзелу ў гістарычных падзеях.

Імкненне асэнсаваць праблематыку нацыянальнага самавызначэння праз прызму прыватнага жыцця звычайнага чалавека не зменшыла глыбіні і маштабу мастацкага даследавання, а дазволіла падысці да раскрыцця тэмы, пазбягаючы ідэалагічнага клішыравання, патэтыкі высокіх тэм, адназначнасці і безапеляцыйнасці. Паводле Я. Лецкі, раман «Чужая бацькаўшчына» не толькі запойніў істотны прагал у мастацкім асваенні раней невядомага чытачу жыццёвага матэрыялу – ён як бы па-свойму падсвяціў ужо напісанае пра Заходнюю Беларусь, паказаў вытокі і прычыны многіх з’яў [4, с. 93].

Як «прыхільнік аб’ектывізаваанай творчай манеры пісьма» [11, с. 213], В. Адамчык не выступае суддзёй і не выносіць прысудаў, пазбягае стэрэатыпнасці. Творчыя задачы ён вызначаў такім чынам: «У кнігах хачу паказаць трагізм чалавечай душы, зачараванасць душы і яе злом, сутыкненне паміж добром і злом, парыванні чалавечага сэрца і яго няволю» [12, с. 152]. Разам са сваімі героямі ён імкнуўся спасцігнуць сутнасць жыцця, з кожным прайсці адмераны лёсам крыжовы шлях.

Героі раманаў – простыя вяскоўцы, іх спадзяванні не звязаны са спасціжэннем сутнасці быцця, яны не мараць пра славу, перабудову свету. Іх памкненні – ідэал вясковага шчасця: мець зямлю, дом, сям’ю, добрых дзяцей. Але В. Адамчык пакідае права выбару спосабаў дасягнення жаданага за сваімі персанажамі, бо кожнаму самастойна давядзецца несці свой крыж, жыццёвую ношу, цяжар якой залежыць ад асобы чалавека і прадвызначаецца абставінамі, рознымі прычынамі.

Нехта з персанажаў, спрабуючы супраціўляцца лёсу, як галоўная гераіня Алеся, адважыўся на злачынства. Нехта, як Міця Корсак, стаў ахвярай абставін і практычна ператварыўся ў злачынцу. Для кагосяці маральнае падзенне – натуральнае і непазбежнае, для некага жыццё будзе выкупленнем віны, шляхам да пакаяння.

Набліжэнне моманту незваротнасці разглядаецца ў ракурсе хрысціянства, уключанага ў традыцыйную карціну свету беларусаў. Маральныя імператывы вызначаны логікай вясковага жыцця і сарыентаваны не толькі на боскі, але і на чалавечы суд. Паняцце злачынства ў сялянскай маралі звязваецца найперш з грахам і не абмяжоўваецца толькі крымінальнымі або злачыннымі дзеяннямі, ахоплівае значна больш шырокі спектр учынкаў.

Для селяніна важна, што скажуць людзі. Зварот Алесі да ксяндза наконт таго, каб пабрацца шлюбам з Імполем, звязаны найперш з жаданнем пачаць новае сямейнае жыццё так, як прынята ў вёсцы. Менавіта чалавечы суд меў на ўвазе стары Корсак, калі папярэджаў сына Міцю пра неадназначнасць працы на савецкую ўладу: *Спіс складаць меш на арышт, во што будзеш рабіць* [13, с. 29].

Расплата – гэта адначасова канец і пачатак, надзея на пакаянне і дараванне, а значыць – на выратаванне. На гэтай узаемазалежнасці будзеца аповед, у якім апакаліптычныя матывы, трыяда *грэх – расплата – пакаянне* займаюць адно з вядучых месцаў, вызначаючы пафас і ідэйны змест раманаў. Праз усведамленне граху персанажы асэнсоўваюць і прымаюць свой лёс як вынік асабістых памкненняў і ўчынкаў.

Жыццё Алесі – гэта і супраціўленне абставінам, і перыпетыі жаночай долі, шлях да злачынства і прыняцце наканаванага. Прыгожая, на дзіва спрытная, па-гаспадарску ўвішная, яна рана засталася без маці. Так доўга перабірала жаніхоў, што выйшла замуж за нялюблага. Нянавісць да абрыдлага мужа падштурхнула да спробы забіць у сабе дзіця. Нараджэнне мёртвай дачкі распачало грэхападзенне Алесі. Упершыню думка пра пакаранне і збавенне прыйшла да жанчыны пасля перанесенай хваробы, якую яна палічыла вынікам сурокаў. А магілка немаўляці стала месцам, дзе яна спадзявалася выплакаць і адмаліць сваю адзіноту і няшчасце. Забойства свекрыві і заложкі з надзеяй на шчасце ў новай сям’і з прышлым у вёску малацьбітом Імполем зрабіла з Алесі сапраўдную злачынцу. Зямля як перадумова ўдалага вясковага жыцця стала тым, за што маці і сястра былога мужа заплацілі жыццём, а галоўная гераіня – будучыняй: *...не было ў яе шчасця, няма і не будзе. Так ужо рассудзіла доля* [13, с. 227]. Адплата здзейснілася неадкладна. Цяжарная Алеся яшчэ не нарадзіла дзіця, як муж злюбіўся з Хрысціям. Толькі пасля гэтага галоўная гераіня стала здольнай да пакаяння. Пакуты былі настолькі моцнымі, што яна цвёрда намерылася ўсё скончыць, кінуўшыся пад цяжкі. Ад гэтага падвойнага граху яе ўтрымалі рухі яшчэ не народжанага дзіцяці. Далейшае жыццё кардынальна змянілася і стала для Алесі і расплатай, і пакаяннем, і збавеннем. Пошукі хоць якога супакоення прывялі яе да касцёла, размова са старой тэрыяркай пераканала ў неабходнасці споведзі і дала надзею на паратунак.

Працэс адплаты для гераіні быў доўгім і пакутлівым. Сямейнае жыццё ў яе так і не склалася. У час вайны Алеся, рызкуючы, дала прытулак беднаму згаладаламаму яўрэю. Нечакана і страшна загінуў яе бацька. Ёй прыйшлося пахаваць люблага брата. Жыццё для галоўнай гераіні стала пакайным шляхам да змен.

Драматычным было і нядоўгае жыццё Хрысці, якая так і не змагла пераадолець пакутлівае каханне да жанатага Імполь. Сіроцья нягоды ператварылі дзяўчыну з разлучніцы ў ахвяру. Працуючы ў шпіталі ў час гітлераўскай акупацыі, Хрысця дзялілася апошнім з прывезенымі з Расіі няшчаснымі дзецьмі. Рызкуючы жыццём, паспрабавала ўратаваць яўрэя Ёселя. Збітая немцамі, нарадзіла мёртвае дзіця. Незадоўга да расстрэлу за супрацоўніцтва з польскімі партызанамі, пасля страшных і зневажальных катаванняў, Хрысця пераасэнсоўвала свой лёс: *...і за што, за які грэх прыняць смерць? Адзін хіба ёсць – перад Алесяй, што адбіла Імполь, злюбілася з ім. І адзін перад Богам, што пабраліся без шлюб* [14, с. 236].

Грэх і пакаранне за яго – дзве катэгорыі, якія рэгулююць жыццёвы баланс у свядомасці вяскоўца, супадзенні звязваюць заканамернасцю, а нечаканае тлумачаць наканаваннем. У гэтай светапогляднай канстанце верасаўцаў спалучаецца і самастойнасць у прыняцці рашэння, і адказнасць за яго, і фаталістычная вера ў лёс, які нельга ні перахітрыць, ні падмануць. У ахвярнай смерці бацькі, які загінуў, спадзеючыся на справядлівасць немцаў і спрабуючы абараніць жыхароў суседняй вёскі, Алеся ўбачыла і сваю віну. На папярэшчы са спаленымі людзьмі да яе прыйшло ўсведамленне жахлівай сувязі паміж здзейсненым ёю забойствам і пакутлівай гібеллю роднага чалавека: *Пэўна, за гэта да бацькі прыкінуўся грэх, бо згарэў у гуме* [14, с. 159]. Радаснае вяртанне Ваўчка, які здолеў цудам не трапіць на фронт з палком уланаў, азмрочылася смерцю маленькага сына. Гэту страту мужчына ўспрыняў як страшную плату за спробу ўратавацца самому, падмануць смерць.

Заўважым, што на працягу ўсяго апаведу В. Адамчык імкнецца да аб’ектыўнасці. На думку Г. Тычко, «пісьменнік далёкі ад ідэалізацыі сялянскага жыцця, сваіх персанажаў ён паказвае рэальна

няпростымі людзьмі» [11, с. 212]. Прымаючы супярэчлівасць чалавечай натуры, аўтар адкрыта не выказвае сімпатыю да сваіх персанажаў і не асуджае іх.

Складаны і забытаны лёс Міці Корсак – *птаха з падрэзанымі крыламі* [15, с. 235]. Яго цярністы шлях стаў увасабленнем неаднойчы падманутай беларускай інтэлігенцыі. Апантаны беларускай ідэяй, хлопец адрозніваўся ад аднавяскоўцаў найперш узроўнем самасвядомасці, адчуваннем сваёй грамадзянскай адказнасці. Т. Грамадчанка сцвярджала: «Міця не адасоблены вучобай, набытай адукацыяй, паходжаннем ці, урэшце, хоць бы ваенным лёсам ад свайго асяроддзя, ён не толькі з народам, але – у народзе. Такога героя наша проза яшчэ не ведала» [3, с. 11]. Неаднаразова ўначы ён сам-насам разважаў пра жыццёвае прызначэнне: *...ён зробіць нешта вялікае на гэтай зямлі дзеля сябе і дзеля сваіх людзей, ён пойдзе ваяваць за іхнюю волю* [15, с. 102]. У яго развагах няма самалюбавання, гэта, хутчэй, юначы рамантызм, прысяга на служэнне народу, адказнасць за сваю далучанасць да грамадства, рашучасць і жаданне дзейнічаць. Як меркаваў В. Каваленка, «Міця ўжо прагне вялікай навукі і культуры, глыбокага пазнання свету, каб змяніць цяжкія сацыяльныя ўмовы існавання ўсяго народа» [1, с. 536].

Нездарок патрапіўшы каменем у п'янага чалавека замест сабакі, Міця *невядома чаму* [15, с. 347] зразумеў, што можна міжволі прынесці смерць. Ён глыбока задумаўся пра гэта пасля выпадковага разбурэння птушынага гнязда ў час касбы. Развагі сталі прадчуваннем апакаліптычнай варожай навалы, апярэджаннем тых жыццёвых выпрабаванняў, што былі вызначаны лёсам і абставінамі. На пэўную зададзенасць, наканаванасць будучыні пратаганіста звяртала ўвагу Л. Корань: «Як носьбіт гуманітарнай рэфлексіі, ён павінен прайсці крыжовы шлях да канца, і па магчымасці шлях пакручасты, скампраметаваны...» [9, с. 176].

Папярэджаннем трагічнай прадвызначанасці лёсу беларускіх змагароў прагучалі звернутыя да Міці словы ксяндза з рамана «Год нулявы»: *Гэты люд не хоча ведаць свайго нічога... гэты народ не ўчуе вас, ён глухі не толькі да слова свайго, свае душы, ён, як смяртэльна хворы чалавек, не адгукаецца ні на што, ён адмірае ўжо. І вы не ідзіце гэтаю дарогаю шукаць яго, свой народ. Ён нават вам адпомсціць за гэта... Ён, гэты народ, даўно не разбірае, хто яму спрыяе, хто яму чыніць зло* [16, с. 209]. У такіх развагах і праўда, і безнадзейнасць, і спачуванне ўсім ахвярам беларускага руху як мінулага часу, так і з будучых пакаленняў. Дазволім сабе выказаць здагадку наконт упэўненасці аўтара ў тым, што без ведання глыбіні ментальнага канфлікту, прыняцця гэтай непрыемнай праўды пра сябе наўрад ці можна адшукаць выйсце. Ад смерці ў канцэнтрацыйным лагеры ў Картуз-Бярозе, куды Міця трапіў за свае беларускія перакананні яшчэ да пачатку Другой сусветнай вайны, яго ўратаваў сукамернік Мазура. Стары адгукнуўся на прозвішча Корсак, здагадаўшыся, што хлопца клічуць на расстрэл. Шмат разоў пасля гэтага юнак асэнсоўваў, што адбылося, і да радасці ад выратавання далучаліся згрызоты сумлення: *Няўжо Міця вінаваты ў тым, што няма на свеце Мазуры?* [13, с. 22].

Надыход савецкай улады, у якую Корсак шчыра верыў, распачаў новы этап жыццёвых выпрабаванняў. Яму прыйшлося ўдзельнічаць у пераразмеркаванні зямлі, раскулачванні землякоў, стаць ахвярай даносу. Выкліканы ў адзел НКВС, Міця і сам павінен быў сведчыць супраць свайго старэйшага паплечніка, сапраўднага патрыёта Царыка. З супярэчлівымі пачуццямі Корсак назіраў за адпраўкай цягніка з асуджанымі савецкай уладай, куды трапілі былы верасаўскі солтыс Вайтовіч, дырэктар школы Табеш, начальнік дварчанскай станцыі Чыжэўскі, калега бацькі яго любай Чэсі. Калі яна прапанавала Міцю падысці бліжэй да вагонаў, ён адмовіўся, аргументуючы сваю пазіцыю меркаваннем пра адплату і справядлівасць: *Я не злы, але я адпакутаваў з добрай ласкі тых, што стаяць у тых вагончыках. Няўжо я павінен ім дараваць?* [13, с. 256]. Даволі хутка хлопцу прыйшлося прымерыць на сябе ролю ўпаўнаважанага, прымаць удзел у высылцы сям'і Вайтовіча. Ахвярай стала Яніна, дачка Солтыса, цяпер ужо ворага народа. Нават вымушаны ўдзел не апраўдвае Міцю, а робіць з яго здрадніка ў вачах дзяўчыны – у адносінах да іх узаемнай закаханасці, да агульных планаў і мар пра вучобу і будучыню. В. Каваленка заўважаў: «Арыштоўваючы Яніну, кветку – сімвал роднай зямлі, ён здраджвае самому духу гэтай зямлі. І няма яму апраўдання» [17, с. 244].

Трагічным фіналам непрадказальных жыццёвых калізій стала супрацоўніцтва з антысавецкімі сіламі, што дзейнічалі на баку немцаў у час акупацыі. Міцю пераконваюць у тым, што на дадзеным этапе іншых варыянтаў служэння Беларусі няма. А немцы абяцаюць падтрымку: *Паслужыце покуль што ў нас. Нам патрэбны тыя, хто адчувае дух народа, хто верыць у непераможную сілу і моц нашай Бацькаўшчыны* [14, с. 127]. Так узвышаныя і высакародныя ідэі, якімі Корсак жывіў усё сваё нядоўгае жыццё, за якія столькі адпакутаваў у польскім канцлагеры і нямецкай катавальні, выкарыстоўваюцца супраць яго і нечакана скіроўваюць на шлях злачынцы. Л. Корань так разважае пра гэта: «Міця не можа ўтульна абжыцца ў акупацыйным побыце, змірыцца са сваім месцам у ім, з доляю вязня дварчанскай жандармерыі, вызваленага ад расстрэлу Камашылам. Выпадак адлучыў Міцю ад блізкіх, пазбавіў магчымасці быць адносна непрыкметным для ўлад чалавекам “з масы”, як Улас Корсак, Алесь, Хрысця, Імполь, і гэтая адлучанасць для Міці – трагедыя» [9, с. 176].

Усведамляючы ўвесь жах і бязлітаснасць таго, што адбывалася, ён супраць сваёй волі стаў удзельнікам праследавання партызан. Не цэлячыся і не жадаючы патрапіць, выпадкова застрэліў дзяўчыну-партызанку. Тое, пра што з жахам думаў некалі ў мірны час, гледзячы на разбуранае птушынае гняздо, спраўдзілася. Паводле В. Каваленкі, гэты стрэл для Міці «быў у самога сябе» [17, с. 246]. Нечакана ён наблізіўся да той мяжы, за якой ужо няма ніякага апраўдання: *Такі вялікі і такі непанраўны грэх! І далей перад табою чорная бясконца яма...* [14, с. 204]. Паступова да яго прыйшло разуменне, што шлях у фашысцкі засценак прывёў да страты сябе, да здрадніцтва ўсяму, што было найвышэйшым сэнсам, такім важным і дарагім. Але канчаткова ўсвядоміў жыццёвую пастку Міця толькі пасля таго, як убачыў цела расстралянай Хрысці ў яме з многімі іншымі ахвярамі. У яго думках няма самаапраўдання – хутчэй, разуменне безнадзейнасці і прыняцце наканаванага: *Ад свайго ўжо не ўцяку – лёс такі* [14, с. 226]. Ад маральных пакут у сітуацыі безвыходнасці і непазбежнага людскога суду яго фактычна ўратавала ўласная смерць.

Забойства Міці даўнім ворагам, жорсткім і бязлітасным партызанам Рэпкам, стала недарэчнай выпадковасцю. Мяркуем, што пісьменнік наўмысна пазбавіў свайго героя ахвярнай смерці. Такі фінал, як ужо згадвалася, даследчыкі трактуюць па-рознаму. Акадэмік В. Каваленка звяртае ўвагу на адсутнасць адкрытага аўтарскага асуджэння і абгрунтоўвае пазіцыю В. Адамчыка тым, што «вельмі складаныя, страшэнна супярэчлівыя сацыяльна-палітычныя драмы і народныя трагедыі стаяць за лёсам персанажаў твора, каб іх можна было ацэньваць толькі з пункта погляду таго моманту, калі завяршыўся твор» [1, с. 545].

Іншае меркаванне мае Т. Грамадчанка: у смерці Міці даследчыца ўбачыла заканамернасць, што праяўляецца ў парадоксе часу, у якім жывуць героі раманаў, калі права кіраваць жыццём і вяршыць суд над іншымі атрымалі суб'екты, падобныя да Жэніка Рэпкі [3, с. 14]. Паглыбляецца гэта думка і ў даследаванні Л. Корань, якая гаворыць пра дэміфалагізацыю прадстаўнікоў савецкай улады, у тым ліку і партызан, ды самой сістэмы, што дала максімальныя паўнамоцтвы падобным тыпам: «Але самае страшнае – гэта тая вялікая, вельмі вялікая ўласць над чалавечымі жыццямі, якую мае Жэнік-партызан: пагнаў купку мужыкоў ноччу рэзаць тэлеграфныя слупы – і ўжо раніцай казакі замучылі і павесілі на крыжы знаёмага Жэніку з дзяцінства дзядзьку Марціна Ваўчка; закатаваў Рэпка выпадкова захопленанага ворага – і вось ужо ўся Жэнікава родная вёска спалена разам з людзьмі» [9, с. 173–174].

З моманту выхаду апошняга рамана тэтралогіі «Голас крыві брата твайго» прайшло ўжо больш за 30 гадоў, аднак і з пазіцыі сённяшняга дня праблема, увасобленая ў вобразе маладога паэта Міці Корсака, застаецца не менш складанай і супярэчлівай. Занадта многа фактараў маральных, этычных, гістарычных, палітычных, нацыянальных – апасродкавана ці непасрэдна – паўплывалі на ўсіх тых апантаных юнакоў канца 1930-х гг., з чых лёсаў і склаўся гэты збіральны вобраз заходнебеларускага інтэлігента пад рознымі акупацыямі. У дзённіку 1970-х гг. В. Адамчык так ахарактарызаваў гэты персанаж: «Міця (Змітрык) – не Левін Талстога. Ён загіне ад тых людзей, дзеля якіх рабіў дабро. Дарэчы, гэта пакутная, усвядомленая смерць усяе нашае інтэлігенцыі. Беларуска Галгофа...» [18, с. 47].

Імклівае разгортванне падзей у раманным цыкле, унутры якіх існуе і дзейнічае чалавек, дае магчымасць паглядзець на ўсё з іншага пункта гледжання, дзе фаталістычная зададзенасць лёсу прадвызначана нейкімі іншымі сіламі, агульным ходам гісторыі. В. Каваленка падкрэсліваў, што «чытача зачароўвае і вядзе за сабой сам ход жыцця, з яго нечаканымі, але не стыхійнымі паваротамі, якія ўсё ж маюць сваю прычыннасць у нечым, што калісьці адбылося з людзьмі...» [1, с. 532].

Не здымаючы адказнасці з кожнага са сваіх персанажаў, В. Адамчык даследуе і знешнія прычыны, што садзейнічалі зменам у паводзінах людзей. З прыходам новай улады і класавай маралі, з увядзеннем новых парадкаў мяняюцца абставіны, якія даюць выйсце бязлітаснаму, жывёльнаму. Сяляне з шалёнай нянавісцю знішчаюць сядзібу асаднікаў. Падобнае стала магчымым і законным з прыходам савецкай улады. Не без падстаў мясцовыя жыхары называюць балышавікоў нехрысцямі. Для вяскоўцаў гэтыя жыццёвыя змены распачынаюць усеагульны шлях да гібелі, да таго страшнага часу, калі брат пойдзе на брата, а скіраванасць на праўду і справядлівасць заменіцца падазронасцю і даносамі.

Паваротным пунктам стала жорсткае, абгрунтаванае класавай нянавісцю забойства асадніка Грабянкі прыхільнікамі новай улады. Яго зарубілі на вачах у сям'і і вяскоўцаў. Гэта падзея ў раманах «Год нулявы» адкрыла крывавае бок тых парадкаў, што прыйшлі на «Крэсы Выходні» пасля аб'яднання Заходняй Беларусі з усходняй часткай. Жыццё людзей кардынальна змянілася. У сувязі са здарэннем змены здаваліся непарадкавальнымі, катастрофічнымі, нараджалі страшныя прадчуванні.

Наступаў час, калі ўсё заблытвалася і кожны мог быць уцягнуты ў злачынства. Шляхі да выратавання губляліся, бо любы чалавек мог стаць і катом, і ахвярай. З таго, хто атрымаў права выносіць прысуды, Аўсянік, адданы баец савецкай улады, ператварыўся ў ахвяру і быў арыштаваны ўжо не польскімі ўладамі, а балышавікамі. Пад увагу НКВС трапіў патрыёт балышавік Царык. Наогул, яго трагічнае жыццё стала сімвалічным, паказальным у сваёй фаталістычнай зададзенасці: *Ты скажы, што*

за лёс выпадае чалавеку: якая ўласць ні прыйшла, што ні змянілася на свеце, а ён усё нікому не патрапіць [14, с. 240]. Пазней Міця не здолее ўратаваць яго з турмы, і Царыка расстраляюць немцы. Тым не менш Л. Корань падкрэслівае зніжаны статус гэтага персанажа. На думку даследчыцы, ён прадстаўляе тупіковае адгалінаванне: «...люстэрка змучанай, нехлямяжай нацыянальнай свядомасці, што ці не схібіла на выканкамаўскім пайку, што была не раз ашукана ў лепшых надзеях і неаднойчы нізрыну-та ў крывавую яму, поўную трупаў, што ледзь трымціць у стане перманентнай летаргіі» [9, с. 178].

Абсурдныя абставіны жыцця пазбаўлялі чалавека свабоднага выбару, спараджалі супярэчнасць, у якой не мелася адназначна правільнага, адэкватнага рашэння. Імкненне да зразумелага і агульнавядомага, што было засвоена на працягу жыцця, падсвядома прыспешвала апакаліптычную развязку, якая ўспрымалася як збавенне. З гэтай прычыны апісанне пачатку вайны выглядае нечакана заканамерным: *Вайна! Яна была чаканай, як чакаюць збавення, нават смерці ад нязлечнай хваробы* [16, с. 308].

Ваенная рэчаіснасць стала новым і самым страшным выпрабаваннем для верасяўцаў, як і для ўсяго народа. Паступова ўсіх аб'ядналі страх, непрадказальнасць, смерць. В. Адамчык – адзін з першых у беларускай рэалістычнай літаратуры, хто ўзняў тэму жыцця на акупаваных тэрыторыях і паказаў, што для мясцовага насельніцтва небяспеку ўяўлялі не толькі нямецка-фашысцкія захопнікі, але і свае – партызаны самых розных групавак і палітычных арыентацый. У поўнай меры гэта адлюстравана ў эпізодзе, калі жыхары вёскі паводле старажытнага звычаю, спрабуючы абараніцца ад бяды, што напаўзала з усіх бакоў, *абараніліся на крыжы* [14, с. 94]. Нечаканая ночная сустрэча з мясцовымі партызанамі скончылася фатальна. Раніцай сялян чакала расправа паліцаяў. На новапастаўленым крыжы павесілі аднаго з жыхароў вёскі – Марціна Ваўчка.

Абсурдная ваенная рэчаіснасць прымусіла саступіць з пазіцыі неўмяшання і Уласа Корсака. На думку Н. Дамброўскай, ён «сапраўдны прыродны чалавек» [19, с. 101], бо жыве згодна з законамі продкаў. Падчас любых выпрабаванняў ён трымаецца годна, яго слова гучыць слушна і аўтарытэтна. Скрушліва выказанае *Памірай ці не памірай, а трэба рабіць* [13, с. 209] не толькі характарызуе працавітасць старога Корсака, але і ілюструе найвышэйшую ступень адданасці селяніна працы на зямлі, адказнасці за яе.

Паступова да вяскоўца прыйшло разуменне таго, што жыццё пачало рухацца сваім ходам, паўплываць на які ён ужо не здольны. Абставіны прымусілі паставіць пад сумненне перакананне ў тым, што, якая б улада ні прыйшла, як бы ні змяніліся абставіны, працавітасць, пазіцыя неўмяшання і ў той жа час арыентаванасць на катэгорыі народнай справядлівасці дазваляць захаваць дом, сям'ю. Рашэнне зарэгістраваць параненага камандзіра згодна з распадаржэннем камендатуры выявіла маральную супярэчлівасць ваеннага часу. Праз сваю законапаслухмянасць Улас і выдаў немцам таго, каго ратаваў, і сам наблізіўся да пагібелі.

Шэраг выпадковасцей прывёў да трагічнага завяршэння жыцця Корсака і трагедыі вёскі. Дзеля забавы паліцэйскія застрэлілі чатырнаццацігадовае дзяўчо. Савецкія партызаны, нягледзячы на просьбы вяскоўцаў спыніцца, учынілі страшную расправу над забойцам. Адным з тых, хто здзейсніў тое пакаранне смерцю, стаў Жэнік Рэпка. Чалавек жорсткі, неўтаймоўны ў сваёй нянавісці, ён разгарнуўся на поўную сілу менавіта ў час ліхалецця, блізкага яму па духу бесчалавечнасці.

Нягледзячы на шкадаванне пра выпадковую і ад гэтага яшчэ больш несправядлівую смерць юнай Лёрці, прысутныя на расправе жыхары вёскі зразумелі, што помста праз катаванне і смерць спародзіць яшчэ большыя ахвяры. Страшная сцэна пашырыла межы катастрофы з-за хуткай змены роляў, калі ахвяра становіцца карнікам, а ўсе выпадковыя сведкі аб'ядноўваюцца агульным грахам і бядой. Спробы спыніць яшчэ большае ліха дзеля выратавання іншых былі беспаспяховымі. Маштабнасць і глыбіня трагедыі ўзнімаюць здарэнне на ўзровень сімвалічнага абагульнення, напоўненага апакаліптычным сэнсам.

Пасля расправы аднавяскоўцы хаваюцца па хатах, *адчуваючы жудасць і страх у душы і чакаючы новай немінучай бяды* [14, с. 143]. Яна прыйшла, бо за смерць паліцая было вырашана спаліць жыхароў вёскі. Менавіта стары Корсак, які заўсёды імкнуўся не ўмешвацца, не вытрымаў гэтай жудаснай несправядлівасці. Успамінаючы мінулую вайну, ён пайшоў да немцаў тлумачыць, заступацца за людзей, адстойваць іх невінаватасць. Але літасці не атрымаў.

Навіна пра пачатак вайны ўзнавіла ў памяці вяскоўцаў успамін пра былое будаўніцтва маста перад мікалаеўскай вайной. Аналогія Язапата Змысла стала прароцтвам: *Значыцца, на бяду робім, будзем гарэць, як тады гарэлі* [16, с. 315]. Разам з прылуцкімі жыхарамі згарэў у хляве і Корсак, усведамляючы глыбіню трагічных перамен, што так перайначылі жыццё: *...тут ужо ўсяму цаны ды меры няма* [14, с. 150]. Так паступова лёс асобнага чалавека з'ядноўваецца з іншымі праз накіраванне: на ўсіх адзін лёс, непадуладны супраціўленню, непадлеглы зменам.

Каштоўнасць канфлікт, што прадугавяўся абсурднай рэчаіснасцю, разгарнуў маштаб граху да ўсенароднага. Так, у рамане «Чужая бацькаўшчына» старая Таквіля Мондрая бедавала па тым, што было яшчэ не ўсім відавочна: *Граху цяперака ніхто не баіцца* [15, с. 262]. Таксама Царык, захоплены

ідэямі Дастаеўскага ды пазнаннем душы, робіць выснову, што *цяперашні чалавек нічагутка не байца* [15, с. 432]. І ўжо з прыходам савецкай улады весела і смела пад гармонік гучыць з «чырвонага абоза»: *Кончыўся касцёл, цётка, настала кіно* [13, с. 219]. Урэшце стала зусім зразумела, што *ўжо ж выракліся ўсяго* [13, с. 219]. У фінале тэтралогіі апакаліптычныя матывы ўзмацняюцца, выяўляюцца маштабы спраўджаных пераўтварэнняў: *Людзі адцураліся ды выракліся ўжо самыя сябе* [14, с. 158]. Паводле М. Тычыны, драматызм падзей дасягне максімуму, калі «пачнецца распад нацыі як адзінага цэлага, яе маральныя дэзарыентацыя і дэградацыя» [20, с. 7]. Змены закранаюць усіх, бязлітасна прад'яўляюць рахунак на чалавечае жыццё і будучыню. А тое, што адбываецца ў свядомасці людзей, суадносіцца з Божай карай, толькі зазнаўшы ды выпакутаваўшы якую магчыма прайсці цяжкія шляхі да новага перараджэння.

В. Адамчык раскрывае трагічнасць чалавечага лёсу з яшчэ аднаго ракурсу, які можна было б акрэсліць як «без віны вінаватых». Тэма гэта, побач з іншымі, узнікае ў Царыкавым успаміне пра спробу пераходу савецка-польскай мяжы яшчэ да пачатку Другой сусветнай вайны. Пасля затрымання траіх аднавяскоўцаў рускімі памежнікамі дадому, на «Крэсы Выходні», вярнуліся толькі двое. Трэцяга свайго таварыша Сцяпуру ўцекачы так больш і не бачылі. Пачуццё вінаватасці па вяртанні ўзмацняе і дакор Сцяпуравай жонкі. Яна ўпэўнена, што насамрэч сябры-ўцекачы расправіліся з яе мужам. Царык спавядаецца Міцю: *...мы так і жывём з Раманюком, носячы на сабе гэты выдуманы грэх...* [13, с. 234]. Пасля ўдзелу ў розных войнах Літвар жыве са скалечанай псіхікай і комплексам віны за тое, што жывы, цудам уратаваўся, удала збег. На камплімент пра добрае сэрца сваёй спадарожніцы па цяжкім ён адказвае: *Пабойцеся бога, якое ўжо добрае. Столькі нагледзеўся, столькі ўжо бачыў... што сэрца ўжо скамянела* [13, с. 123]. Многія героі В. Адамчыка жывуць з пачуццём, што яны «без віны вінаватых». З'явіцца гэта адчуванне і ў старога Корсака пасля недарэчнай смерці лейтэнанта, пра што гаварылася вышэй. Стары верасавец зрабіў усё як след, ён проста не здолеў прадбачыць такой хуткай і недарэчнай расправы. Безумоўна, найбольш яскрава погляд на праблематыку «без віны вінаватых» выяўлены праз лёс Міці Корсака, чыё жыццё фактычна – гэта пакуты з-за віны, якой не меў, віны за беларускасць і перад польскай уладай, і перад савецкай, і, як потым высветліцца, перад самім беларускім народам – з-за супрацоўніцтва з фашыстамі. У дзённіковых запісах «Крэскі з аўтабіяграфіі» В. Адамчык прызнаваўся: «Вобраз Міці Корсака, які я шукаў у самім сабе, спярша здаваўся мне арыгінальным і нязбіта-нешаблонным, покуль я не дайшоў да Бібліі, – вобраз Хрыста-пакутніка мы паўтараем усе» [21, с. 9]. Гэта «мы» выяўляецца праз многія лёсы персанажаў і злучаецца ў абагульнены вобраз беларускага народа – вобраз няпросты, супярэчлівы, шматпакутны.

Ідэя трагічнасці беларускага лёсу рэалізавана таксама праз кампазіцыю і сюжэтабудову тэтралогіі. Апакаліптычны пафас, драматычнае напружанне паступова нарастаюць ад рамана да рамана. Ад дастаткова павольнай, сузіральнай медытатыўнасці першага твора аповед у наступных становіцца ўсё больш дынамічным, рухомым; у апошнім рамане аўтарская ўвага канцэнтруецца на ключавых драматычных падзеях. Як адзначаў М. Тычына, «драматызм падзей нарастае і мацнее з кожным новым раманам, каб у заключным творы дасягнуць маштабаў мясцовага апакаліпсісу...» [20, с. 7]. Апакаліптычныя матывы, што гучаць ад пачатку трывожнымі згадкамі, як па спіралі, вяртаюцца жажлівай праўдай жыцця ў апошнім рамане.

Заклучэнне

Апакаліптычныя матывы ў тэтралогіі В. Адамчыка з'яўляюцца адным са спосабаў мастацкага ўвасаблення аўтарскай канцэпцыі трагічнасці народнага лёсу. Т. Грамадчанка падкрэслівае: «Думка пра радзіму, пра народ, да якога лёс і ў XX стагоддзі не стаў больш спагадным і літасцівым, пульсуе ў рамане Адамчыка. Выказана яна не публіцыстычна-аголена, а па-мастацку, праз чалавечыя характары» [3, с. 11].

Мастацкае палатно раманаў наскрозь пранізана апакаліптычнымі матывамі, яны звязваюць у адно гісторыю, час, падзеі, лёсы, паказваюць экзістэнцыяльную складанасць быцця чалавека, які адначасова і дзейны суб'ект жыцця, і ахвяра гісторыі.

У тэтралогіі прасочана ўзаемазвязанасць і ўзаемаабумоўленасць розных праяў нацыянальнага быцця ў прасторы і часе. Пісьменнік пабудоваў сюжэтную лінію так, каб была магчымасць разгледзець праблему жыццёвага накіравання і праз гісторыка-палітычны, ваенны, культурна-побытавы ракурсы, і праз існаванне асобнага чалавека, яго адказнасць і выбар, дзеянні і ўчынкі.

Аўтар не бярэ на сябе ролю судзі, не выносіць прысуды. Ён імкнецца знайсці і зразумець знешнія прычыны і асабістую матывацыю паводзін сваіх персанажаў, асэнсавачь аксіялагічны канфлікт паміж старым і новым, верай і бязвер'ем, усвядоміць межы ментальнай катастрофы падчас глабальных канфліктаў.

Гісторыка-палітычныя і ваенныя падзеі прадстаўлены ў эпасе В. Адамчыка як анталагічная аснова жыцця. Але погляд пісьменніка антрапацэнтрычны, творцу цікавіць сам чалавек, яго псіхалогія і ўчынкі. Праз лёс кожнага свайго персанажа В. Адамчык прасочвае шлях да нацыянальнай трагедыі ў вымярэнні лакальным, прыналежным канкрэтнай асобе, і агульным, характэрным для большасці людзей. Кожны з герояў мае няпростую долю, нясе свой жыццёвы крыж. Аўтар прадстаўляе лёс беларусаў як шматпакутны крыжовы шлях, рух да нацыянальнай Галгофы.

Тэатралогія В. Адамчыка арыентуе на традыцыйныя беларускія каштоўнасці першаасновы, утрымлівае моцны нацыянальны патэнцыял. Творы можна назваць своеасаблівым «апостальскім» пасланнем чытачам, у якім гучыць аўтарскае спадзяванне на лепшае: *Хто памажа нам сляпыя вочы? Хто зробіць нас відушчымі?* [14, с. 87]. Гэта не толькі апавед пра мінулае, але найперш клопат пра будучыню, пісьменніцкае папярэджанне свайму і будучым пакаленням.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Каваленка В. Вячаслаў Адамчык. У: Андрэюк СА, Арошка М, Лаўшук СС, Гніламёдаў УВ, рэдактары. *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Том 4, кніга 1. 1966–1985*. Мінск: Беларуская навука; 2002. с. 521–548.
2. Мельнікава А. *Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя*. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны; 2016. 214 с.
3. Грамадчанка Т. Дайсці да праўды. Творчасць Вячаслава Адамчыка. *Роднае слова*. 1993;11:8–15.
4. Лецка Я. *Хараства і боль жыцця: нарыс творчасці Вячаслава Адамчыка*. Мінск: Навука і тэхніка; 1985. 128 с.
5. Тычка Г. На неспазнаны круг жыцця... *Літаратура і мастацтва*. 1988, 28 лістапада. с. 6–7.
6. Дамброўская Н. *Проза Вячаслава Адамчыка: родава-жанравы і стылявы аспекты*. Брэст: Альтэрнатыва; 2009. 182 с.
7. Рагуля А. Людзі на раздарожжы. *Літаратура і мастацтва*. 1977, 10 чэрвеня. с. 7.
8. Суддзевы НЛ. Праблемы нацыянальнай гісторыі ў творчасці В. Адамчыка. У: *Зборнік тэзісаў дакладаў на навукова-метадычнай канферэнцыі прафесарска-выкладчыцкага складу. Частка 2*; 1993; Мінск, Беларусь. Мінск: Мінскі інстытут культуры; 1993. с. 66–68.
9. Корань Л. *Цукровы пеўнік*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1996. 286 с.
10. Мельнікава А. Актualізацыя нацыялагічнай праблематыкі ў беларускай літаратуры XX ст. У: Казакевіч А, рэдактар. *Пяты Міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. Том 5; 2–4 кастрычніка 2015 г.; Каўнас, Літва*. Kaunas: Vytautas Magnus University Press; 2016. с. 166–169.
11. Тычко Г. *Беларуская літаратура XIX–XX стагоддзяў: час і асобы*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; 2010. 267 с.
12. Бадак А. Хочу показати трагизм человеческой души. *Нёман*. 2013;11:150–152.
13. Адамчык В. *І скажа той, хто народзіцца. Раман*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1987. 319 с.
14. Адамчык В. *Голас крыві брата твайго: раман, апавяданне*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1991. 287 с.
15. Адамчык В. *Чужая бацькаўшчына. Раман*. Мінск: Папуры; 2015. 511 с.
16. Адамчык В. *Год нулявы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1983. 396 с.
17. Каваленка В. Птах з падрэзанымі крыламі. *Польмя*. 1992;5:235–247.
18. Адамчык В. Ліст аканта. Фрагменты з дзённікаў. *Маладосць*. 1996;7:6–64.
19. Дамброўская Н. Вобраз прыроднага (натуральнага чалавека) у творчасці Л. М. Талстога і В. Адамчыка. В: Нестеренко АА, рэдактар. *Наследие Л. Н. Толстого и современность (175 лет со дня рождения). Материалы научной конференции; 13–14 ноября 2003 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: ВГУ; 2003. с. 101–103.
20. Тычына М. Развітанне з сялянскай Атлантыдай. Вобразны свет Вячаслава Адамчыка. *Роднае слова*. 2003;8:4–8.
21. Адамчык В. *Крэскі з аўтабіяграфіі. Выбраныя творы. Том 1. Чужая бацькаўшчына. Падарожжа на Буцафале: апавесць. Апавяданні*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1995. 479 с.

References

1. Kavalenka V. Viachaslau Adamchyk. In: Andrajuk SA, Arochka M, Laushuk SS, Hnilamiodau UV, editors. *Gistoryja belaruskaj litaratury XX stagoddzja. Tom 4, kniga 1. 1966–1985* [The history of the Belarusian literature of the 20th century. Volume 4, book 1. 1966–1985]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. p. 521–548. Belarusian.
2. Mel'nikava A. *Nacyjanal'na-svetapogljadnyja kaardynaty belaruskaj litaratury pershaj trjeci XX stagoddzja* [National and ideological coordinates of the Belarusian literature of the first third of the 20th century]. Gomel': Francisk Skorina Gomel State University; 2016. 214 p. Belarusian.
3. Gramadchanka T. [Get to the truth. Creativity of Vyachaslau Adamchyk]. *Rodnae slova*. 1993;11:8–15. Belarusian.
4. Lecka Ja. *Harastvo i bol' zhyccja: narys tvorchasci Vjachaslava Adamchyka* [The beauty and pain of life: an essay on the work of Viachaslau Adamchyk]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1985. 128 p. Belarusian.
5. Tychka G. [On the unknown circle of life...]. *Litaratura i mastactva*. 1988 November 28. p. 6–7. Belarusian.
6. Dambrowskaja N. *Proza Vjachaslava Adamchyka: rodava-zhanravy i styljavy aspekty* [Prose Vyacheslav Adamchik: generic-genre and stylistic aspects]. Brest: Al'ternativa; 2009. 182 p. Belarusian.
7. Ragulya A. [People at the crossroads]. *Litaratura i mastactva*. 1977 June 10. p. 7. Belarusian.

8. Suddzeva NL. [Problems of national history in the works of V. Adamchyk]. In: *Zbornik tjezisaw dakladaw na navukova-metadychnaj kanferjencyi prafesarska-vykladchyckaga skladu. Chastka 2; 1993; Minsk, Belarus'* [Collection of abstracts at the scientific and methodological conference of the teaching staff. Part 2; 1993; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk Institute of Culture; 1993. p. 66–68. Belarusian.
9. Koran' L. *Cukrovy pewnik* [Sugar cock]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1996. 286 p. Belarusian.
10. Mel'nikava A. Actualization of naziological problems in Belarusian literature of the 20th century. In: Kazakevich A, editor. *The Fifth International Congress of Belarusian studies. Working Papers. Volume 5; 2015 October 2–4; Kaunas, Litva*. Kaunas: Vytautas Magnus University Press; 2016. p. 166–169. Belarusian.
11. Tychko G. *Belaruskaja litaratura XIX–XX stagoddzjaw: chas i asoby* [Belarusian literature of the 19th–20th centuries: time and persons]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2010. 267 p. Belarusian.
12. Badak A. [I want to show the tragedy of the human soul]. *Nyoman*. 2013;11:150–152. Russian.
13. Adamchyk V. *I skazha toj, hto narodzicca. Raman* [And that one who will be born will tell. Novel]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1987. 319 p. Belarusian.
14. Adamchyk V. *Golas kryvi brata tvajgo: raman, apavjadanne* [The Voice of your brother's blood: novel, stories]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1991. 287 p. Belarusian.
15. Adamchyk V. *Chuzhaja bac'kawshchyna. Raman* [Strange homeland. Novel]. Minsk: Papury; 2015. 511 p. Belarusian.
16. Adamchyk V. *God nuljavy* [The year zero]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1983. 396 p. Belarusian.
17. Kavalenka V. [Birds with clipped wings]. *Polymya*. 1992;5:235–247. Belarusian.
18. Adamchyk V. [Letter of acanthus. Fragments from the diaries]. *Maladosts'*. 1996;7:6–64. Belarusian.
19. Dambrowskaja N. [The image of the natural (natural man) in the works of L. N. Tolstoy and V. Adamchyk]. In: Nesterenko AA, editor. *Nasledie L. N. Tolstogo i sovremennost' (175 let so dnya rozhdeniya). Materialy nauchnoi konferentsii; 13–14 noyabrya 2003 g.; Vitebsk, Belarus'* [L. N. Tolstoy's legacy and modernity (175 years since his birth). Proceedings of the scientific conference; 2013 November 13–14; Vitebsk, Belarus]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masharov; 2003. p. 101–103. Belarusian.
20. Tychyna M. [Farewell to peasant Atlantis. The imaginative world of Viachaslau Adamchyk]. *Rodnae slova*. 2003;8:4–8. Belarusian.
21. Adamchyk V. *Krjeski z awtabijagrafii. Vybranyja tvory. Tom 1. Chuzhaja bac'kawshchyna. Padarozhzhha na Bucafale: apo-vesc'. Apavjadanni* [Kreski from the autobiography. Selected works. Volume 1. Strange Homeland. Journey to the Bucephalus: novel. Stories]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1995. 479 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 18.05.2020.
Received by editorial board 18.05.2020.

УДК 821.161.3

ФАКТОГРАФИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ГОРЕЦКОГО «ЛЯВОНИУС ЗАДУМЕКУС»)

О. Н. ГУБСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Философско-аллегорическое произведение М. Горецкого «Лявониус Задумекус» рассматривается с использованием нарратологического анализа, инструментами которого выступают понятия «конкретный автор», «абстрактный автор», «нарратор» и «событие», «история», «наррация». Подчеркивается, что данный текст – образец экспрессивной наррации, в котором на фоне экспрессивной стилистики явно проявляется религиозный дискурс, который, в свою очередь, актуализирует архетип раскаявшегося грешника. Утверждается, что базовые факты из бытия человека и эпохи, которые выделяются в тексте М. Горецкого, превращаются в специфические конструкции. В этом процессе ведущую роль играют элементы религиозного дискурса и поэтика экспрессивного письма. Выявление элементов религиозного дискурса и актуализации на этом фоне архетипа раскаявшегося грешника обуславливает новизну исследования.

Ключевые слова: нарратологический анализ; автор; нарратор; событие; история; архетип; религиозный дискурс; экспрессивность; поэтика.

ФАКТАГРАФІЯ І РЭЛІГІЙНЫ ДЫСКУРС ЯК УЗАЕМАЗВЯЗАННЫЯ ЭЛЕМЕНТЫ МАСТАЦКАГА ЦЭЛАГА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ФІЛАСОФСКА-АЛЕГАРЫЧНАГА ТВОРА М. ГАРЭЦКАГА «ЛЯВОНІУС ЗАДУМЕКУС»)

В. М. ГУБСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Філасофска-алегарычны твор М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус» разглядаецца з выкарыстаннем нарраталагічнага аналізу, інструментамі якога выступаюць паняцці «канкрэтны аўтар», «абстрактны аўтар», «наратар» і «падзея», «гісторыя», «нарацыя». Падкрэсліваецца, што дадзены тэкст – узор экспрэсіўнай нарацыі, у якім на фоне экспрэсіўнай стылістыкі відавочна праяўляецца рэлігійны дыскурс, які, у сваю чаргу, актуалізуе архетып раскаянага грэшніка. Сцвярджаецца, што базавыя факты з быцця чалавека і эпохі, якія вылучаюцца ў тэксце М. Гарэцкага, ператвараюцца ў спецыфічныя канструкты. У гэтым працэсе вядучую ролю адыгрываюць элементы рэлігійнага дыскурсу і паэтыка экспрэсіўнага пісьма. Выяўленне элементаў рэлігійнага дыскурсу і актуалізацыі на гэтым фоне архетыпа раскаянага грэшніка абумоўлівае навізну даследавання.

Ключавыя словы: нарраталагічны аналіз; аўтар; наратар; падзея; гісторыя; архетып; рэлігійны дыскурс; экспрэсіўнасць; паэтыка.

Образец цитирования:

Губская ВМ. Фактаграфия і рэлігійны дыскурс як узаемазвязаныя элементы мастацкага цэлага (на прыкладзе філасофска-алегарычнага твора М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус»). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2020;2:26–34.

For citation:

Gubskaya ON. Factography and religious discourse as interconnected elements of artistic whole (on the example of the philosophical-allegorical works of M. Harecki «Lyavonius Zadumekus»). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:26–34. Belarusian.

Автор:

Ольга Николаевна Губская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского и русского языков.

Author:

Olga N. Gubskaya, PhD (philology), docent; head of the department of Belarusian and Russian languages.
o_gubskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8066-4207>

FACTOGRAPHY AND RELIGIOUS DISCOURSE AS INTERCONNECTED ELEMENTS OF ARTISTIC WHOLE (ON THE EXAMPLE OF THE PHILOSOPHICAL-ALLEGORICAL WORKS OF M. HARECKI «LYAVONIUS ZADUMEKUS»)

O. N. GUBSKAYA^a

^aBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

I used the narratological analysis for reviewing the philosophical and allegorical work of M. Harecki «Lyavonius Zadumekus». The purpose of the article is to prove that the narratological analysis of the structure of M. Harecki's text reveals new qualities of the work. The concepts of «real author», «abstract author», «narrator» and «event», «history», «narration» are the tools of narratological analysis. The author emphasizes that this text is the example of an expressive narration, in which religious discourse is clearly manifested against the background of an expressive style, which, in turn, actualizes the archetype of the «repentant». It is argued that the basic facts of human existence and the epoch that are highlighted in the text of M. Harecki turn into specific constructs. Elements of religious discourse and the poetics of expressive writing play a leading role in this process. The discovery and proof of the presence of elements of religious discourse and actualization against this background of the archetype of the «repentant sinner» determines the novelty of this article.

Keywords: narratological analysis; author; narrator; event; history; archetype; religious discourse; expressiveness; poetics.

Уводзіны

Творы класіка беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага дастаткова глыбока даследуюцца ўжо на працягу не аднаго дзесяцігоддзя. У сваіх працах на іх акцэнтавалі ўвагу такія навукоўцы, як А. Адамовіч, Д. Бугаёў, П. Васючэнка, Т. Голуб, Т. Дасаева, В. Жураўлёў, В. Каваленка, Л. Корань, С. Лаўшук, Е. Лявонава, М. Мушынскі, Т. Тарасава, І. Чыгрын і інш. Да розных пытанняў гарэцказнаўства звяртаюцца навукоўцы падчас Гарэцкіх чытанняў, якія праводзяцца штогод пачынаючы з 1992 г. Матэрыялы чытанняў складаюць своеасаблівую анталогію навуковых даследаванняў творчасці М. Гарэцкага. Аналізу прац сучасных гарэцказнаўцаў прысвечаны артыкул «Спадчына Гарэцкіх чытанняў: спроба сістэматызацыі», у якім адзначаецца, што «творы М. Гарэцкага аналізуюцца ў шырокім кантэксце. Калі паняцце “тэма” рабіць асноўным пры пэўнай сістэматызацыі, то можна вылучыць наступныя вектары навуковых зацікаўленняў: гістарызм прозы; гісторыя народа ў творах М. Гарэцкага; чалавек і дыялектыка душы; трагедыя беларускай нацыі; Гарэцкі і сімвалізм, псіхалагізм, экзістэнцыялізм; міфалагічныя матывы ў творчасці» [1, с. 408].

Філасофска-алегарычны твор «Лявоніус Задумекус» нельга назваць найбольш папулярным аб'ектам даследчыцкай цікавасці. Яго найчасцей разглядалі ў звязцы з творам «Скарбы жыцця», паколькі ён лічыцца незавершаным, так бы мовіць, этапам для напісання апошняга ці, на думку Д. Бугаёва, «першапачатковым варыянтам папярэдняга твора (“Скарбаў жыцця”. – В. Г.)» [2, с. 228]. Па словах М. Мушынскага, «тэматычна “Скарбы жыцця” блізкія да “Задумекуса”, паміж імі ёсць пэўнае перагукванне, нават паўтарэнне асобных сітуацый, але па вялікім рахунку гэтыя творы істотна розняцца паміж сабой. Тут іншы маштаб вымярэння і ўзровень тыпізацыі з'яў рэчаіснасці» [3, с. 493]. У зборніку нарысаў «Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён» бачым асобнае, самастойнае ўспрыняцце твораў як «дзённікавых запісаў» [4, с. 215]. Вельмі ярка і метафарычна напісала пра ўзаемасувязь двух твораў М. Гарэцкага даследчыца-тэкстолаг Т. Голуб: «“Скарбы жыцця” – прарыў творчай ідэі аўтара, якая не знайшла рэалізацыі ў “Лявоніусе Задумекусе” і ўвесь час не адпускала ад сябе» [5, с. 21].

Мэта гэтага артыкула – разгледзець філасофска-алегарычны твор «Лявоніус Задумекус» без прывязкі да «Скарбаў жыцця»; падкрэсліць самадастатковасць тэксту на фоне рэальнага факталагічнага матэрыялу – ліставання з жонкай Л. Гарэцкай; выкарыстаць для працы над тэкстам метады нараталагічнага аналізу.

Відавочна, што спадчына М. Гарэцкага вывучалася гарэцказнаўцамі ў большай ступені ў кантэксце класічнага культурна-гістарычнага літаратуразнаўчага аналізу, тэксталагіі, кампаратывістыкі, і толькі ў пачатку XXI ст. даследчыкі паспрабавалі разгледзець тэксты пісьменніка праз прызму нараталагіі. Так, у выніку даследавання наратыўнай будовы рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» падкрэслена «“двайная падзейнасць” апавядальнай структуры, дзе паралельна з гісторыяй (сюжэтам) самога рамана падтэкстава, завуаліравана, паказваецца гісторыя сапраўдная» [6, с. 18–19]. Ключавой

наратыўнай стратэгіяй твора «Скарбы жыцця», на думку І. Часнок, «выступае інтэрферэнцыя паэтычнага (арнаментальнага, паводле В. Шміда) і сюжэтаўтваральнага, аповеднага. Гэта спрыяе надзвычайнай экспрэсіўнасці глыбока філасофскага (з экзістэнцыяльнай нотай) і алегарычнага твора» [7, с. 55].

Дадзены артыкул – спроба нараталагічнага аналізу твора М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус». Тэарэтычнай асновай для яго вывучэння абрана сістэма поглядаў В. Шміда, кіраўніка Гамбургскага цэнтра па нараталогіі, які вылучае два паняцці, што характарызуюць катэгорыю наратыўнасці: класічную тэорыю аповеду і нарацыю (паняцце сфарміравалася ў структуралісцкай нараталогіі).

Як сцвярджае В. Шмід, паводле класічнай тэорыі, «да наратыўнага ці апавядальнага разраду творы залічваліся па камунікатыўнай структуры. Аповед, які супрацьпастаўляўся непасрэднаму драматычнаму выяўленню, звязваўся з наяўнасцю ў тэксце голасу апасродкаванай інстанцыі, якую называлі апавядальнікам ці наратарам. У класічнай тэорыі аповеду асноўнай прыкметай апавядальнага твора з’яўляецца прысутнасць такога пасрэдніка паміж аўтарам і апісаным светам. Сутнасць апавядання зводзілася да пераламлення рэчаіснасці твора праз прызму ўспрыняцця наратара»¹ [8, с. 11].

Згодна з канцэпцыяй структуралісцкай нараталогіі тэксты «перадаюць, валодаючы на ўзроўні адлюстраванага свету тэмпаральнай структурай, нейкую гісторыю. Паняцце ж гісторыі мае на ўвазе падзею. Падзея з’яўляецца нейкае змяненне зыходнай сітуацыі: або знешняй сітуацыі ў апавядальным свеце (натуральныя, акцыянальныя і інтэракцыянальныя падзеі), або ўнутранай сітуацыі таго ці іншага персанажа (ментальныя падзеі). Такім чынам, наратыўнымі, у структуралісцкім сэнсе, з’яўляюцца творы, якія перадаюць гісторыю, дзе адлюстроўваецца падзея» [8, с. 13].

Калі раман «Віленскія камунары» разглядаўся ў якасці прыкладу класічнай нарацыі, то філасофска-алегарычны твор «Лявоніус Задумекус» патрабуе звароту да канцэпцыі структуралісцкай нараталогіі, бо ён відавочна адыходзіць ад непасрэдна рэалістычнага спосабу адлюстравання падзей, набываючы стылістыку экспрэсіўнага дыскурсу, завышана эмацыянальнага, напоўненага вобразамі-сімваламі, што дэфармуюць прадмет адлюстравання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Нараталагічны аналіз твора дазваляе разгледзець тэкст структуравана, расклаўшы яго на ўзроўні, а апошнія – на элементы.

Калі казаць пра ўзровень *пісьменнік*, то аператыўнымі выступаць паняцці «рэальны пісьменнік» ці «канкрэтны аўтар», «абстрактны аўтар», «наратар». Пад канкрэтным аўтарам будзем разумець «рэальную, гістарычную асобу, стваральніка твора» [8, с. 42]; пад абстрактным аўтарам – «канструкт, які стварае чытач на аснове асэнсавання твора» [8, с. 55]. Пры гэтым трэба дакладна разумець, што абстрактны аўтар – гэта не абавязкова наратар. Абстрактнага аўтара, на думку В. Шміда, «можна вызначыць з двух бакоў, у двух аспектах – па-першае, у аспекце твора, па-другое, у аспекце пазатэкставага, канкрэтнага аўтара. У першым аспекце абстрактны аўтар з’яўляецца ўвасабленнем канструктыўнага прынцыпу твора (гэта значыць наратара. – В. Г.). У другім аспекце ён паўстае як адбітак канкрэтнага аўтара ў творы, як яго ўнутрытэкставы прадстаўнік» [8, с. 55–56]. Наратар жа – гэта «носьбіт функцыі аповеду безадносна да якіх бы там ні было тыпалагічных прыкмет» [8, с. 66].

Калі казаць пра ўзровень *тэкст*, то аператыўнымі падчас аналізу будуць паняцці «падзея», «гісторыя», «нарацыя». Тут таксама трэба патлумачыць, што гісторыя, якая існуе па-за межамі твора (у рэальным жыцці), адрозніваецца ад гісторыі, зафіксаванай у самім творы, нават калі і дастаткова фактаграфічна. Ды і тое, што існуе ў рэальным жыцці, што мы перажываем дзень за днём і спрабуем зафіксаваць, – не столькі гісторыя, колькі чарада падзей, ці, як піша В. Шмід, «бесперапынны кантынуум падзей» [8, с. 163]. Такім чынам, працуючы з творам, мы павінны разумець, што існуе «кантынуум падзей» рэальнага жыцця, які часткова кладзецца ў гісторыю твора. Паводле В. Шміда, «у адрозненне ад бязмежных падзей гісторыя, маючы пачатак і канец і валодаючы вызначанай колькасцю падзейных элементаў і іх характарыстык, ва ўсіх адносінах абмежаваная. Адбор элементаў і іх уласцівасцей у фікцыйным апавядальным творы належыць наратару» [8, с. 163].

Так, падзеі, абраныя для твора, складаюць уласную гісторыю. Яны даступныя чытачу не самі па сабе, а «**як канструкт**, створаны на аснове гісторыі» (тут і далей у цытатах вылучана намі. – В. Г.) [8, с. 165]. Вельмі важным, паказальным для разумення ідэйнага зместу твора з’яўляецца назіранне за розніцай паміж рэальнай і абранай падзейнасцю. Разуменне таго, чаму з шэрагу рэальных падзей у твор уведзены асобныя з іх, дасць магчымасць спасцігнуць задуму пісьменніка, аўтарскую манеру пісьма і спосаб мастацкага мыслення. Пры гэтым варта памятаць, што «падзеі маюць толькі тую анталагічную характарыстыку і тыя прагматычныя магчымасці, якімі надзелена сама гісторыя» [8, с. 165].

¹Тут і далей пераклад наш. – В. Г.

Такім чынам, пры нараталагічным аналізе твора «Лявоніус Задумекус» аператыўнымі будуць наступныя паняцці, абумоўленыя залежнымі (вертыкальнымі і гарызантальнымі) узаемазвязямі (інструменты нараталагічнага аналізу) (табл. 1).

Табліца 1

Інструменты нараталагічнага аналізу

Table 1

Narrotological analysis tools

Наратыўныя трансфармацыі	Апавядальныя інстанцыі
Падзея	Канкрэтны аўтар
Гісторыя (наратыўная падзея)	Абстрактны аўтар
Нарацыя	Наратар

Напачатку неабходна вылучыць знешні факт, які цалкам (што амаль немагчыма) ці часткова кладзецца ў гісторыю – наратыўную падзею твора. Мы можам рабіць назіранні ўжо на матэрыяле таго, якія факты ўвайшлі ў падзею пад назвай «твор», а што засталася, так бы мовіць, за кадрам і чаму. Наша выніковая задача адказаць на пытанне: «Як выглядае “канструкт”, створаны на аснове рэальнай гісторыі?»

Звернемся непасрэдна да твора «Лявоніус Задумекус». Варта памятаць, што ён незавершаны, а яго тэкст увогуле перакрэслены аўтарам. Як адзначае тэкстолаг Т. Голуб, «пра тое, што пісьменнік неаднаразова звяртаўся да працы над творам, сведчыць рукапісны тэкст, занатаваны рознакаляровым чарнілам, простым алоўкам, са шматлікімі ўклейкамі на розных па памеры кавалачках паперы і мноствам правак, памет і варыянтаў» [9, с. 624]. Факт незавершанасці дае нам магчымасць апінуцца ў творчай майстэрні класіка літаратуры і адчуць логіку яго мыслення, зразумець працэдуру адбору рэальнай падзеі ў гісторыю твора.

Твор датуецца другой паловай 1931 – пачаткам 1932 г. Гэта быў той час, калі пісьменніка, асуджанага па сфабрыкаванай справе «Саюза вызвалення Беларусі», накіравалі ў пяцігадовую высылку ў Вятку. Адтуль ён вёў актыўную перапіску з жонкай, там жа працаваў над новымі літаратурнымі творами. Такім чынам, дакументальная і мастацкая спадчына вяцкага перыяду дае магчымасць зразумець, як фарміраваўся мастацкі твор, якія рэальныя факты, акрэсленыя ў лістах да жонкі, сталі элементамі яго гісторыі. Ліставанне вялося паралельна з напісаннем твора, аўтар нават каментыраваў у лістах да жонкі, як ідзе літаратурная праца: «Я пісаў пра Задумекуса, ды пакуль што адлажыў, бо не пішацца так, як хочацца» [10, с. 436].

Відавочна, што для высвятлення ступені фактаграфічнасці твора лагічным будзе параўнаць змест тэксту і лістоў М. Гарэцкага да родных 1931–1932 гг. «Лявоніус Задумекус» – гэта гісторыя выжывання чалавека, якога ў сілу палітычных абставін выкінулі за межы звыкллага жыцця, зрабілі непатрэбным грамадству. Зразумела, што гісторыя, пакладзеная ў аснову твора пра Лявоніуса Задумекуса, – адлюстраванне вяцкага перыяду прыватнага жыцця самога пісьменніка. Пра рэальнасць зафіксаванага ў тэксце пісалі даследчыкі творчасці М. Гарэцкага. Так, гарэцказнаўцамі захаваны тлумачэнні да твора, напісаныя дачкой пісьменніка Г. Гарэцкай: «Тым, хто бываў у 30-я гады ў Вятцы, успомняцца праўдзіва апісаныя Лявоніусам Задумекусам вуліцы, па якіх пахадзіў ён, з гары на гару, у пошуках працы. Пазнаюць яны вяцкі рынак, а ў другім месцы – “барахолку”, успомняць вялікі роў, які перасякаў горад якраз пасярод, і паром “Змітрачок” (вяцічы звалі яго – “Мітенька”) на рацэ Вятцы, і прыгожую відаць за ёю, якой любавалася Задумекус з высокага берага. І новы вялікі дом галоўпаштамта, і вядомы ў горадзе прыгожы “будынак гатыцкага стылю”, куды трэба было ссыльнаму Задумекусу чатыры разы на месяц з’яўляцца для рэгістрацыі»² [9, с. 625]. Т. Голуб адзначае наступнае: «У лістах да сям’і не казаў Максім Гарэцкі пра ўсе свае пакуты, калі прыйшлося яму, знясіленаму перад тым мінскаю турмою, капаць катлаван пад лазню, вазіць на гару пясок у тачцы, галадаваць, працаваць у лапцях, каб зберагчы бацінкі» [9, с. 625]. Высветлена, што пад Дзікуном у сваіх запісках М. Гарэцкі меў на ўвазе беларускага паэта Нічыпара Чарнушэвіча, а ў згадках пра «дзвюх дзяўчынак і маці» – жонку А. Бабарэкі Ганну Іванаўну, якая разам з дочкамі Элеанорай і Алесяй ехала да мужа ў г. Слабадскі, і М. Гарэцкі ў Вятцы дапамог ім перасесці на іншы цягнік.

Падкрэслім, што паслядоўнага і падрабязнага супастаўлення лістоў і тэксту твора «Лявоніус Задумекус» яшчэ не рабілася. Таму прыведзены ніжэй матэрыял (табл. 2) – гэта супастаўленне рэальнага факта, зафіксаванага пісьменнікам у лісце да жонкі, і трансфармацыя гэтага факта ў мастацкім творы.

²Тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала. – В. Г.

Табліца 2

Трансфармацыя фактаў жыцця ў мастацкім творы «Лявоніус Задумекус»

Table 2

The transformation of the facts of life in fiction «Lavonius Zadumekus»

№ п/п	Фрагменты з твора «Лявоніус Задумекус»	Фрагменты ліставання (1931–1932)
1	<i>І выйдзеш ты з муру на сонца, на вольнае паветра, на ясны свет. Зялёныя дрэвы зашумяць табе лесам. Прыгожыя кветкі зацвітуць табе лугам. Ступіш крокаў пяць. Граптам усміхнешся... Гэта – рэфлекс. Так і птушка, калі вылеціць на волю, дык сядзе на першым суку і цілінкне ад радасці, як дурная [9, с. 471]</i>	<i>Я сёлета рад вясне, як даўно не быў рад [10, с. 408]</i>
2	<i>Ты спадзяваўся, што будзе табе ад яе больш эпістолей. Але рад будзеш і гэтай задужа. Сам сабе надумаеш: «Я ні дужа ўсцешыўся, ні дужа засмуціўся. Раўнавага мая – ад пражытага жыцця» [9, с. 473]</i>	<i>Клапачу толькі, што вам і бацькам цяжкавата жыць, але за сэрца мяне гэта ўжо не хапае, – так што і вы плаціце мне тым самым і патрошку сцюдзянейце да мяне [10, с. 408]</i>
3	<i>І пойдзеш ты па незнаёмых вуліцах чужога горада, як бяздомны валацуга. Не будзеш ведаць, дзе прытуліцца, дзе знайсці табе неведомы прыпын [9, с. 471]</i>	<i>Са мною яшчэ Нічыпар Чарнушэвіч... Трэба ісці шукаць начлегу [10, с. 409]</i>
4	<i>І калі будзеш ты вешаць лахманы свае на вышках, на гаспадаровых вяроўках, дык пабаішся займаць шмат месца, каб не сказалі табе што за гэта [9, с. 480]</i>	<i>Памяшкання так яшчэ і не знайшлі, жывём часова на вышках, на другім, недабудаваным, паверсе дома А. Ф. Палкіна, № 24 па Хлынаўскай вуліцы, далёка ад цэнтра [10, с. 409]</i>
5	<i>Масла хунт – 6 руб. Малака чвэрць – 2 руб. Махоркі васьмушка – 2 руб. 50 кап. і 3 руб. Блаславёны край! Параўнальна з Камунцэнтрам, тут усё дзешавей [9, с. 475]</i>	<i>Прадукты тут дзешавейшыя, як кажучы. Масла на 6 р. фунт слівачнае, на рынку яго многа. <...> Малако па 2 р. чвэрць... Хлеб дзешаў, пуд мукі 6–7–8 руб, кілё ў краме 50 к [10, с. 410]</i>
6	<i>Будзеш хадзіць па вуліцах і дзівіцца: дзе той стары губеранскі горад? Будуюцца новыя фабрыкі і заводы. А колькі тэхнікумаў! [9, с. 479]</i>	<i>У Вятцы многа фабрык і заводаў, кругом калгасы [10, с. 417]</i>
7	<i>Абвестка ў «Крутагор. Праўдзе». Патрэбны рысаўнікі... Планы муляжоў убачыш. Планы свае, што былі яшчэ ў дарозе, успомніш. І туды пойдзеш... І на ўсякі выпадак зойдзеш ты ў шкляную буду. Там будзе тоўстая вучоная налпа ў белым жупанку. І за плячо цябе грызне і радасна рыкне: «Прыйшоў, прыйшоў наш жадааны...» І тоўстая рыкне: «Заўтра, а хоць і сёння, наш ты жадааны» [9, с. 511]</i>	<i>А ў мяне прыемная навіна. З учорашняга дня ўзялі мяне на чарцёжную работу ў ФУП (фабрыка учебных пособий), у аддзел капітальнага будаўніцтва [10, с. 418]</i>
8	<i>Лявоніус Задумекус (Мізэрыус Моніус) Крутагорскі [9, с. 501]</i>	<i>27 мая 1932 года, горад Вятка, а паводле Салтыкова-Шчадрына – г. Крутагорск [10, с. 451]</i>
9	<i>Яна мне піша: ці ходзіш ты ўжо на работу? А я ёй адказай: каб хадзіў, дык выслаў бы ўжо табе грошы [9, с. 498]</i>	<i>«Па-другое – работы дагэтуль я йшчэ не маю, але заўтра канчаткова высветлю і, здаецца, застануся пакуль што чарцёжнікам, на 65 руб. у месяц. Потым – пабачу, што рабіць; можа, знайду які прыробак» [10, с. 414]</i>
10	<i>І калі возьмеш ты ў гаспадыні паўчвэрці малака і будзеш піць яго з хлебам, дык пабаішся, каб не выпіць болей паловы, каб палова засталася на вечар [9, с. 480]</i>	<i>Пакой яшчэ, на вялікі жаль, не знайшоў, жыву на вышках, на той самай Хлынаўскай вул., № 21. Сплю добра, здароў, многа п'ю малака [10, с. 411]</i>

№ п/п	Фрагменты з твора «Лявоніус Задумекус»	Фрагменты ліставання (1931–1932)
11	<i>І прыйдзеш ты ў вялікі, прыгожы белы палац. Многа ў ім светлых вакон. Многа ў ім вялікіх накояў. І поўна-паўнюсенька ў ім мёртвых і жывых мудрагельцаў і плетуноў. І для кожнага адчынены там дзверы. Госцікі, прыходзьце</i> [9, с. 495]	<i>Ліст пішу ў бібліятэцы імя Герцэна. Бібліятэка вельмі добрая і мае 600 000 тамоў</i> [10, с. 413]
12	<i>І йшоўшы будзеш пытацца, дзе шукаць патрэбнае? Дарэмныя распыты...</i> [9, с. 495]	<i>У поўным разбродзе я цяпер, не ведаю, якім шляхам і да якой прафесіі ці занятку больш кіравацца</i> [10, с. 425]
13	<i>І ляжааш ты на чыстай падлозе. І скажа табе яна: «Столік можа пастаяць у вас дні два, пакуль сабе купіце»</i> [9, с. 499]	<i>Да іх усялілі яшчэ адну старую настаўніцу, яна мне пазычыла столік і пару крэслаў</i> [10, с. 425]; <i>Шаную і дагаджаю свайму дзённаму століку, які называю сваім фаховым тронікам</i> [10, с. 436]
14	<i>І выбегуць з цырульні вар'яты, каб адабраць у цябе вострае тваё</i> [9, с. 517]	<i>З рэчаў пакуль што болей нічога не прадаваў, толькі брытву і асялок, за абедзве рэчы разам узяў (у парыжска-херскай) 20 руб.</i> [10, с. 421]
15	<i>І будзеш абдумваць, колькі маеш грошы і што табе есці... Масла кароўскага больш не купляць. Есці гарохаваю каўбасу. Бульбу з алеем</i> [9, с. 515]	<i>Гарох я еў з альняным маслам, і падкладзі соды, каб разварыўся; вельмі смачна было; учора даеў</i> [10, с. 423]

З прыведзеных у табл. 2 цытат відавочна, што рэальны факт з'яўляецца асновастваральным матэрыялам твора. Пры гэтым пісьменнік дэманструе розныя спосабы ўвядзення жыццёвага факта ў мастацкі твор: адзін з варыянтаў – прамое выкарыстанне факта без асаблівай канатацыі (прыклады 2–8, 12, 13); другі – эмацыянальная афарбоўка факта ў творы (1, 9, 11, 14); трэці варыянт – фальсіфікацыя эмоцый паводле рэальнага факта (10, 15). Прыведзеныя 15 прыкладаў – ілюстрацыя прамого супадзення інфармацыі з лістоў і мастацкага тэксту, аднак гэта не значыць, што астатні матэрыял твора аддалены ад рэальнага «кантынуума падзей».

«Лявоніус Задумекус» – гэта прыклад экспрэсіўнага мастацкага дыскурсу, цалкам пабудаванага на фактаграфічнай аснове. Аднак факт, адабраны ў канструкт, створаны на аснове гісторыі, дэфармуецца: нягледзячы на тое што герой знаходзіцца ў пастаянным руху, аўтар канцэнтруецца не на факце (ці лакацыі), а на эмоцыі, якую гэты факт спараджае. Адсюль і экспрэсіўная манера пісьма як стылістычная асаблівасць нарацыі.

Стылістыка экспрэсіўнага дыскурсу выразна праяўляецца пры канататыўнай афарбоўцы факта. Навідавоку **парцэляцыя** (*І будзе табе ліпа пад вакном. І прымус на вакне. І памост. І драбіны. І роў. І дрэвы. І лёгкае вецер. І віднае-віднае святло* [9, с. 497]; *І пойдзеш ты ў горад пана свайго. Там грады з цыбуляю, а за градамі – жыта, буйнае і ўжо высокае. І валькі ў ім. Як у полі* [9, с. 486]; *І разасцелеш ты хітон свой чорны. І ляжааш. Будзеш ляжаць. <...> Ляжаць і думаць* [9, с. 487]), выкарыстанне **эліпсісу** (*Ступіш крокаў пяць. І раптам усміхнешся... Гэта – рэфлекс* [9, с. 471]; *І йшоўшы будзеш пытацца, дзе шукаць патрэбнае? Дарэмныя распыты...* [9, с. 495]), **паўторы** (*І калі трэба табе будзе ўставаць, тады будзеш ты хацець спаць. І калі трэба табе будзе ўзяць з сабою хлеба і цыбулі куст, тады будзеш хацець чаго смачнейшага. І калі трэба будзе табе ісці гразёю, у тумане дажджавым, тады захочацца табе сонца і сухой дарогі. Заўсёды так* [9, с. 493]). Такая манера пісьма – прамое адлюстраванне ўнутранага стану пісьменніка, яго імпліцытнага жадання выказацца. Абстрактны аўтар тут выступае як унутрытэкставы прадстаўнік канкрэтнага аўтара.

Пісьменнік (канкрэтны аўтар) жадае апісаць сваё адчуванне рэчаіснасці, аднак гэта немагчыма зрабіць у адкрытай дзённікавай форме (з-за цензуры, у тым ліку ўнутранай), таму канкрэтны аўтар не дэманструе вобраз наратара, не афармляе яго як нейкі мастацкі тып. Пры гэтым у чытача ўзнікае ўражанне, што апавядальнік у нейкім сэнсе прарок, дэміург, які прамаўляе ў нібыта біблейскай манеры, быццам аднекуль зверху, з вышыні перажытага, вядзе дыялог з умоўным чытачом, прадказваючы яго лёс. Наратар звяртаецца да чытача на «ты», што адразу змяняе дыстанцыю паміж імі: *Будзеш ты*

стаяць, будзеш чакаць, хатылі свае на дол спусціш. І будзеш ты цяпер вельмі цярплівы. Жыццё цябе навучыла [9, с. 472]; І прыйдзеш ты ў дом размовы на адлегласці, каб пачуць там блізкі голас [9, с. 473]; Будзеш ты ляжаць на падлозе як сабака [9, с. 474]. Месцамі нараатар звяртаецца да адрасата і называе яго імё: Успомні, уздумай, прыгадай сабе, Лявоніус Янус, як сядзеў ты ў страшняй вежы, з забаронаю глядзець у вакно, і здалёк бачыў работу на пабудове [9, с. 500]; часам дае ўласныя вызначэнні – блазены, блазены імпатэнт цёмналескі. Стыль апаведу месцамі мяняецца, і замест маналогу, аформленага ў будучым часе, чытач можа сутыкацца з нарацый-травелогам, дзе фіксуецца дзеянні самога Лявоніуса Задумекуса: Піша Лявоніус (Мізэрыус) адказную эпістолію Цярплівай Ласцы... І піша Лявоніус паведамленне цёмналескаму дубу і белай бярозцы... [9, с. 473]; Блазены спыняецца, каўнер паставіў, рукі рукаў у рукаў, стаіць разважае... [9, с. 507]. Такая варыяцыйнасць нарацыі тлумачыцца, па-першае, незавершанасцю твора, па-другое, эмацыянальнасцю рэальнага пісьменніка, які ў момант напісання твора перажываў вялікія жыццёвыя катастрофы. Зразумела, што ён імкнуўся апісаць гісторыю жыцця блазэннага імпатэнта цёмналескага, Лявоніуса Задумекуса (Мізэрыуса Монуса, Лявоніуса Януса). Аднак жаданне як мага хутчэй выказацца пра тыя цяжкасці, якія сустрэнуцца на шляху персанажа, змяненне структуры сюжэта, і замест гісторыі жыцця Лявоніуса Задумекуса мы атрымліваем своеасаблівы «травелог у перспектыве», аформлены ў асаблівай аўтарскай стылістыцы.

Дамінанта паўтараў *І будзеш ты... І пойдзеш ты... І падумаеш ты...* нагадвае стылістыку рэлігійнага дыскурсу, дзе ў павучальнай размеранай манеры распавядаецца пра этапы і заканамернасці жыцця. У нашым выпадку нараатар з улікам свайго жыццёвага досведу расказвае чытачу нібы пра перспектывы будучыні, наканавання. Узнікае адчуванне, што ён, добра ведаючы абстрактнага чытача, яго лёс і патрэбы, чытае пропаведзь. Часам думаецца, быццам нараатар гаворыць пра сябе, таму што вельмі падрабязна апісвае перспектыву жыцця свайму адрасату. І гэта не выпадковае адчуванне, бо, па словах С. В. Блывберга (які спасылкаецца на В. І. Карасіка), «пропаведзь з'яўляецца “адваротным бокам” споведзі ў тым сэнсе, што пры споведзі камунікатыўны вектар накіраваны ў бок Бога, а пры пропаведзі – у бок чалавека. Але і ў першым, і ў другім выпадку святар выступае ў ролі медыума» [11, с. 228].

Стыль маўлення наратара ў нейкай ступені падобны да стылістыкі Нагорнай пропаведзі Ісуса Хрыста, і гэта лішні раз падкрэслівае, што нараатар у творы выступае ў якасці медыума, які набліжаны да нечага сакральнага, валодае звышінфармацыяй. Па сваім характары ён нагадвае персанажа трансфармаванага тыпу, які прыйшоў да сакральнага праз нейкі грэшны вопыт.

Можна выказаць меркаванне пра актуальнасцю ў творы архетыпа раскаянага грэшніка, які прадстаўлены пэўнай сюжэтнай схемай, што Ю. М. Лотман акрэслівае як злачынства (*сапраўднае ці ўяўнае*) – *высылка ў Сібір – уваскрашэнне* [12, с. 338]. Гэту сюжэтную схему даследчык выкарыстоўвае ў дачыненні да рускага рамана XIX ст. (творчасці Тургенева, Дастаеўскага, Гоголя). Але яна адмыслова стасуецца і з творам беларускага класіка М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус». Так, Ю. М. Лотман адзначае: «Тут персанаж “выратавальнік” яднаецца з персанажам, місія якога – у пераробцы сваёй уласнай сутнасці. Сюжэт гэты выразна аднаўляе міф пра грэшніка, які дайшоў да апагея злачынстваў і стаў пасля маральнага крызісу святым (Андрэй Крыцкі, бацька Рыгор і інш.), і пра смерць героя, сыходжанне яго ў пекла і новае адраджэнне» [10, с. 338]. Калі звязаць гэту думку з творам М. Гарэцкага, то можна ўбачыць наступнае: нараатар-выратавальнік дэманструе пазіцыю пісьменніка, вымушанага пад канец жыцця пераасэнсаваць сваю сістэму каштоўнасцей, змірыцца з наканаванасцю лёсу. Менавіта таму нараатар выступае ў ролі месіі, які *чану рэчам пазнаў. Людзей да самых глыбін уведаў. Жыццём даражыць навучыўся...* [9, с. 550]. Прадстаўнікі сталінскай сістэмы абвясцілі пісьменніка воерам народа, па сутнасці, зрабілі злачынцам. Яго знаходжанне ў Сібіры было тым пеклам, з якога немагчыма ўзняцца. Пісьменнік прайшоў усе магчымыя выпрабаванні, якія стварала сістэма на шляху варажана для дзяржаўнай ідэалогіі літаратара, і адраджэўся, атрымаў свой досвед душэўнага змірэння і прыняцця існага быцця: *Жыццё трэба ведаць з усіх бакоў. Можна, яно так, можна, не зусім. Падумаеш потым* [9, с. 490]. Менавіта таму маўленне наратара і набліжана да пропаведзі.

У развагах Ю. М. Лотмана пра міфалагему раскаянага грэшніка ёсць вельмі тонкая заўвага: «Злачынца мог апынуцца ўяўным злачынцам, злачынцам у вачах злачыннага грамадства, ахвярай, узяць на сябе чужую віну і г. д. Важна, што ва ўсіх гэтых выпадках сустрэча з “настаўнікам жыцця”, прасвятленне, ператварэнне героя адбываюцца менавіта пасля яго грамадзянскай смерці і лакальна звязваюцца з Сібір'ю. У гэтых адносінах характэрны міф пра Фёдора Кузьміча³. У сюжэце адсутнічае канкрэтнае злачынства, яно заменена ўсведамленнем злачыннасці ўсяго жыцця як такога, гэтак жа часта ў міфалагічных і міфаказачных тэкстах рэальная смерць пазначана падменай. Але вельмі паказальна менавіта для рускага варыянта, што – і пры адсутнасці высылкі або катаргі – уваскрашэнне адбываецца менавіта ў Сібіры» [12, с. 340].

³Фёдар Кузьміч – старац, які жыў у Сібіры ў XIX ст. Існуе легенда, быццам гэта быў імператар Аляксандр I, які інсцэніраваў сваю смерць і стаў бадзягам. – В. Г.

Апісаны феномен «уяўнага злачынства» выдатна падыходзіць да гісторыі жыцця Лявоніуса Задумекуса – унутрытэкставага прадстаўніка аўтара. Апавядальнік – уяўны злачынца: у сюжэце твора няма апісання канкрэтнага ўчынку, што прывёў да бяды, дзеянне адразу адбываецца ў Сібіры, дзе персанаж адбывае пакаранне. За што пакараны Лявоніус Задумекус, чытачу невядома, аднак апавядальнік дае нам падказку: *І апостал Навум доўга сядзеў у цямніцы, а потым падверглі яго баніцы і астракізму* [9, с. 521]. Апеляцыя да асобы прарока Навума, вядомага як заступнік людзей разумовай працы, невыпадковая. Старазапаветная кніга прарока Навума змяшчае прадказанне гібелі асірыйскага горада Ніневіі праз беззаконне, якое адбывалася ў ім. Можна меркаваць, што пісьменнік праз наратара спрабуе правесці паралель паміж асірыйскім мінулым і тагачаснай савецкай рэчаіснасцю, у якой з патрыёта яго ператварылі ў ворага народа і ён вымушаны быў адчуваць сябе раскаяным грэшнікам; творца прыводзіць чытача да думкі, што любая імперыя калі-небудзь зруйнуецца праз беззаконне і несправядлівасць.

Заклучэнне

Нараталагічны аналіз структуры тэксту М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус» адкрывае новыя якасці гэтага твора, што відавочна мае фактаграфічную аснову, але роля факта тут заключаецца не толькі ў жыццёпадобным адлюстраванні аднаго з перыядаў біяграфіі пісьменніка. Факты, ці кантынуум падзей, трансфармаваны ў мастацкім творы ў канструкт, створаны на аснове рэальнай гісторыі, але ж канструкт гэты далёкі ад непасрэдна рэалістычнай стылістыкі пісьма. Як адзначае Л. Сінькова, «акцэнтаваная фактаграфічная аснова прысутнічае ў абсалютнай большасці “прыдуманых” твораў Максіма Гарэцкага. <...> Прыгадаем... экспрэсіўную (з “крыкавай” эстэтыкай) кароткую аповесць М. Гарэцкага “Скарбы жыцця” (пісаліся ў 1930-я гг.), з алегарычнымі агледзінамі фактаў яго лёсу, біяграфіі на фоне знакавых падзей эпохі» [13, с. 73]. У шэраг твораў з алегарычнымі агледзінамі фактаў і «крыкавай» эстэтыкай можна ўключыць і «Лявоніуса Задумекуса», дзе на фоне экспрэсіўнай стылістыкі відавочна праяўляецца рэлігійны дыкурс, які, у сваю чаргу, актуалізуе архетып раскаянага грэшніка. Прачытанне твора як нарацыі раскаянага грэшніка дае магчымасць адчуць увесь душэўны боль пісьменніка.

Такім чынам, у творчай манеры пісьма М. Гарэцкага жыццёвы факт не існуе непасрэдна: ён мае патрэбу ў дапаўненні, перапрацоўцы, і не таму, што ён непаўнавартасны, а таму, што ў іншым выпадку ён быў бы занадта палітызаваным, несумяшчальным з цензурай 1930-х гг. Структура нарацыі, сістэма яе мастацкіх сродкаў і вобразаў фарміруюць у творы «Лявоніус Задумекус» яшчэ адзін, імпліцытны, факт – факт палітычнай атмасферы таго часу. Вось такі літаратурны парадокс: у часы сацрэалізму і імкнення да наіўна-рэалістычнага адлюстравання жыцця факт у беларускай класічнай прозе сцвярджаўся як апрацаваны і пры гэтым прыўносіў у літаратуру элементы мадэрнізму.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Губская ВМ. Спадчына Гарэцкіх чытанняў: спроба сістэматызацыі. *Bialorutenistyka Bialostocka*. 2015;7:407–419. DOI: 10.15290/bb.2015.07.29.
2. Бугаёў Д. *Максім Гарэцкі*. Мінск: Беларуская навука; 2003. 239 с.
3. Мушыньскі М. *Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі: жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага*. Мінск: Беларуская навука; 2008. 510 с.
4. Баршчэўскі ЛП, Васючэнка ПВ, Тычына МА. *Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён*. Мінск: Радыёла-плюс; 2006. 596 с.
5. Голуб Т. *Тэксталогія беларускай літаратуры XX стагоддзя: гісторыя тэксту як шлях да гісторыі літаратуры*. Мінск: Беларуская навука; 2013. 245 с.
6. Губская ВМ. *Класіка XX стагоддзя: прыхаваныя таямніцы рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары»*. Мінск: РІВШ; 2016. 108 с.
7. Часнок ІЧ. Асаблівасці нарацыі ў «Скарбах жыцця» М. Гарэцкага. *Acta Albaruthenica*. 2015;16:47–55.
8. Шмид В. *Нарраталогія*. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 312 с.
9. Гарэцкі М. *Выбраныя творы*. Мінск: Кнігазбор; 2009. 640 с.
10. Гарэцкі М. *Творы. Дзве душы: аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: п'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1990. 629 с.
11. Блуверберг СВ. Рэлігійны дыкурс. Структура і спецыфічныя прызнакі пратэстанцкай пропаведзі як разнавіднасці рэлігійнага дыскурса. *Соціальная політыка і сацыялогія*. 2007;2:223–235.
12. Лотман ЮМ. *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. Москва: Просвещение; 1988. 352 с.
13. Сінькова ЛД. *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск: Кнігазбор; 2019. 224 с.

References

1. Gubskaya VM. The legacy of Goretsky's lectures: an attempt of systematization of research. *Bialorutenistyka Bialostocka*. 2015;7:407–419. Belarusian. DOI: 10.15290/bb.2015.07.29.
2. Bugajow D. *Maksim Harecki*. Minsk: Belaruskaja navuka; 2003. 239 p. Belarusian.

3. Mushynski M. *Padzvizhnik z Maloj Bagac'kawki: zhyccjovy i tvorchy shljah Maksima Garjeckaga* [Ascetic from Mala Bogatyvka: Maxim Harecki's life and creative path]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 510 s. Belarusian.
4. Barshchjewski LP, Vasjuchjenka PV, Tychyna MA. *Belaruskaja litaratura i svet: ad jepohi ramantyzmu da nashyh dzjon* [Belarusian literature and the world: from the age of romanticism to the present]. Minsk: Radyjola-pljus; 2006. 596 p. Belarusian.
5. Golub T. *Tjekstalogija belaruskaj litaratury XX stagoddzja: gistoryja tjekstu jak shljah da gistoryi litaratury* [Textology of Belarusian literature of the XX century: the history of the text as a path to the history of literature]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2013. 245 p. Belarusian.
6. Gubskaya VM. *Klasika XX stagoddzja: pryhavanyja tajamnicy ramana M. Garetskaga «Vilenskija kamunary»* [Classics of the 20th century: hidden mysteries of M. Harecki's novel «The Vilna Communards»]. Minsk: National Institute For Higher Education; 2016. 108 p. Belarusian.
7. Chasnok ICh. Peculiarities of narration in treasure of life by Maxim Garetsky. *Acta Albaruthenica*. 2015;16:47–55. Belarusian.
8. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2003. 312 p. Russian.
9. Harecki M. *Iybranyja tvory* [Selected works]. Minsk: Knigazbor; 2009. 640 p. Belarusian.
10. Harecki M. *Tvory. Dzve dusy: apoves' . Apavjadanni. Zhartawlivy Pisarjevich: p'esa. Litaraturnaja krytyka i publicystyka. Listy* [Works. Two Souls: a tale. Stories. Humorous Pisarevic: the play. Literary criticism and journalism. Letters]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1990. 629 p. Belarusian.
11. Bluvberg SV. [Religious discourse]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2007;2:223–235. Russian.
12. Lotman YM. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At school a poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Prosveshchenie; 1988. 352 p. Russian.
13. Sinkova LD. *Bielaruskaja «zvyshlitaratura»* [Belarusian «superliterature»]. Minsk: Knigazbor; 2019. 224 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 18.05.2020.
Received by editorial board 18.05.2020.

УДК 821.112.2.09.17'-1+821.411.16'02.09-141

БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ Ф. ГЁЛЬДЕРЛИНА

Г. В. СИНИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема библейской архетекстуальности в поэзии великого немецкого поэта-новатора Фридриха Гёльдерлина (1770–1843), чье творчество рассматривается как результат плодотворного синтеза античной (прежде всего эллинской), библейской, а также собственно немецкой традиции. Показано, что если на зрелом этапе творчества релевантной для Гёльдерлина оказывается эллинская «статика формы», то на позднем – библейская «динамика силы» (С. С. Аверинцев). Утверждается, что особенно на позднем этапе творческого пути немецкого поэта Библия играет роль «осевого» архетекста – смыслополагающего и текстопорождающего текста. При этом наиболее значимы для Гёльдерлина пророческие и апокалиптические сочинения, евангельские тексты, а из лирических книг Библии – Псалтирь. Кроме того, для немецкого поэта крайне важной оказывается мистическая концепция всеединства, определяющая главные смыслы и коды его художественного мира и связанная с мистической интерпретацией Писания, с христианской и еврейской мистикой. Для Гёльдерлина также чрезвычайно значимы концепция Любви как силы, связующей и преобразующей мир и человека, и концепция поэта как ретранслятора Божественного Слова и посредника между миром земным и небесным. Предназначение поэта – сродни пророческому. Он несет людям Божье Слово, Божественный Закон и с помощью поэтического дара конституирует земное бытие, превращая преходящее в пребывающее вечно. Библейская архетекстуальность отражается также в поэтическом синтаксисе (стремление к краткости и амплификация, жесткое сцепление слов без предлогов, обилие генитивных определений, предпочтение паратаксиса гипотаксису) и в целом в языке поздних философских гимнов Гёльдерлина, написанных свободными ритмами.

Ключевые слова: Фридрих Гёльдерлин; Библия; «осевой» архетекст; библейская архетекстуальность; концепция всеединства; христианская и еврейская мистика; философский гимн; свободные ритмы; амплификация; паратаксис; немецкая поэзия XVIII в.

БІБЛЕЙСКАЯ АРХЕТЭКСТУАЛЬНАСЦЬ У ПАЭЗІІ Ф. ГЁЛЬДЭРЛІНА

Г. В. СІНІЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца праблема біблейскай архетэкстуальнасці ў паэзіі вялікага нямецкага паэта-наватара Фрыдрыха Гёльдэрліна (1770–1843), чья творчасць разглядаецца як вынік плённага сінтэзу антычнай (перадусім элінскай), біблейскай і ўласна нямецкай традыцый. Паказана, што на сталым этапе творчасці рэлевантай з’яўляецца элінская «статыка формы», а на познім – біблейская «дынаміка сілы» (С. С. Аверынцаў). Сцвярджаецца, што асабліва на познім этапе творчага шляху нямецкага паэта Біблія выконвае ролю «восевага» архетэксту – сэнсаўтваральнага

Образец цитирования:

Синило ГВ. Библейская архетекстуальность в поэзии Ф. Гёльдерлина. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;2:35–51.

For citation:

Sinilo GV. Biblical archetextuality in F. Hölderlin's poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020; 2:35–51. Russian.

Автор:

Галина Вениаминовна Синило – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Galina V. Sinilo, PhD (philology), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication, and associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
sinilo@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2430-4538>

і тэкстаспараджальнага тэксту. Пры гэтым найбольш значныя для Гельдэрліна прароцкія і апакаліптычныя са-чынненні, евангельскія тэксты, а з лірычных кніг Бібліі – Псалтыр. Акрамя таго, для нямецкага паэта надзвычай важнай з’яўляецца містычная канцэпцыя ўсеадзінства, якая вызначае галоўныя сэнсы і коды яго мастацкага свету і звязана з хрысціянскай і яўрэйскай містыкай. Для Гельдэрліна таксама надзвычай значныя канцэпцыі Любоўі як сілы, што звязвае і пераўтварае свет і чалавека, і канцэпцыя паэта як рэтранслятара Боскага Слова і пасрэдніка паміж светам зямным і нябесным. Прызначэнне паэта – падобнае прароцкаму. Ён нясе людзям Боскае Слова, Боскі Закон і з дапамогай паэтычнага дару канстытуіруе зямное быццё, пераўтвараючы мінулае ў вечнае. Біблейская архетэкстуальнасць пакінула адбітак таксама на паэтычным сінтаксісе (імкненне да лаканічнасці і ампліфікацыя, жорсткае счапленне слоў без прыназоўнікаў, вялікая колькасць генітыўных азначэнняў, перавага паратаксісу над гіпатаксісам) і ў цэлым на мове позніх філасофскіх гімнаў Гельдэрліна, напісаных свабоднымі рытмамі.

Ключавыя словы: Фрыдрых Гельдэрлін; Біблія; «восевы» архетэкст; біблейская архетэкстуальнасць; канцэпцыя ўсеадзінства; хрысціянская і яўрэйская містыка; філасофскі гімн; ампліфікацыя; паратаксіс; свабодныя рытмы; нямецкая паэзія XVIII ст.

BIBLICAL ARCHETEXTUALITY IN F. HÖLDERLIN’S POETRY

G. V. SINILO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

This paper examines the problem of biblical archetextuality in the poetry of the great German poet and innovator Friedrich Hölderlin (1770–1843), whose work is the result of a fruitful synthesis of antique (primarily Hellenic), biblical, and also German tradition proper. We show that at the mature stage of creativity, Hellenic «statics of form» is relevant for Hölderlin, then at the later – biblical «dynamics of power» (S. S. Averintsev). We affirm that, especially at the late stage of the German poet’s creative career, The Bible plays the role of an «axial» archetext – a meaningful and text-generating text. Moreover, prophetic and apocalyptic writings, Gospel texts are most significant for Hölderlin, and from the lyric books of The Bible – *The Psalter*. We show that for Hölderlin the mystical concept of total unity turns out to be extremely important, defining the main meanings and codes of his artistic world and related to Christian and Jewish mysticism. For Hölderlin, the concept of Love as a force connecting and transforming the world and man, and the concept of the poet as a relay of the Divine Word and a mediator between the earthly and heavenly worlds are also extremely significant. The poet’s mission is akin to the prophetic. He brings God’s Word, the God’s Law to people and, using a poetic gift, constitutes earthly being, transforming the transient into the abiding eternally. Biblical archetextuality is also reflected in poetic syntax (striving for brevity and amplification, rigid concatenation of words without pretexts, an abundance of genitive definitions, the preference for parataxis to hypotaxis) and, in general, in the language of Hölderlin’s later philosophical hymns, written in free rhythms.

Keywords: Friedrich Hölderlin; The Bible; «axial» archetextuality; concept of total unity; Christian and Jewish mysticism; philosophical hymn; amplification; parataxis; free rhythms; 18th century German poetry.

Введение

Научная литература о Ф. Гельдерлине огромна и труднообозрима. После публикации в начале XX в. Норбертом фон Хеллингратом (Norbert von Hellingrath, 1888–1916) его забытых и ни разу не печатавшихся произведений, после появления первой монографии о нем, написанной все тем же Н. фон Хеллингратом и вышедшей через два десятилетия после трагической гибели ее автора под Верденом, – «Завещание Гельдерлина» («Hölderlin-Vermächtnis», 1936) [1] интерес к творчеству Гельдерлина никогда не угасал (обширную библиографию о нем составили М. Колер (M. Kohler) [2] и продолжили в электронном виде В. П. Зонле (W. P. Sohnle) с М. Шюцем (M. Schütz) [3]). Очень велик этот интерес и на рубеже XX–XXI вв., что подтверждают работы С. Ваквица (S. Wackwitz) [4], А. Фиоретоса (A. Fioretos) [5], М. Вильгельма (M. Wilhelm) [6], М. Кастеллари (M. Castellari) [7], М. Штрошнайдера (M. Strohschneider) [8]. После выхода в свет книги М. Хайдеггера «Разъяснения к поэзии Гельдерлина» («Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung», 1936) [9; 10] и ее многократных переизданий на разных языках появилось множество исследований о рецепции М. Хайдеггером поэзии Гельдерлина, о связях между поэзией Гельдерлина и философией (укажем лишь наиболее крупные работы последних десятилетий Дж. Э. Гозетти-Ференци (J. A. Gosetti-Ferencei) [11], Д. М. Кляйнберг-Левина (D. M. Kleinberg-Levin) [12], Дж. Лухте (J. Luchte) [13]).

В советском и постсоветском пространстве наследие Ф. Гёльдерлина изучено гораздо хуже. Знакомить русскоязычного читателя с его творчеством начал в 1920-е гг. А. В. Луначарский, подготовивший в 1931 г. издание «Смерти Эмпедокла» в переводе Я. Э. Голосовкера с собственным предисловием [14]. Одним из первых российских ученых, обратившихся к творчеству Гёльдерлина еще в 1920–30-е гг., стал русский философ, писатель и переводчик Я. Э. Голосовкер [15]. В 1960-е гг., когда на новом витке развернулось изучение наследия Гёльдерлина, появились работы Н. Я. Берковского [16–18, с. 263–323], А. И. Дейча [19], докторская диссертация К. С. Протасовой «Ф. Гёльдерлин, его время, жизнь и творчество» (1968), а также первое репрезентативное издание произведений Гёльдерлина [20] с комментариями Г. И. Ратгауза [21]. В 1970–80-е гг. творчество Гёльдерлина стало анализироваться с точки зрения специфики его поэтического языка и особенно синтаксиса [22], а также рецепции его лирики в немецкоязычной поэзии XX в. [23], рецепции в его творчестве традиций эллинской поэзии [24]. Большое внимание драматургии Гёльдерлина уделено в монографии и докторской диссертации А. В. Карельского, посвященной драме немецкого романтизма [25]. В последнее время интерес к Гёльдерлину вновь оживился, о чем свидетельствуют работы А. Л. Вольского, изучающего творчество поэта в русле филологической герменевтики [26], а также коллективная монография, подготовленная по материалам Международной научной конференции «Фридрих Гёльдерлин и идея Европы» [27].

По сложившейся традиции творчество Гёльдерлина как в западной, так и в советской и постсоветской науке рассматривалось в связи с античной традицией. Гораздо меньше внимания уделялось и уделяется библейской составляющей в его мировоззрении и поэтике. Вместе с тем эту связь всегда ощущали выдающиеся мыслители и богословы, как, например, немецкий философ и католический богослов Романо Гвардини (Romano Guardini, 1885–1968), автор книги «Гёльдерлин: Картина мира и благочестие» («Hölderlin: Weltbild und Frömmigkeit», 1939); перевод на русский язык назван «Гёльдерлин: Картина мира и боговдохновенность» [28], вероятно, чтобы подчеркнуть влияние стиля библейских авторов и библейского мировоззрения на экстатическую манеру Гёльдерлина и его картину мира. Тем не менее у Р. Гвардини именно *Frömmigkeit* ‘благочестие, набожность’ отсылает не только к Библии, но и к особому типу мистической религиозности, созданной пиетистами. В то же время некоторые исследователи полагают, что Гёльдерлин создал некую неоязыческую религию [29] или «новую религию», основанную на естественно-научном знании [8].

Безусловно, можно говорить о новом, свободном типе религиозности, созданном Гёльдерлином вслед за Гердером и Гёте, и эта религиозность соединяет в себе античное и библейское начала, а также по-новому осмысленный поэтом германский миф, но все же остается в рамках христианского мышления. При этом именно проблема диалога Гёльдерлина с Библией, проблема библейской архитекстуальности в его поэзии изучена недостаточно.

Таким образом, цель настоящего исследования – выявление библейской архитекстуальности в поэзии Ф. Гёльдерлина, установление наиболее значимых для него в качестве архитекстов библейских книг, а также непосредственного влияния библейской поэтики на его поэтику. Основными методами исследования являются герменевтический, компаративный и метод целостного анализа художественного текста.

Результаты и их обсуждение

Иоганн Кристиан Фридрих Гёльдерлин (Johann Christian Friedrich Hölderlin, 1770–1843) – один из самых гениальных немецких лириков, чье имя стало символом мощи и красоты немецкого языка, символом самой поэзии. М. Хайдеггер утверждал: «...поэзия Гёльдерлина несет поэтическое назначение – собственно сочинять сущность поэзии. Для нас Гёльдерлин – *поэт поэта* в некотором совершенном смысле. Вот почему он избран» [30, с. 44]. В конце жизни, в интервью журналу «Экспресс» в 1969 г., философ повторит в ответ на вопрос корреспондента: «Почему среди поэтов вас особенно интересует Гёльдерлин?» – «Гёльдерлин – это не только один из великих поэтов. Он в каком-то смысле поэт самой сущности поэзии» [30, с. 57].

Миновав дистанцию в более чем столетие, Гёльдерлин легко и органично вошел в ряды поэтов XX в., причем самых разных эстетических устремлений. Он «свой» для неоромантика и символиста Стефана Георге и поэтов его круга. К нему обращается как к великому учителю жизни и поэзии Райнер Мария Рильке, на чье позднее творчество Гёльдерлин оказал глубокое влияние (особенно на «Дуинские элегии»). Гёльдерлина приветствуют как собрата по судьбе и титаническим усилиям пересоздания языка и мира экспрессионисты – и те, которые объединяются вокруг журнала «Штурм», и «активисты», но особенно – гениальный безвременно ушедший основоположник экспрессионизма Георг Трактль, сознательно возрождающий гёльдерлиновские интонации, ритмику, синтаксис и записывающий в дневнике: «Я знаю свою судьбу – сойти с ума, как Гёльдерлин». Сама трагическая судьба Гёльдерлина, его безумие трактуются экспрессионистами как защита от действительности и протест против нее. С. Георге,

одним из первых причастный к тому, что получило название *Hölderlin-Renaissance* ‘Гёльдерлиновский ренессанс’, называет Гёльдерлина «обновителем языка» и «обновителем души», пророком и «глашаемым новым Богом» [31, S. 1–3]. Георге провозглашает его также «орфическим певцом», Орфеем, вновь явившимся в мир, воплощением самой трансцендентной сущности поэзии. Эта концепция оказывается чрезвычайно близкой и Рильке.

Разумеется, все это связано с новаторскими открытиями Гёльдерлина и с особым его положением в литературном процессе конца XVIII в. – тем положением, которое немецкое литературоведение в основном определяет как *zwischen Klassik und Romantik* ‘между классикой и романтизмом’, т. е. между веймарским классицизмом и становящимся романтизмом. Как известно, сами романтики с почтительным и немим удивлением относились к Гёльдерлину как к не совсем понятному им гению. Беттина фон Арним, сестра К. Brentano, посетившая забытого всеми и словно выпавшего из современности в свое загадочное время безумного поэта в его заточении в башне над Неккаром в Тюбингене, оставила потомкам свидетельство этого изумления:

Слушая его, невольно вспоминаешь шум ветра: он бушует в гимнах, которые внезапно обрываются, и все это – будто кружится вихрь; и потом им как будто овладевает глубокая мудрость, – и тогда совершенно забываешь, что он сумасшедший; и, когда он говорит о языке и о стихе, кажется, будто он близок к тому, чтобы раскрыть божественную тайну языка (цит. по [32, с. 188]).

С одной стороны, Гёльдерлин предварил поиски романтиков и, как неоднократно справедливо замечал А. В. Карельский, исчерпал всю романтическую парадигму еще тогда, когда она только складывалась, и шагнул дальше. С другой стороны, многими чертами своего мирозерцания Гёльдерлин не укладывается в рамки романтической эстетики. В свое время Гегель, говоря о романтизме, отмечал, что в нем «мир души торжествует победу над внешним миром и являет эту победу в пределах самого этого внешнего мира и на самом этом мире, и вследствие этого чувственное явление обесценивается». По Гегелю, именно «этот внутренний мир составляет предмет романтизма» (Эстетика. Ч. 2). Но в том-то и дело, что у Гёльдерлина нет этой обесцененности земного, конкретно-чувственного мира. Неслучайно Рильке напишет о Гёльдерлине – с упреком себе и поэтам своего поколения: *Was, da ein solcher, Ewiger, war, mißtraun wir / immer dem Irdischen noch?*¹ [33, S. 627]. Одним из первых заметивший трагический процесс отчуждения человеческой личности, состояние расколотости мира, он не абсолютизировал их, а стремился преодолеть в своей поэзии, храня верность целостности, единству духовного и конкретно-чувственного, небесного и земного: *Die Dichter müssen auch / Die geistigen weltlich sein*² [35, S. 170].

Гёльдерлин во многом близок титанизму и универсализму веймарских классиков. Он, в сущности, создает свою собственную, неповторимую и связанную с принципиально новым прочтением античности, с трансформацией эллинского мифа, вариацию веймарского классицизма – столь неповторимую, что она не была оценена по достоинству ни Гёте, ни Шиллером. «Поэт, которого просмотрел не только век, но и Гёте» – так в присущей ей манере ответила Марина Цветаева на запрос Максима Горького о Гёльдерлине (ему нужна была информация о поэте для предполагавшегося словаря писателей). М. Цветаева была едва ли не единственной в России, кто с детства знал и любил поэзию Гёльдерлина. Для нее век в сравнении с Гёте – ничто. И тем горше, что даже великий Гёте не оценил по достоинству талант Гёльдерлина. Более того, познакомившись с некоторыми его стихотворениями, он дал снисходительный совет молодому поэту не уноситься в эмпирию, не уходить в глубокое философствование, описывать «простые идиллические случаи». Г. И. Ратгауз пишет: «Несомненно, что, если бы Гёльдерлин последовал этим советам до конца и оставил бы свое “философское глубокомыслие”, о котором с неудовольствием говорит Шиллер в одном из писем к Гёте, его поэзия потеряла бы свое лицо. Гёте и Шиллер и не подозревали, что перед ними открываются первые контуры нового поэтического явления. В поэтической концепции Гёльдерлина “идея” и “природа” вступали между собой в совершенно новые отношения. Знаменитая формула из “Гипериона” о том, что поэзия... есть начало и конец философии, что философия, как Минерва из головы Юпитера, родится из поэзии бесконечного божественного бытия и что в конце концов и философия, и религия, и искусство, все несоединимое сливается в таинственном источнике поэзии, – выражала сущность этого нового понимания мира» [21, с. 519]. Своими идеями юный Гёльдерлин делился с друзьями,

¹Что же, если такой, Вечный, был, чуждаемся мы / все еще земного? (Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.) Ср. перевод Г. Ратгауза: *Что же и ты, о Вечный, не исцелил нас / от недоверья к земному?* [34, с. 315].

²Должны поэты, также / Духовные, быть мирскими. Ср. перевод В. Микушевича: *Подобает поэтам, даже духовным, / Быть мирскими* [20, с. 172].

с которыми жил в одной комнате (монастырской келье) во время учебы в Тюбингенском университете, – с Ф. Шеллингом и Г. В. Ф. Гегелем. Влияние Гёльдерлина на них несомненно, особенно на «Систему трансцендентального идеализма» Ф. Шеллинга и его концепцию Мировой Души, на концепцию Мирового Духа в философии Гегеля, а в целом – на идею синтеза религии, наук, искусств, поэзии, точнее – растворения бытия и познания в Поэзии, объемлющей и воплощающей целостность мира. Показательно, что, обращаясь к Гёльдерлину, Рильке напишет: *Dir, du Herrlicher, war, dir war, du Beschwörer, ein ganzes / Leben das dringende Bild...*³ [33, S. 626]. Целостность мировосприятия неизбежно влекла Гёльдерлина к синтезу двух древних истоков европейской культуры – мира Эллады и Библии, к новому их осмыслению и воплощению в немецком слове.

Трудно, пожалуй, привести более яркий и законченный пример величайшей преданности античной культуре, глубочайшего усвоения ее традиций и вместе с тем совершенно новаторского ее осмысления, нежели творчество Гёльдерлина. Античность занимает концептуально важное место в его мировоззрении и художественном мире. Стефан Цвейг неслучайно назвал Гёльдерлина «последним эфебом немецкого эллинизма» [34, с. 181]. Действительно, именно Гёльдерлин наиболее полно воплотил неустанный стремление немецкой философско-эстетической и художественной мысли, начиная с Винкельмана и Лессинга, к античности. Однако его восприятие античности существенно отличалось от винкельмановской формулы, принятой затем и веймарскими классиками, – *благородная простота и спокойное величие*. Эллада Гёльдерлина, особенно в его поздних гимнах, – не традиционная классицистическая родина благородных скульптурных форм и абсолютной гармонии, но восточная, азиатская Греция, только рождающаяся из первобытного хаоса, полная стихийных могучих сил. В интерпретации Гёльдерлина Эллада и, шире, Средиземноморье – исток и синтез различных эпох и культур: варварства, цивилизованного язычества, древнейшего монотеизма (иудаизма), христианства, ибо, как сказано в элегии «Хлеб и вино» («Brot und Wein»), «оттуда грядет и назад указывает грядущий Бог» (*Dorther kommt und zurück deutet der kommende Gott...* [35, S. 115]).

Гёльдерлиновская Греция, чаще всего сопровождающаяся определением «блаженная», или «святая» (*Seliges Griechenland! du Haus der Himmlischen alle...*⁴ [37, S. 116]), воплощает и прошлое человечества, и его настоящее, искаженное убогой реальностью, и главным образом его лучезарное будущее. С особенной ясностью и широтой концепция диалектического движения истории – возвращения на новом витке развития к достойному человека свободному бытию через преодоление рабского, скованного, бесчеловечного настоящего (концепция, несущая в себе явственные отсветы библейской философии истории) – развернута в «Архипелаге» («Der Archipelagus», 1800), большом стихотворении (или небольшой поэме), написанном гекзаметром. Осмысливая историю Греции, ее славное прошлое и угнетенное настоящее, поэт проецирует эту парадигму на всю историю человечества и рисует мрачную картину бесцельного существования человека, отчужденного от себя самого и плодов своего труда, обреченного на одиночество, блуждающего, как в сумрачном Орке, без Божества в душе: *Aber weh! Es wandelt in Nacht, es wohnt, wie im Orkus, / Ohne Göttliches unser Geschlecht* [35, S. 130]⁵. Это продлится, по мысли поэта, пока не преобразится кардинально человек, пока не явятся ему, как свободным детям Эллады в эпоху ее взлета (эпоху победы над персами), любовь и согласие, пока не вернется из далеких скитаний Дух природы, с которым вновь сольется человечество, заново откроет для себя Бога:

*Bis, erwacht vom ängstigen Traum, die Seele den Menschen / Aufgeht, jugendlich froh, und der Liebe segnender Othem / Wieder, wie vormals oft, bei Hellas blühenden Kindern, / Wehet in neuer Zeit und über freierer Stirne / Uns der Geist der Natur, der fernherwandelnde, wieder / Stillweilend der Gott in goldnen Wolken erscheint*⁶ [35, S. 130].

В этих строках и далее Гёльдерлин рисует величественную утопию обновленного человечества, для которого единственным законом существования станут гармония, красота, подлинная духовность, и в этой утопии, античной по форме, явственно различимы библейские ноты, в частности, аллюзии на знаменитое явление «в облаках» Мессии (Сына Человеческого) в 7-й главе Книги Даниила (Дан 7:13–14), на описание Небесного Иерусалима – *Града на холме*, символизирующего Мессианскую эру и Царство

³Тебе, о Прекрасный, был, тебе был явлен, о Заклинатель, целостной / Жизни проникающий образ... Ср. перевод Г. Ратгауза: *Только тебе, о Державный, тебе, Заклинатель, являлась / жизнь как целостный образ...* [21, с. 314].

⁴О святой Эллад! О дом небожителей вечный... («Хлеб и вино»; перевод С. Аверинцева) [20, с. 137].

⁵Горе, блуждает в ночи, живет, словно в сумрачном Орке, / Без Божества поколение наше (здесь и далее перевод стихотворения В. Микушевича) [20, с. 149].

⁶Это продлится, пока человек душой не воспрянет, / Страшные сны победив, чтоб дыханьем благословенным / Нашему времени так же, как детям цветущим Эллады, / Веяла снова любовь, чтоб над нами, свободными, снова / Дух природы возник, из далеких скитаний вернувшись, / Тихим присутствием Бога созрев облака золотые [20, с. 150].

Божье в Книге Пророка Иезекииля (*Иез 40:2* и далее), затем – в новозаветном Апокалипсисе (Откровении Иоанна Богослова; *Откр 21*):

Aber länger nicht mehr! schon hör ich ferne des Festtags / Chorgesang auf grünen Gebirg und das Echo der Haine, / Wo der Jünglinge Brust sich hebt, wo die Seele des Volks sich / Stillvereint im freieren Lied, zur Ehre des Gottes, / Dem die Höhe gebührt, doch auch die Tale sind heilig; / Denn, wo fröhlich der Strom in wachsender Jugend hinauseilt, / Unter Blumen des Lands, und wo auf sonnigen Ebnen / Edles Korn und der Obstwald reift, da kränzen am Feste / Gerne die Frommen sich auch, und auf dem Hügel der Stadt glänzt, / Menschlicher Wohnung gleich, die himmlische Halle der Freude. / Denn voll göttlichen Sinns ist alles Leben geworden...⁷
[35, S. 130–131].

Отметим, что в переводе В. Микушевича есть досадная неточность: там, где он переводит *высь* *подобает богам*, но *священны для них и долины*, у Гёльдерлина речь идет о Едином Боге, тождественном Мировому Духу: *...zur Ehre des Gottes, / Dem die Höhe gebührt, doch auch die Tale sind heilig...⁸*

Гёльдерлин недаром происходил из старинного лютеранского рода, в котором все мужчины были священниками, недаром учился в монастырских школах в Денкендорфе и Маульбронне, а затем в закрытом университете при Тюбингенском монастыре, где успешно штудировал древние языки – древнееврейский, древнегреческий, латинский (он знал их в совершенстве), а также теологию, что будет удостоверено особой записью в его дипломе: «*Studia theologica magno cum successo tractavit. Orationem sacram recte elaboratam decenter recitavit*»⁹. И хотя уже в студенческие годы Гёльдерлин глубоко изучал античность (окончил университет защитой магистерской диссертации «История изящных искусств у греков»), хотя именно она волновала его больше и в большей степени определяла его топику и стилистику на раннем и зрелом этапах творчества, тем не менее мир Библии был ему также близок и исподволь формировал и его мировоззренческие установки (особенно в концепции философии истории), и его жанрово-стилевые поиски.

Духовное и поэтическое развитие Гёльдерлина удивительно следует триаде, изложенной позднее Гегелем в «Лекциях по философии религии»: *естественная религия – религия духовной индивидуальности – абсолютная религия*¹⁰. Точнее, Гёльдерлин в своем духовном и творческом опыте прочерчивает нечто подобное этой триаде, но в особом преломлении, похожем на то, которое будет описано в середине XX в. выдающимся исследователем еврейской мистики Гершомом Шоломом. Ранее уже говорилось об огромном интересе к еврейской мистике, и прежде всего Каббале, в XVIII в., о ее влиянии, и прямом, и опосредованном, через Я. Бёме и Б. Спинозу, на просветителей, в том числе на Гёте. Затем Каббала (особенно Лурианская) повлияет на концепцию Ф. Шеллинга и творчество йенских романтиков, в первую очередь Новалиса. Возможно предположить, что посредником в восприятии Шеллингом идей панентеизма, свойственных Каббале, был Гёльдерлин. В свою очередь, представления немецких романтиков и немецкой классической философии воздействовали на определенные аспекты учения Г. Шолома о Каббале. Он воспринимал Каббалу как единство философии и мифа, о котором так мечтали романтики. Для него еврейская мистика была своего рода возвращением к мифу, от которого, с его точки зрения, отказался древний иудаизм, своего рода ремифологизацией, третьей стадией диалектической триады: *миф – Откровение – мистика* (в этом нельзя не увидеть особое преломление все той же гегелевской триады). В мифе Божество (боги), человек и космос пребывают в нерасчлененном единстве: «Первая стадия представляет собой мир, заполненный богами, которых человек встречает на каждом шагу и чье присутствие можно ощутить без обращения к экстатической медитации. Другими словами, мистика не может возникнуть до тех пор, пока представление о наличии пропасти между Человеком и Богом не стало фактом внутреннего сознания. Оно, однако, не становится им, лишь пока длится младенчество человечества, эпоха его мифотворчества» [36, с. 41]. Затем возникает религия Откровения, которая пролагает пропасть между человеком и трансцендентным Богом, осознаваемым тем не менее как Бог Живой, как трансцендентная Личность, открывающая Себя человеку, вступающая с ним в диалог: «Великие монотеистические религии живут и развертываются с постоянным сознанием этой двухполюсности, наличия вовек неодолимой пропасти.

⁷Близится радостный час. Уже в отдалении слышен / Праздничный хор на горах. Разносится эхо по рощам. / Снова вздымается юная грудь, и в напеве свободном, / Бога восславив, народ обретает единство былое. / Высь подобает богам, но священны для них и долины: / Там, где ручей торопливый струится, в цветах молодея, / Там, где хлеба благородные зреют на солнечных нивах, / Там, где плоды наливаются, праведных радует праздник; / И, как жилище людей, пламенеет, сверкает и блещет / Град на вершине холма, обитель небесного счастья. / Смыслом Божественным вновь преисполнено существование... [20, с. 150].

⁸«...во славу Бога, / Которому высь подобает, но также долины священны...»

⁹С большим успехом занимался теологией. Достойно произнес тщательно приготовленную проповедь⁷.

¹⁰Курсив наш. – Г. С.

Сферой религии для них является уже не Природа, но нравственное и религиозное действие человека и человеческой общности. В результате их взаимодействия история становится в некотором смысле сценой, на которой разыгрывается драма отношений между Человеком и Богом» [36, с. 42]. Мистика, не отказываясь от религии Откровения, не забывая о пропасти между ограниченным духовно-телесным человеком и безграничным и трансцендентным Богом, перебрасывает мост над пропастью, творя новый миф, соединяя жизнь в религии Откровения и жизнь в мифе: «И только после того, как религия обретает в истории свое классическое выражение в определенных коллективных формах жизни и веры, только тогда мы можем засвидетельствовать возникновение феномена, называемого мистикой. <...> Драма мистики разыгрывается в душе, и путь души через бездны множества к познанию Божественной реальности, отныне мыслимой как предвечное единство всего сущего, становится ее главной заботой» [36, с. 42].

Кажется, Гёльдерлин именно так прочерчивает путь всего человечества и в каком-то смысле сам проходит этот путь. Сначала – мир, полный богов (Г. Шолем), единство богов и создавшего их человека: *Götter wandelten einst bei Menschen, die herrlichen Musen / Und der Jüngling, Apoll, heilend, begeisternd wie du* («Götter wandelten einst...») ¹¹ [35, S. 32]. Счастливы были люди, обитавшие рядом с богами, по сути, равные им. *Aber Freund! wir kommen zu spät. Zwar leben die Götter, / Aber über dem Haupt droben in anderer Welt* ¹² [35, S. 117], – говорится в знаменитой элегии «Хлеб и вино», посвященной главному христианскому таинству – евхаристии – и одновременно осмыслению целостности бытия, единства истоков культуры. Наивно полагать, что Гёльдерлин творит некую неоязыческую религию. Его «боги» – это Откровение единого Духа Божьего в природе и открытие человеком самого себя, ибо, как сказано в «Гиперионе», *вначале человек и его боги были одно целое, когда существовала еще не познавшая себя вечная красота* ¹³ [20, с. 354]. Кроме того, по Гёльдерлину, античные боги – создание человека, воплощение его творческой мощи, его красоты и красоты искусства: *Первое детище человеческой, божественной красоты есть искусство. В нем обновляет и воссоздает себя божественный человек. Он хочет постигнуть себя, поэтому он воплощает в искусстве свою красоту. Так создал человек своих богов* [20, с. 354]. «Боги» Гёльдерлина – это еще и олицетворение творческих живительных сил природы, метафора единства духа и природы, метафора грядущей гармонии, к которой должен прийти человек, ведь, как сказано в «Гиперионе», *человек есть бог, коль скоро он человек. А если он бог, то он прекрасен* [20, с. 354]. В позднем творчестве боги Гёльдерлина сливаются в едином всеобъемлющем Мировом Духе (*Weltgeist*), единосущном Богу Отцу, Владыке времени и пространства, поэтому закономерно, особенно в поздних гимнах, Христос оказывается братом Диониса, Ахилла и Геракла. И все же после относительной гармонии счастливого пантеистического детства наступает разлад. Возникает пропасть между Богом, как недостижимым идеалом, и бесконечно одиноким человеком. И человечество отдаляется от своего идеала, и в душе поэта очевиден раскол, несмотря на весь порыв к целостности. Это продлится, пока не преобразится кардинально человек, пока человечество не ощутит своего единства, своего существования в лоне Природы и пронизывающего ее Мирового Духа.

Мироощущение Гёльдерлина окрашено сильными тонами пантеизма, восходящего не только к Гераклиту, «темному философу» из Эфеса, не только к Платону и Плотину, но и к Библии и ее мистическому толкованию. Все сущее для поэта – знак единой Духовной Сущности. Беда в том, что люди не осознают этого или забыли самих себя. Во второй редакции гимна «Мнемозина» («Mnemosyne») сказано: *Ein Zeichen sind wir, deutungslos, / Schmerzlos sind wir und haben fast / Die Sprache in der Fremde verloren / ...Zweifellos / Ist aber Einer* ¹⁴ [35, S. 142–143]. К подлинной Сущности нелегко пробиться, ведь неслучайно в гимне «Патмос» («Patmos») сказано: *Nah ist / Und schwer zu fassen der Gott* ¹⁵ [35, S. 176]. Редко кто с такой краткостью, афористичностью и силой выразил одну из самых заветных идей Библии: чем ближе человек к Богу, чем больше ощущает Его близость, тем более далеким, более непостижимым оказывается Бог, потому что Он – абсолютное совершенство, абсолютная духовность, абсолютная полнота бытия и красота, недоступная во всей мере человеку. Поразителен именно союз *и* (*und*), хотя логичнее было бы употребить *но* (*aber*), однако именно этого и не делает поэт: Бога тем труднее постигнуть, чем Он ближе, ибо никогда не достичь Его высот. И все же есть надежда постижения: *Wo aber Gefahr ist, wächst / Das Rettende auch* [35, S. 176] ¹⁶.

¹¹ Некогда боги с людьми обитали – красавицы музы / И молодой Аполлон... (перевод С. Апта) [20, с. 100].

¹² Мы же, друг, опоздали прийти. По-прежнему длится, / Но в пространствах иных вечное время богов (перевод С. Аверинцева) [20, с. 137].

¹³ Здесь и далее перевод стихотворения Е. Садовского.

¹⁴ Мы только знак, но невятен смысл, / Боли в нас нет, мы в изгнанье едва ль / Родной язык не забыли. / ...Вне сомненья / Только Единый (перевод С. Аверинцева) [20, с. 181].

¹⁵ Близок / И трудно постижим Бог*.

¹⁶ Но где опасность, вырастает / Спасующее также*. Ср. перевод В. Миклушевца: *Где опасность, однако, / Там и спасенье* [20, с. 172].

По Гёльдерлину, мир един и насквозь духовен, поэтому возможно его постижение усилием поэтического духа, через интуитивное вчувствование, погружение в собственную душу, ведь *помыслы Всемирного Духа / Тихо завершаются в душе поэта...*¹⁷ [20, с. 154]. Точнее, у Гёльдерлина сказано: *Des gemeinsamen Geistes Gedanken sind, / Still endend, in der Seele des Dichters...*¹⁸ [35, S. 136]. Движение Всеобщего (Единог) Духа пронизывает все, вплоть до мельчайших мелочей, поэтому, следя за этими мелочами, можно взойти к самым высоким духовным смыслам. Субъект не противостоит объекту, а сливается с ним в единстве вселенской жизни, через субъекта познающей самоё себя. Основа этого единства – всепроникающий мировой ритм. Все та же Беттина фон Арним сохранила для нас загадочное речение Гёльдерлина: *...все есть ритм: судьба человека – это небесный ритм, и всякое произведение искусства – только ритм* (цит. по [32, с. 178]).

Беттина писала о том, как поразили ее язык и ритмы этого поэта. Само движение стиха у Гёльдерлина, по ее мысли, есть уже некое бытие, некий смысл, особая жизнь, ибо *законы духа метричны*. Согласно же Гёльдерлину, назначение поэзии и есть установление бытия – превращение бренного и преходящего в вечное и пребывающее: *Was bleibt aber, stiften die Dichter* [35, S. 196]¹⁹. Имея в виду именно эту строку из гимна «Воспоминание» («Andenken»), Мартин Хайдеггер определяет сущность поэзии, столь ярко выраженную именно у Гёльдерлина (*поэта самой сущности поэзии*), как «установление бытия посредством слова» [30, с. 56].

То, что *законы духа метричны*, выявляется прежде всего в ритмах Гёльдерлина, в их семантизации. Эволюция ритмомелодических особенностей поэзии Гёльдерлина чрезвычайно ярко отражает его духовно-эстетическую эволюцию, динамику соотношения в его творчестве античного и библейского. Он начинает с подражания одам Клопштока, написанным нестрогим соблюдаемыми логземами, исполненным пиетистского благочестия и энтузиазма. Затем в цикле студенческих «Тюбингенских гимнов» («Tübinger Hymnen») Гёльдерлин вслед за Шиллером обращается к чеканной силлаботонике и рифмованному стиху. В этих «Гимнах к Идеалам Человечества», как они еще именуются, преобладает античная топка, но господствует штюрмерский энтузиазм, инспирированный Руссо и Гердером. И в них уже ощущаются импульсы библейской поэтики – в особой взволнованности, эмоциональности, в эмфатическом синтаксисе.

Подлинный, зрелый Гёльдерлин начинается с обращения к жанру оды и с нового открытия античных метров – дактилического гексаметра, элегического дистиха, эолийских строфических размеров. Они постепенно вытесняют в его поэзии рифмованный силлабо-тонический стих начиная с середины 1790-х гг., особенно во франкфуртский период его творчества (1796–1798), когда он получил особый духовный импульс благодаря любви к Сюзетте Гонтар – Диотиме его поэзии. Диотима, чье имя было взято из платоновского «Пира» и в переводе с греческого означает «богобоязненная», воплощает у Гёльдерлина высшую способность чувствовать и любить, самоё любовь. Поэт воспринимает Диотиму как посланницу Неба, как Вечную Возлюбленную: *Diotima! Edles Leben! / Schwester, heilig mir verwandt! / Eh ich dir die Hand gegeben, / Hab ich ferne dich gekannt*²⁰ [35, S. 27]. Показательно, что Диотима ассоциируется у Гёльдерлина не только с афинянкой века Перикла, но и с Мадонной, которой он посвятит уже в разлуке с возлюбленной большой незавершенный гимнический набросок «К Мадонне» («An die Madonna»), насыщенный библейскими аллюзиями. В этом образе просматриваются черты Премудрости Божьей, Шехины, Мировой Души (эта концепция особенно углубляется в романе «Гиперион»). Диотима – посланница Неба и воплощение самой жизни, точнее – связи между двумя мирами; ее любовь и любовь к ней раскрывают для поэта смысл бытия и дают возможность противостоять всеобщему людскому непониманию и равнодушию («Geh unter, schöne Sonne...» – «Зайди, прекрасное солнце...», в переводе Е. Эткинда – «Зайди, о солнце...»):

*O du des Himmels Botin! wie lauscht ich dir! / Dir, Diotima! Liebe! wie sah von dir / Zum goldnen Tage dieses Auge / Glänzend und dankend empor. Da rauschen // Lebendiger die Quellen, es atmeten / Der dunkeln Erde Blüten mich liebend an, / Und lächelnd über Silberwolken / Neigte sich signed herab der Äther*²¹ [35, S. 73].

В хорошем, ритмически точном переводе Е. Эткинда все же не передан эффектный анжанбеман на границе строф, свойственный алкеевой строфе, и «потерялось» ключевое слово – *Любовь! (Liebe!)*.

¹⁷Перевод В. Микушевича.

¹⁸Всеобщего Духа мысли суть [пребывают], / Тихо завершаясь, в душе поэта...'

¹⁹Но то, что пребывает, устанавливают поэты'.

²⁰Диотима! Благородная жизнь! / Сестра, свято мне родная! / Прежде чем я протянул тебе руку, / Я давно знал тебя'.

²¹Мне Диотима небом ниспослана, / О как я ей внимал! И как радостно, / Ее узрев, я поднял взоры / И увидал золотое небо. // В ключах забила жизнь, и раскрылась мне / Душа цветов, землею рождаемых; / Над облаком, с улыбкой светлой, / Благословляя, Эфир склонился (перевод Е. Эткинда) [20, с. 107].

Именно воплощением Любви – человеческой и Божественной – становится Диотима. В оде «Любовь» («Die Liebe»), написанной третьей асклеиадовой строфой, любовь именуется «дочерью Бога, от Него одного» (*Gottes Tochter, von ihm allein* [35, S. 74]). Это соответствует мистической неоплатонической концепции и мистике Каббалы. При этом любовь – «небесное растение» (*himmlische Pflanze*) – вскармливается не только небесным нектаром, но и песней поэта – посредника, как и сама любовь, между земным и небесным мирами. По Гёльдерлину, это любовь в ее космическом масштабе, преобразующая мир, дарующая язык влюбленным, который должен стать языком всей земли; любовь – «дочь Бога» (*Gottes Tochter*), «знак более прекрасного времени» (*ein Zeichen der schönern Zeit*), грядущей Мессианской эры, главным законом которой станет Любовь: ...*Eine beseeltere, / Vollerblühende Welt! Sprache der Liebenden / Sei die Sprache des Landes, / Ihre Seele der Laut des Volks!*²² [35, S. 74].

Как и у Клопштока, в одах Гёльдерлина, написанных логаядами, синтезируются античные и библейские смыслы. В отличие от Клопштока, не всегда придерживавшегося определенного размера, изобретавшего собственные строфы в стремлении к наиболее полному и бурному выражению чувств, Гёльдерлин в своих одах строго ограничивает себя двумя строфическими формами – алкеевой и третьей асклеиадовой строфой (исключение из этого правила – стихотворение «*Unter den Alpen gesungen...*» – «Под Альпами спето...»), написанное сапфической строфой). Как в свое время отметил Ф. Байсснер, один из известнейших исследователей и издателей произведений поэта, подготовивший Большое штутгартское собрание сочинений Гёльдерлина, подобное ограничение позволило поэту достичь того, что, по его мнению, не удалось сделать Клопштоку, – «чтобы самим размером стиха создавалось определенное настроение, впечатление» [37, S. 167]. Речь, конечно же, идет о семантизации ритма. Однако, вероятно, дело не в том, что Клопштоку не удалось ее достичь: подобная семантизация – признак любой настоящей поэзии. В случае с Гёльдерлином дело, по-видимому, в том, что эта семантизация особенно рельефна, создается ощущение, что поэт играет ею совершенно сознательно – именно благодаря концентрации поэтических усилий на двух строфических размерах.

Гёльдерлин создает непревзойденные образцы оды в античных метрах и канонизирует этот жанр в немецкой поэзии. Твердая, кристаллическая и в то же время прихотливая форма античных строф позволяет поэту не только выразить в своих творениях преклонение перед духом Эллады и формами созданной ею красоты, но и вписать в эти формы современный ему ландшафт Германии, с необычайной мощью передать красоту ее городов, рек, долин, холмов, а также выразить мечту о грядущей гармонии, о жизни по законам любви и красоты. Тем самым ода Гёльдерлина получает дополнительные коннотации: утопия, опрокинутая в прошлое и одновременно спроецированная в будущее, стремление видеть родную Германию и все человечество живущими по законам красоты.

Ода как жанр преобладает в лирике Гёльдерлина до 1800 г. Однако далее происходит поворот его творчества к особой жанровой форме философского гимна в свободных ритмах (*in freien Rhythmen*), с чем связаны дальнейшие изменения поэтического синтаксиса, наиболее ярко отражающего в самой «плоти» стиха изменение мировоззренческих и жанровых структур. Во многом этот поворот был подготовлен предшествующим опытом немецкой поэзии – особенно опытом Клопштока, Гердера и молодого Гёте, обратившихся к библейской поэзии, прежде всего к стилистике и ритмике пророческих книг, Псалмов и Песни Песней. Таким образом, немецкие свободные ритмы вырастают на перекрестке двух равномоощных влияний – античного (эллинского) и древнееврейского (библейского). Эти два источника своеобразно переплетаются – и на уровне формы, и на уровне семантики – в философском гимне Гёльдерлина.

Несомненно, непосредственным импульсом для обращения к жанру философского гимна стала для Гёльдерлина его упорная работа в 1800 г. над переводами эпиникиев Пиндара (всего в этом году немецким поэтом было переведено 17 гимнов величайшего представителя эллинской хоровой мелики). Вместе с тем, очевидно, были причины и более глубокого свойства: переход поэта в его поэтическом развитии на несколько иной уровень, стремление синтезировать свои размышления над путями и судьбами не только Эллады и Германии, но и всей человеческой культуры. Это побудило поэта обратиться к древнейшему всеобъемлющему синтетическому жанру, сочетающему лирический субъективизм, эпическое дыхание и элементы драматизма. При этом для позднего гимна Гёльдерлина особенно характерно драматическое развертывание аналитической мысли, движущейся по знаменитой триаде эллинской хоровой мелики (*строфа – антистрофа – эпод*), которая является живой иллюстрацией не менее знаменитой «гегелевской триады» мышления, гораздо раньше осмысленной у Гёльдерлина: *тезис – антитезис – синтез*.

²²...*Сбудься, живой душой / Преисполненный мир! Стань, о язык любви / Всенародным глаголом / И законы даруй земле!* (перевод С. Аверинцева) [20, с. 113].

Так рождаются поздние гимны Гёльдерлина, объединенные условным названием «Отечественные песнопения» («Vaterländische Gesänge»), которое опирается на строки из письма поэта к К. У. Бёлендорфу, датированного предположительно ноябрем 1802 г. и написанного уже на пороге безумия: «Я думаю, мы не будем больше пересказывать поэтов, живших до нашего времени; песенный лад вообще примет другой характер, и мы потому еще не стали на ноги, что сызнова начинаем – впервые после греков – петь по-другому, естественно, в соответствии с нашим национальным духом, по-настоящему самобытно»²³ [20, с. 515]. В оригинале последняя фраза звучит как *vaterländisch und natürlich, eigentlich originell zu singen* [35, S. 946] ‘отечественно и естественно, собственно оригинально петь’. Уже из этого ясно, что сам Гёльдерлин осознавал форму, которую нашел в своих поздних гимнах, как наиболее органичную и для него, и для немецкой поэзии вообще.

В «Отечественные песнопения» входят не только завершённые философские гимны, иногда очень обширные, объемные и уже одним этим не похожие на сугубо лирические произведения, но и многочисленные фрагменты, наброски, пробы, напоминающие обрывающуюся органную пробу перед началом фуги. Тем не менее все поздние гимны создают ощущение взаимосвязанности, единого цикла. Хронотоп этого гигантского лирического целого предельно разомкнут: место действия – вся земля, по крайней мере – Евразия, Средиземноморье и Ближний Восток, где берут начало древнейшие цивилизации и культуры, куда корнями уходит культура европейская; время – вся протяженность человеческой цивилизации в сложнейших переплетениях и взаимодействиях культур, в их диалоге. При этом поэтическое пространство Гёльдерлина не только предельно разрежено, так что взор поэта озирает целые материки и континенты, но и предельно пластично, внимательно к простым, малым, незаметным вещам. Это в свое время очень тонко отметил Рильке: *Wie sie doch alle / wohnen im warmen Gedicht, häuslich, und lang / bleiben im schmalen Vergleich, Teilnehmende*²⁴ [33, S. 626]. Перед нами разворачивается символический и в то же время удивительно конкретный гигантский ландшафт человеческой культуры, истории, памяти, в который вписаны судьбы родной Германии и не менее родной Эллады, а также Святой Земли – духовной родины христианской цивилизации. В этом ландшафте ведут диалог различные начала: собственно немецкое, эллинское и библейское. Ему свойственны под пером Гёльдерлина и античная пластичность, и библейская динамика духа. Особенно показательны в этом смысле гимны «Единственный» («Der Einzige»), «Мнемозина» («Mnemosyne»), «У истоков Дуная» («Am Quell der Donau»), «Патмос» («Patmos»), «Германия» («Germanien»), «Паломничество» («Die Wanderung»), «Рейн» («Der Rhein»), «Титаны» («Die Titanen»), «Праздник мира» («Friedensfeier»).

Стоя в центре Европы, у истоков Дуная (гимн «У истоков Дуная»), поэт окидывает мысленным взором материки и континенты и вслушивается в голос Азии, вглядывается в таинственный Восток, откуда пришло Божественное животворящее Слово:

...so kam / Das Wort aus Osten zu uns, / Und an Parnassos Felsen und am Kithäron hör ich, /
O Asia, das Echo von dir und es bricht sich // Am Kapitol und jählings herab von den Alpen / Kommt
eine Fremdlingin sie / Zu uns, die Erweckerin, / Die menschenbildende Stimme²⁵ [35, S. 141].

Важно, что в оригинале *die Stimme* ‘голос’ – слово женского рода, и это очень соответствует библейскому духу, равно как и само слово «дух» (*ruach*) на иврите женского рода, как и *бат-коль* ‘дочь голоса’ – метафора, которая означает Голос Божий, точнее – его отзвук, отголосок, доступный человеческому восприятию. Вероятно, этот «человекообразующий [человекотворящий] голос» (*die menschenbildende Stimme*) ассоциируется у Гёльдерлина с библейской Премудростью (иврит *Хохма*, греч. *София*), «художницей при Боге», помогавшей Ему творить мир, и с каббалистическим образом Шехины – гипостазированной имманентности Бога миру, связанной с идеей Его пребывания среди людей, сливающейся с образом Духа Божьего и Премудрости. В связи с этим перевод, в котором употреблен мужской род, не передает всех важных смысловых нюансов подлинника; возможно, более адекватной заменой было бы слово «речь».

Гёльдерлин остро ощущает органичную связь прошлого и настоящего, Европы и Азии, Ионии и Аравии, Истма и Кавказа, Германии и Святой Земли, мгновенно переносясь мыслью в различные культурные пласты, облекая свой дух в различные ландшафты культуры и давая их синтез, основой которого является живой диалог любви. В том же гимне «У истоков Дуная» говорится:

²³Перевод Н. Гнединой.

²⁴Как все-таки все они живут в теплом стихе, по-домашнему, и долго / пребывают в сжатом сравнении, соучастники’.

²⁵...так пришло / Слово с Востока к нам, / И на вершинах Парнаса, и на Кифероне я слышу, / О Азия, эхо твое, и оно отдается // На Капитолии, и, стремительно с Альп ниспадая, / Приходит она, чужестранка, / К нам, Пробудительница, / человекотворящая [человекообразующая] Речь’. Ср. перевод В. Микушевича: ...так / С Востока Слово пришло к нам, / И на высотах Парнаса, и на Кифероне я слышу, / Азия, эхо твое, и оно отдается // На Капитолии, и стремглав с Альп, / Как странник, нисходит, / Нас пробуждая, / Животворящий голос [20, с. 155].

Ein unaufhörlich Lieben wars und ist. / Und wohlgeschieden, aber darum denken / Wir aneinander doch, ihr Fröhlichen am Isthmos, / Und am Cephiss und am Taygetos, / Auch eurer denken wir, ihr Tale des Kaukasos, / So alt ihr seid, ihr Paradiese dort, / Und deiner Patriarchen und deiner Propheten, // O Asia, deiner Starken, o Mutter! / Die furchtlos vor den Zeichen der Welt, / Und den Himmel auf Schultern und alles Schicksal, / Taglang auf Bergen gewurzelt, / Zuerst es verstanden, / Allein zu reden / Zu Gott²⁶ [35, S. 142–143].

Приведенный фрагмент особенно показателен как пример слиянности в философском гимне Гёльдерлина античного и библейского, западного и восточного, европейского и азиатского. И важно, что это та Азия (Передняя Азия, или Ближний Восток), которая дала миру библейских патриархов и пророков, которая научила человечество *лицом к лицу говорить / С Богом (Allein zu reden / zu Gott)*. Эта же Азия вырастает перед мысленным взором поэта в гимне «Патмос» (согласно преданию, Патмос – остров, на котором Иоанн Богослов написал свой Апокалипсис). Точнее, пейзаж родины неуловимо для героя и читателя перетекает в ландшафт Патмоса:

...Es dämmerten / Im Zwiellicht, da ich ging, / Der schattige Wald / Und die sehnsüchtigen Bäche / Der Heimat; nimmer kannt ich die Länder; / Doch bald, in frischem Glanze, / Geheimnisvoll / Im goldenen Rauche, blüthe / Schnellaufgewachsen, / Mit Schritten der Sonne, / Mit tausend Gipfeln duftend, // Mir Asia auf...²⁷ [35, S. 177].

Мысленный взор Гёльдерлина неслучайно прикован к Патмосу, где некогда великому духовидцу открылись видения конца несправедливой истории и явления Мессии – Христа, картины преображенного мира. Именно они в центре усилий поэта в поздних гимнах. Миссия поэта осмысливается как улавливание знаков Отца Предвечного, как стояние «лицом к Лицу» с Богом – как воля против Воли:

...Denn Eines weiß ich, / Daß nämlich der Wille / Des ewigen Vaters viel / Dir gilt. Still ist sein Zeichen / Am donnerden Himmel. Und Einer stehet darunter / Sein Leben lang. Denn noch lebt Christus. / Es sind aber alle die Helden, seine Söhne, / Gekommen all und heilige Schriften / Von ihm...²⁸ [35, S. 182].

И не только в древних языческих корнях, но прежде всего в слове, звучащем в Священном Писании, в верности его духу и букве Гёльдерлин видит исток и будущее «немецкой песни» (*deutscher Gesang*):

Wir haben gedient der Mutter Erde / Und haben jüngst dem Sonnenlichte gedient, / Unwissend, der Vater aber liebt, / Der über allen waltet, / Am meisten, daß gepflegt werde / Der feste Buchstab, und Bestehendes gut / Gedeutet. Dem folgt deutscher Gesang [35, S. 182–183]²⁹.

Гёльдерлин стремится слить воедино различные истоки культуры, поэтому от Древней Эллады мысль поэта свободно переходит к древней Земле Израиля, а Иисус становится братом Геракла и братом Вакха (гимн «Единственный»), ибо в них воплощен Единый Дух, единый Образ Божий:

Mein Meister und Herr! / O du, mein Lehrer! / Was bist du ferne / Geblieben? und da / Ich fragte unter den Alten, / Die Helden und / Die Götter, warum bliebest / Du uns? Und jetzt ist voll / Von Trauern meine Seele, / Als eifertet, ihr Himmlischen, selbst, / Daß, dien ich einem, mir / Das andere fehlet. // Ich weiß es aber, eigene Schuld / Ist! Denn zu sehr, / O Christus! Hang ich an dir, / Wiewohl Herakles Bruder / Und kühn bekenne ich, du / Bist Bruder auch des Eviers, der / An den Wagen spannte / Die Tiger und hinab / Bis an den Indus / Gebietend freudigen Dienst / Den Weinberg stiftet und / Den Grimm bezähmte der Völker³⁰ [35, S. 169].

²⁶Любовь была и осталась неисчерпаемой. / Разлученные, мы думаем друг о друге, / Веселые обитатели Истма и Тайгета, / И о вас мы думаем, долины Кавказа, / Древние райские кущи, / И о твоих патриархах, и о твоих пророках, // И о Сильных твоих, Азия-мать. / Которые бесстрашно на заре мира, / Взвалив на плечи судьбу и небо, / В горы врасая, / Первыми научились / Лицом к лицу говорить / С Богом (здесь и далее перевод гимна В. Микушевича) [20, с. 156].

²⁷...Вырисовывались / В сумраке, пока я шел, / Тенистые леса / И ручьи тревожные / Родины; местность не узнавал я, / Но вскоре, в свежем сиянии, / Таинственно, / В золотой дымке, расцвела, / Вырастая стремительно / С каждым шагом солнца, / Тысячами вершин благоухая, // Азия передо мною... [20, с. 172].

²⁸...Ибо одно мне / Ведомо – воля / Отца Предвечного превыше / Всего для тебя. Знак Его тихий / В грозном небе. И некто под этим знаком / Всю жизнь стоит. Еще живет Христос. / Есть еще герои, Его сыновья, / И Его Святые Писания... [20, с. 177].

²⁹Служили мы Матери-Земле, / Служили солнечному свету, / В неведение; но всего угодней / Отцу и Верховному Властителю, / Чтобы чтить, храня, / Бережно букву, как веху, и чтобы верно ее / Толковали. И в этом / Отцу покорна немецкая песнь [20, с. 177].

³⁰Господь и Учитель мой! / О мой Наставник! / Зачем остался Ты / Вдали? Когда / Искал я Тебя среди древних, / Среди героев, / Среди богов, почему / Скрылся Ты? И теперь полна / Душа моя скорбью, / Как будто вы, небожители, / Возревновали, как будто, / Служа Ему, других позабыл я. // Что поделаешь, это / Моя вина. Слишком / К Тебе я привязан, Христос, / Брат Геракла. / Провозглашаю смело Тебя / Также и братом Вакха, который / Запряг в колесницу / Тигров и вплоть / До самого Инда, / Радостный труженик, / Насадил виноградные лозы, / Свирепость народов обуздывая [20, с. 170–171].

Поразительно: гимн «Единственный» начинается с признания в любви к Элладу, где Аполлон шествовал / В обличье царственном, а завершается признанием в любви Тому, Кто наиболее полно воплотил на земле Божественное и человеческое, любовь к Богу и к людям, – Иисусу Христу, образ которого является для Гёльдерлина воплощением самой высокой человечности и самой совершенной красоты, а его жизнь – парадигмой духовного служения земному, совершенно необходимого для подлинного поэта:

Es hängt aber an Einen / Die Liebe. Diesesmal / Ist nämlich vom eigenen Herzen / Zu sehr gegangen der Gesang, / Gut machen will ich den Fehl, / Wenn ich noch andere singe. / Nie treffe ich, wie ich wünsche, / Das Maß. Ein Gott weiß aber, / Wenn kommt, was ich wünsche, das Beste. / Denn wie der Meister / Gewandelt auf Erden, / Ein gefangener Aar; // Und fiele, die / Ihn sahen, fürchteten sich, / Die weil sein Äußerstes tat / Der Vater und sein Bestes unter / Den Menschen wirkete wirklich, / Und sehr betrübt war auch / Der Sohn so lange, bis er / Gen Himmel fuhr in den Lüften, / Dem gleich ist gefangen die Seele der Helden. / Die Dichter müssen auch / Die geistigen weltlich sein³¹ [35, S. 170].

Последние строки являются, несомненно, выражением жизненного и творческого кредо Гёльдерлина, достаточно ясно отграничивающего его от романтиков: даже устремляясь к трансцендентному, поэт должен служить земному.

В гимне «Титаны» («Die Titanen») рядом с Христом предстают Ахилл и Аякс. Аллюзии на образ Христа несомненны в образе таинственного Князя Пира в «Празднике мира» («Friedensfeier»), рукопись которого была обнаружена в Лондоне в 1954 г. и опубликована Ф. Байсснером:

Und manchen möcht ich laden, aber o du, / Der freundlicherst den Menschen zugetan, / Dort unter syrischer Palme, / Wo nahe lag die Stadt, am Brunnen gerne war; / Das Kornfeld rauschte rings, still atmete die Kühlung / Vom Schatten des geweihten Gebirges, / Und die lieben Freunde, das treue Gewölk, / Umschatteten dich auch, damit der heilighühne / Durch Wildnis mild dein Strahl zu Menschen kam, o Jüngling! / Ach! aber dunkler umschattete, mitten im Wort, dich / Furchtbarenscheidend ein tödlich Verhängnis. So ist schnell / Vergänglich alles Himmlische; aber umsonst nicht... [35, S. 164]³².

Поэт пророчески провидит время, когда насилия нет нигде, – ни в царстве духов, / Ни среди нас, людей, когда всем людям слышен глас вселенной, / Давно звучавший... [20, с. 185] (...*Da Herrschaft nirgends ist zu sehn bei Geistern und Menschen* [35, S. 164]). В «Празднике мира» разворачиваются грандиозные видения Мессианской эры с явными нотами хилиазма – веры в тысячелетнее Царство Божье на земле, предстает озаренная солнцем утопия счастливого бытия человечества, преломленная через призму мессианских видений пророков и насыщенная евангельскими аллюзиями:

Vom Alleebendigen aber, von dem / Viel Freuden sind und Gesänge, / Ist einer ein Sohn, ein Ruhigmächtiger ist er, / Und nun erkennen wir ihn, / Nun, da wir kennen den Vater / Und Feiertage zu halten / Der hohe, der Geist / Der Welt sich zu Menschen geneigt hat. // Denn längst war der zum Herrn der Zeit zu groß / Und weit aus reichte sein Feld, wann hats ihn aber erschöpft? / Einmal mag aber ein Gott auch Tagewerk erwählen, / Gleich Sterblichen und teilen alles Schicksal. / Schicksalgesetz ist dies, daß Alle sich erfahren, / Daß, wenn die Stille kehrt, auch eine Sprache sei. / Wo aber wirkt der Geist, sind wir auch mit, und streiten, / Was wohl das Beste sei. So dünkt mir jetzt das Beste, / Wenn nun vollendet sein Bild und fertig ist der Meister, / Und selbst verklärt davon aus seiner Werkstatt tritt, / Der stille Gott der Zeit und nur der Liebe Gesetz, / Das schönausgleichende gilt von hier an bis zum Himmel³³ [35, S. 165–166].

³¹Любовь отдана / Одному. На этот раз / Слишком уж моим сердцем / Песнь моя преисполнена. / Я другой песнью / Искуплю грех свой, / Если буду еще я петь. / Не дано мне достичь того, чего я взыскую: / Меры. Один только Бог знает, / Когда приходит совершенство, которого я взыскую, / Ибо как учитель / Бродил по земле / Орел пленный, // И многие из тех, / Кто видел Его, страшились, / Так как облик Его создал / Отца, и Его совершенство / Поражало людей, / И печален был Сын, / Пока не вознесся / На небо, несомый ветром. / Ему подобна пленная душа героя. / Подобаает поэтам, даже духовным, / Быть мирскими [20, с. 171].

³²На пир бы многих я позвал... Но Ты, / Людей любивший ласково и строго, / Ты, восседавший под сирийской пальмой / Там, у колодезя Иакова, что по дороге в город, / Когда колосья гнулись на ветру, прохлада / Струилась от священных гор; когда / Друзья Твои, подобно облакам, / Стояли тенью вокруг Тебя, чтоб луч, святой и грозный, / Не ослепив людей, пробился к ним, / О Юноша, как сквозит лесную чащу... / Но Ты... Пока Ты говорил, сгущались / Тень беспощадного предначертанья. Так проходит / И все небесное. Но не бесследно (здесь и далее перевод гимна Е. Эткинда) [20, с. 186].

³³У Вседержителя, Который / Земную радость дал нам, песни дал, / Есть Сын, чья сила – в тишине. / Мы узнаём Его, / Ведь нам знаком Отец, – / В день празднества Он, Всемогущий Дух / Вселенной, наклоняется над нами. / Владыка времени! Он был велик, – далеко / Раскинулись Его поля... Но Он устал. / Ведь может же и Бог избрать, как смертный, / Поденный труд, деля судьбу людей. / Закон судьбы: людей узнают люди / И в тишине рождается Слово. / Где Дух царит – мы с Ним. И спорим, / Что лучшее на свете. Ныне вышшим / Мне кажется: завершена картина, / И, просветлен Своим созданием, Мастер / Из мастерской выходит, – Бог времен, / Безмолвный, тихий Бог, и лишь закон любви, / Всеобщей красоты – владеет миром [20, с. 186–187].

В поздних гимнах, и особенно в «Празднике мира», развернута панентеистическая концепция всеединства. Вся человеческая история и культура воспринимается поэтом как «образ времени, который разворачивает великий Дух» (*das Zeitbild, das der große Geist entfaltet* [35, S. 166]):

*Und das Zeitbild, das der große Geist entfaltet, / Ein Zeichen liegt vor uns, daß zwischen ihm und andern / Ein Bündnis zwischen ihm und andern Mächten ist. / Nicht er allein, die Unerzeugten, Ewgen / Sind kennbar alle daran, gleichwie auch an den Pflanzen / Die Mutter Erde sich und Licht und Luft sich kennet. / Zuletzt ist aber doch, ihr heiligen Mächte, für euch / Das Liebeszeichen, das Zeugnis, / Daß ihrs noch seiet, der Festtag*³⁴ [35, S. 166].

Основой мистического всеединства является не только всепроникающий небесный ритм, но и Слово – сакральное и поэтическое, в котором этот ритм становится доступным людям. Гёльдерлин говорит: *Viel hat von Morgen an, / Seit ein Gespräch wir sind und hören voneinander, / Erfahren der Mensch; bald sind wir aber Gesang* [35, S. 166]³⁵. Как и для мистиков, для Гёльдерлина характерна позитивно-метафизическая оценка языка как особого инструмента Бога – инструмента Творения и Самораскрытия. В поэзии Гёльдерлина поэт предстает как восприимчивый и ретранслятор Божественной речи, как посредник между миром земным и небесным. В гимне «Как в праздник...» («Wie wenn am Feiertage...») сказано:

*Doch uns gebührt es, unter Gottes Gewittern, / Ihr Dichter! mit entblößtem Haupte zu stehen, / Des Vaters Strahl, ihn selbst, mit eigener Hand / Zu fassen und dem Volk ins Lied / Gehüllt die himmlische Gabe zu reichen*³⁶ [35, S. 136].

Это именно тот текст, по поводу которого М. Хайдеггер говорил: «...поэзия Гёльдерлина несет поэтическое назначение – собственно сочинять сущность поэзии» [30, с. 53]. Поэт-визионер, словно овладев Божественной тайной языка, творит целостное бытие, разворачивающееся как особый духовный ландшафт. Ярчайшая примета этого духовного ландшафта – слиянность в нем совершенно конкретных, пластичных и вместе с тем метафорически-одухотворенных ландшафтов Эллады (и шире – Средиземноморья), Святой Земли и Германии.

Сверхзадача поздних гимнов – создание целостного образа мира – не могла не вызвать к жизни новый поэтический язык, новую стиховую форму – форму антисинтаксического верлибра. Именно ритмы поздних гимнов так поразили в свое время Беттину фон Арним, что ей показалось, будто поэт близок к раскрытию «Божественной тайны» языка, сокровенной сути человеческой мысли. Действительно, перед нами наглядное стремление стиха передать многоассоциативность, многосложность, необычайную динамичность и в то же время затрудненность, подчас парадоксальную алогичность работы человеческой мысли, упорядочивающей хаос, осваивающей действительность и проникающей в трансцендентное.

Показательно, что Гёльдерлин окончательно делает выбор в пользу антисинтаксического верлибра, когда законченная мысль или фраза не укладывается в рамки стиха, но резко выносится в следующую строку. Эта форма верлибра, ставшая такой органичной для немецкоязычной поэтической традиции, и прежде всего благодаря Гёльдерлину, даже в XX в. осознается другими литературами как особо авангардная, экспериментальная. У Клопштока есть лишь отдельные примеры антисинтаксического верлибра, Гёльдерлин же пользуется им мастерски, заставляя играть и резко пульсировать мысль на резких, незаконченных обрывах мысли и стиха – особенно в тех случаях, когда разрываются сказуемое и подлежащее, определение и определяемое, когда в предыдущей строке остается союз: *Wo aber Gefahr ist, wächst / Das Rettende auch; ...denn ungewohnt / War ich der breiten Gassen, wo herab / Vom Tmolus fährt / Der goldgeschmückte Paktol...* [35, S. 176, 177] и т. п.

Сознавая новизну своего стиля, поэт определяет его как гигантскую «инверсию», подчеркивая, что это не идентично лингвистической инверсии: «*Существуют инверсии слов внутри периода. Более сильна инверсия, когда сами периоды становятся материалом для нее. Логический распорядок, когда за основанием следует развитие, за развитием цель, когда придаточные предложения сзади привешиваются к главным, к которым они относятся, – этот распорядок лишь в редчайших случаях может оказаться пригодным для поэта*» [57, S. 378]. По мысли Гёльдерлина, стих должен передавать не логическую последовательность и завершенность мысли, но трудный процесс ее рождения и работы. В сущности, перед нами первая попытка воспроизведения «потока сознания» в лирической поэзии –

³⁴Свиток времен, развертываемый Духом, – / Вот знамение, что связь нерасторжима / Меж ним и силами природы. / Да, виден здесь не только Он, – все силы, / Все нерожденные и вечные – в единстве. / В растенье так сливаются земля, / И свет, и воздух... О святые силы, / Сегодняшнее празднество для вас – / Любовь и единенье [20, с. 187].

³⁵Немалому с утра, с тех пор как Словом / Мы стали и узнали друг о друге, / Все научились; но мы скоро станем Песней [20, с. 187].

³⁶Но нам подобает, о поэты, / Под Божьей грозой стоять с головой непокрытой / И луч Отца, Его свет / Ловить и скрытый в песне / Народу небесный дар приносить... (перевод В. Миклушевича) [20, с. 154–155].

потока утонченного, перегруженного философскими, литературными, культурными ассоциациями поэтического сознания, познающего мир. Именно отсюда проистекает чрезвычайная сложность синтаксиса позднего Гёльдерлина, которую отмечал еще первый его исследователь Н. фон Хеллинграт, подчеркивая, что это не бессилие больного поэта, неспособного справиться с языковой стихией, как считали некоторые, но совершенно особый стиль, находящий себе внутреннее оправдание.

Поэтический синтаксис поздних гимнов Гёльдерлина опирается на две, казалось бы, противоречащие друг другу тенденции. Первая из них – стремление к максимальной краткости поэтического высказывания, к использованию (вслед за Клопштоком и еще в большей степени) «свернутых», неустойчивых в официальном языке грамматических и синтаксических конструкций, выражающихся в пропуске несущественных логических связей, в опускании предлогов и артиклей. Цель, которая достигается при этом, – максимальная динамичность поэтического высказывания, позволяющая языку следовать за стремительной мыслью. Тенденция к краткости выражается также в обособлении практически каждого слова – благодаря вынесению в строку одного-единственного слова, благодаря постпозитивным определениям, анжанбеманам и инверсиям. Это порождает так называемый «жесткий стиль» (*harte Fügung* – термин Н. фон Хеллинграта).

Тенденция противоположная – все возрастающая длина предложения, стремление поэтической мысли выразиться в обширном смысловом целом (длина предложения в поздних гимнах Гёльдерлина достигает 140–156 слов). Таким образом, «жесткий стиль», создающий перерывы в течении стихотворной речи, раздробляющий ее на отдельные компоненты, сочетается с амплификацией – разрастанием предложения изнутри за счет факультативных конструкций, за счет развертывания мысли и образа по ассоциации. При этом целое как бы дробится на части, а затем воссоединяется в грандиозном синтаксическом целом, образуя лавинообразные предложения, гигантские строфоиды, переливающиеся друг в друга, как, например, в гимне «У истоков Дуная»:

*Denn, wie wenn hoch von der herrlichgestimmten, der Orgel / Im heiligen Saal, / Reinquillend aus den unerschöpflichen Röhren, / Das Vorspiel, weckend, des Morgens beginnt / Und weitumher; von Halle zu Halle, / Der erfrischende nun, der melodische Strom rinnt, / Bis in der kalten Schatten das Haus / Von Begeisterungen erfüllt, / Nun aber erwacht ist, nun; aufsteigend ihr, / Der Sonne des Fests, antwortet / Der Chor der Gemeinde: so kam / Das Wort aus Osten zu uns, / Und an Parnassos Felsen und am Kithäron hör ich, / O Asia, das Echo von dir und es bricht sich // Am Kapitol und jählings herab von den Alpen / Kommt eine Fremdlingin sie / Zu uns, die Erweckerin, / Die menschenbildende Stimme*³⁷ [35, S. 41].

При всей смысловой точности (кроме финальных строк) В. Микушевичу в переводе этого фрагмента не удалось передать главное: затрудненность движения мысли и одновременно ее динамичность, включающуюся громоздкой и алогичной начальной конструкцией *Denn, wie wenn* ‘Ибо, как когда’, а также контрастом очень долгой первой строки (семь слов, пять ударений; в переводе, соответственно, четыре и три) и краткой второй (три слова, включая предлог, и два ударения; в переводе – четыре и три). В начале второй строфы (точнее, гигантского строфоида, каковым является и первая строфа) удалось передать эффектный анжанбеман, резкий перенос мысли в следующее строфическое целое, но не удалось добиться выделенности, выпуклости, рельефности каждого слова.

Сложнейшие многослойные конструкции часто прерываются очень краткими предложениями или даже обособленными незавершенными фразами, как, например, в «Мнемозине»: *Zweifellos / Ist aber Einer. Der / Kann täglich es ändern. Kaum bedarf er / Gesätz* [37, S. 200]³⁸. Или в «Титанах»: *Nicht ist es aber / Die Zeit. Noch sind sie / Unangebunden. Göttliches trifft Unteilnehmende nicht. / Dann mögen sie rechnen / Mit Delphi*³⁹ [35, S. 213]. Это ощущение предельной, кажущейся алогичной краткости, которая отмечает одновременно и остановку, и непрерывное течение мысли, усиливает очень частое внешне нелогичное употребление союзов *und* и *denn* в начале конструкций или даже всего текста: *Denn nicht vermögen / Die Himmlischen alles*⁴⁰ [35, S. 200]; *Denn manches von ihnen ist / In treuen Schriften überblieben...*⁴¹ [35, S. 213] и т. п.

³⁷Как будто настроенный свыше, / Орган в святом зале, / Из неисчерпаемых труб изливая / Пролог пробужденный, утром звучит, / И вдалеке из чертога в чертог / Поток мелодий свежий течет, / Пока не наполнит в холодной тени / Дом вдохновеньем, / И, разбуженный, вставая навстречу / Солнцу праздника, отвечает / Хор общины; так / С Востока Слово пришло к нам, / И на высотах Парнаса, и на Кифероне я слышу, / Азия, эхо твоё, и оно отдается // На Капитолии, и стремглав с Альп, / Как странник, нисходит, / Нас пробуждая, / Животворящий голос (перевод В. Микушевича) [20, с. 155].

³⁸Вне сомненья / Только Единый. И он всегда / Возможен путь обратный. / Едва ль ему нужен закон (здесь и далее перевод С. Аверинцева) [20, с. 181].

³⁹И все же час / Не пробил. Они покида / Не скованы. / Чуждого Бог не коснется. / Иначе спор возгорелся б / С Дельфами [20, с. 182].

⁴⁰Ибо не все / Небесные могут [20, с. 181].

⁴¹Ибо немало / Осталось в хартиях верных... [20, с. 183].

Многие особенности поэтического синтаксиса Гёльдерлина и в целом его поэтического стиля связаны с влиянием библейской поэзии: именно для нее характерно внешне логически немотивированное употребление союзов *и* и *ибо* в начале предложения или текста в целом: *Ибо Господь есть Бог великий... // <...> Ибо Он есть Бог наш, и мы – народ паствы Его...* (Пс 95/94:3, 7)⁴² и т. п. При этом союз *и* часто выступает в роли грамматического показателя прошедшего времени при глаголах, что создает ощущение полисиндетона. Но часто фразы просто начинаются с союза *и*: *И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; // И почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия...* (Ис 11:1–2). Кроме того, для библейского стиля характерно жесткое сцепление слов без предлогов, обилие генитивных определений и предпочтение паратаксиса гипотаксису. Эти приметы находим и в стиле Гёльдерлина (отдельную работу паратаксису в поздней поэзии Гёльдерлина посвятил Т. Адорно [38]).

Заключение

Таким образом, на протяжении всего творческого пути Гёльдерлина, но особенно на позднем этапе Библия наряду с текстами античной (прежде всего эллинской) культуры играет роль важнейшего архетекста – смыслополагающего и текстопорождающего текста. Особенно значимы для поэта-визионера пророческие и апокалиптические сочинения, евангельские тексты, а из лирических книг Библии – Псалтирь. Впрочем, в самих пророческих книгах чрезвычайно много фрагментов, которые представляют собой религиозно-философскую лирику – прежде всего видения Мессиианской эры у пророка Исаии. При этом очевидно следующее: если на зрелом этапе творчества (франкфуртский период) релевантной для Гёльдерлина является эллинская «статика формы», то на позднем (гомбургский период и период скитаний) – библейская «динамика силы» (С. С. Аверинцев). Кроме того, для Гёльдерлина крайне важной оказывается мистическая концепция всеединства, определяющая главные смыслы и коды его художественного мира и связанная с мистической интерпретацией Писания, с христианской и еврейской мистикой. Чрезвычайно значимы для него и концепция Любви как силы, связующей и преобразующей мир и человека, а также концепция поэта как ретранслятора Божественного Слова и посредника между миром земным и небесным. Предназначение поэта – сродни пророческому. Он несет людям Божье Слово, Божественный Закон и с помощью поэтического дара конституирует земное бытие, превращая преходящее в пребывающее вечно. В целом же великий поэт дает на редкость органичный синтез античного и библейского духа, пронизывающего строй германской речи, формирующего и обновляющего ее. Таким образом, в самом поэтическом языке Гёльдерлина наглядно воспроизводятся коды и алгоритмы генезиса и развития европейской культуры.

Библиографические ссылки

1. Hellingrath N von. *Hölderlin-Vermächtnis*. Eingeleitet und herausgegeben von L. von Pigenot. München: Bruckmann; 1936. 188 S.
2. Kohler M, Herausgeber. *Internationale Hölderlin-Bibliographie: 1804–1983*. Stuttgart: Hölderlin-Archiv der Württembergischen Landesbibliothek Stuttgart; 1985. XVI, 766 S.
3. Sohnle WP, Schütz M, Herausgeber. *Internationale Hölderlin-Bibliographie online: ab Zugangsjahr 1984* [Internet]. Stuttgart: Hölderlin-Archiv der Württembergischen Landesbibliothek Stuttgart; 2001–2019 [zitiert 2020 23. April]. Verfügbar ab: <http://www.statistik-bw.de/Hoelderlin/>.
4. Wackwitz S. *Friedrich Hölderlin*. Stuttgart: J. B. Metzler; 1996. 205 S.
5. Fioretti A, editor. *The Solid Letter: Readings of Friedrich Hölderlin*. Stanford: Stanford University; 1999. 536 p.
6. Wilhelm M. *Friedrich Hölderlin: Eine Biographie*. Hamburg: Severus; 2013. 485 S.
7. Castellari M. *Hölderlin und das Theater: Production – Rezeption – Transformation*. Berlin: W. de Gruyter; 2018. 598 S.
8. Strohschneider M. *Neue Religion in Friedrich Hölderlins spätem Lyrik*. Berlin: W. de Gruyter; 2018. 440 S.
9. Heidegger M. *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung (1936–1968)*. Frankfurt am Main: V. Klostermann; 2012. 208 S.
10. Хайдеггер М. *Разъяснения к поэзии Гёльдерлина*. Ноткин Г, переводчик. Санкт-Петербург: Академический проект; 2003. 320 с.
11. Gosetti-Ferencei JA. *Heidegger, Hölderlin, and the Subject of Poetic Language*. New York: Fordham University; 2004. 336 p.
12. Kleinberg-Levin DM. *Gestures of Ethical Life: Reading Hölderlin's Question of Measure After Heidegger*. Stanford: Stanford University; 2005. xlvii, 488 p.
13. Luchte J. *Mortal Thought: Hölderlin and Philosophy*. New York & London: Bloomsbury; 2016. 216 S.
14. Гёльдерлин Ф. *Смерть Эмпедокла*. Голосовкер ЯЭ, Луначарский АВ, редакторы. Москва: Academia; 1931. 135 с.
15. Голосовкер ЯЭ. Поэтика и эстетика Гёльдерлина. *Вестник истории мировой культуры*. 1961;6:163–176.
16. Берковский НЯ. Фридрих Гёльдерлин. *Вопросы литературы*. 1962;1:13–164.
17. Берковский НЯ. Гёльдерлин. В: Балашов НИ, Пуришев БИ, Тураев СВ, редакторы. *История немецкой литературы. Том 3*. Москва: Издательство АН СССР; 1966. с. 48–79.

⁴²Здесь и далее Синодальный перевод.

18. Берковский НЯ. *Романтизм в Германии*. Ленинград: Художественная литература; 1973. 568 с.
19. Дейч АИ. Судьба Фридриха Гёльдерлина. В: Дейч АИ. *Судьбы поэтов: Гёльдерлин. Клейст. Гейне*. Москва: Художественная литература; 1968. с. 13–80.
20. Гёльдерлин Ф. *Сочинения*. Дейч А, Ратгауз Г, редакторы. Москва: Художественная литература; 1969. 543 с.
21. Ратгауз ГИ. Комментарии. В: Гёльдерлин Ф. *Сочинения*. Москва: Художественная литература; 1969. с. 516–538.
22. Пирьян ЗМ. *О некоторых особенностях синтаксиса лирики Гёльдерлина (амплификация предложения, инверсия, ep-jambement)* [диссертация]. Ленинград: Ленинградский государственный университет; 1975. 186 с.
23. Sinilo G. Die späte Hymne Hölderlins und ihre Rezeption in der DDR-Lyrik. In: Breitung H, Herausgeber. *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 1991*. Berlin: Deutscher Akademischer Austauschdienst; 1991. S. 249–254.
24. Сенило ГВ. Гёльдерлин и Пиндар. *Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика*. 1990;1:6–20.
25. Карельский АВ. *Драма немецкого романтизма*. Москва: Медиум; 1992. 335 с.
26. Вольский АЛ. Фридрих Гёльдерлин: Поэзия как герменевтика. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2008;72:144–155.
27. Фокин СЛ, редактор. *Фридрих Гёльдерлин и идея Европы*. Санкт-Петербург: Платоновское философское общество; 2017. 432 с.
28. Гвардини Р. *Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность*. Перцев АВ, Пургин СП, переводчики. Санкт-Петербург: Наука; 2015. 490 с.
29. Жук АД. Проблема жанра в «Hymne an die Unsterblichkeit» Ф. Гёльдерлина. В: Гутнин АА, редактор. *Проблемы истории литературы. Выпуск 18*. Новополюцк: Полоцкий государственный университет; 2004. с. 60–72.
30. Хайдеггер М. Гёльдерлин и сущность поэзии. Интервью в журнале «Экспресс». *Логос*. 1991;1:3–64.
31. Kelletat A, Herausgeber. *Hölderlin: Beiträge zu seinem Verständnis in unserem Jahrhundert*. Tübingen: J. C. B. Mohr; 1961. VII, 396 S.
32. Цвейг С. Гёльдерлин. В: Цвейг С. *Собрание сочинений. Том 6*. Москва: Художественная литература; 1963. с. 95–206.
33. Rilke RM. *Die Gedichte. 5. Auflage*. Frankfurt am Main: Insel; 2014. 895 S.
34. Рильке РМ. *Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть*. Богатырев КП, Ратгауз ГИ, Балашов НИ, редакторы. Москва: Наука; 1977. 543 с.
35. Hölderlin F. *Werke und Briefe. Bände 1–2*. Beißner F, Schmidt J, Herausgeber. Frankfurt am Main: Insel; 1969. 1011, [240] S.
36. Шолем Г. *Основные течения в еврейской мистике*. Бартман Н, Заболотная НЭ, переводчики; Яглом М, редактор. Москва: Мосты культуры; 2004. 510 с. Совместно с издательством «Гешарим» (Иерусалим).
37. Beißner F. *Hölderlin: Reden und Aufsätze*. Berlin: Rütten & Loening; 1961. 287 S.
38. Adorno T. Parataxis. On Hölderlin's Late Poetry. In: Adorno T. *Notes to Literature. Volume 2*. New York: Columbia University; 1992. p. 109–149.

References

1. Hellingrath N von. *Hölderlin-Vermächtnis*. Eingeleitet und herausgegeben von L. von Pigenot. München: Bruckmann; 1936. 188 S.
2. Kohler M, Herausgeber. *Internationale Hölderlin-Bibliographie: 1804–1983*. Stuttgart: Hölderlin-Archiv der Württembergischen Landesbibliothek Stuttgart; 1985. XVI, 766 S.
3. Sohnle WP, Schütz M, Herausgeber. *Internationale Hölderlin-Bibliographie online: ab Zugangsjahr 1984* [Internet]. Stuttgart: Hölderlin-Archiv der Württembergischen Landesbibliothek Stuttgart; 2001–2019 [cited 2020 April 23]. Available from: <http://www.statistik-bw.de/Hoelderlin/>.
4. Wackwitz S. *Friedrich Hölderlin*. Stuttgart: J. B. Metzler; 1996. 205 S.
5. Fioretos A, editor. *The Solid Letter: Readings of Friedrich Hölderlin*. Stanford: Stanford University; 1999. 536 p.
6. Wilhelm M. *Friedrich Hölderlin: Eine Biographie*. Hamburg: Severus; 2013. 485 S.
7. Castellari M. *Hölderlin und das Theater: Production – Rezeption – Transformation*. Berlin: W. de Gruyter; 2018. 598 S.
8. Strohschneider M. *Neue Religion in Friedrich Hölderlins spätem Lyrik*. Berlin: W. de Gruyter; 2018. 440 S.
9. Heidegger M. *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung (1936–1968)*. Frankfurt am Main: V. Klostermann; 2012. 208 S.
10. Heidegger M. *Raz' yasneniya k poezii Hölderlin'a* [Elucidations of Hölderlin's poetry]. Notkin G, translator. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 2003. 320 p. Russian.
11. Gosetti-Ferencei JA. *Heidegger, Hölderlin, and the Subject of Poetic Language*. New York: Fordham University; 2004. 336 p.
12. Kleinberg-Levin DM. *Gestures of Ethical Life: Reading Hölderlin's Question of Measure After Heidegger*. Stanford: Stanford University; 2005. xlvii, 488 p.
13. Luchte J. *Mortal Thought: Hölderlin and Philosophy*. New York & London: Bloomsbury; 2016. 216 S.
14. Hölderlin F. *Smert' Empedokla* [The death of Empedocles]. Golosovker JaE, Lunacharskiy AV, editors. Moscow: Academia; 1931. 135 p. Russian.
15. Golosovker JaE. [Poetics and aesthetics of Hölderlin]. *Vestnik istorii mirovoi kul'tury*. 1961;6:163–176. Russian.
16. Berkovskiy NJa. [Friedrich Hölderlin]. *Voprosy literatury*. 1962;1:13–164. Russian.
17. Berkovskiy NJa. [Hölderlin]. In: Balashov NI, Purishev BI, Turayev SV, editors. *Istoriya nemetskoi literatury. Tom 3* [History of German Literature. Volume 3]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1966. p. 48–79. Russian.
18. Berkovskiy NJa. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1973. 568 p. Russian.
19. Deych AI. [The fate of Friedrich Hölderlin]. In: Deych AI. *Sud'by poetov: Hölderlin. Kleist. Heine* [The fate of poets: Hölderlin. Kleist. Heine]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1968. p. 13–80. Russian.
20. Hölderlin F. *Sochineniya* [Works]. Deych A, Ratgauz G, editors. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1969. 543 p. Russian.
21. Ratgauz GI. [Comments]. In: Hölderlin F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1969. p. 516–538. Russian.

22. Piryan ZM. *O nekotorykh osobennostyakh sintaksisa liriki Hölderlin'a (amplifikatsiya predlozheniya, inversiya, enjambement)* [On some features of the syntax of Hölderlin's lyrics (amplification of sentences, inversion, enjambement)] [dissertation]. Leningrad: Leningrad State University; 1975. 186 p. Russian.
23. Sinilo G. Die späte Hymne Hölderlins und ihre Rezeption in der DDR-Lyrik. In: Breitung H, Herausgeber. *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 1991*. Berlin: Deutscher Akademischer Austauschdienst; 1991. S. 249–254.
24. Sinilo GV. [Hölderlin and Pindar]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika*. 1990;1:6–20. Russian.
25. Karelskiy AV. *Drama nemetskogo romantizma* [Drama of German romanticism]. Moscow: Medium; 1992. 335 p. Russian.
26. Vol'skiy AL. [Friedrich Hölderlin: Poetry as Hermeneutics]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2008;72:144–155. Russian.
27. Fokin SL, editor. *Friedrich Hölderlin i ideya Evropy* [Friedrich Hölderlin and the idea of Europe]. Saint Petersburg: Philosophical Society of Plato; 2017. 432 p. Russian.
28. Guardini R. *Hölderlin. Kartina mira i bogovdokhnovlennost'* [Hölderlin. Worldview and piety]. Pertsev AV, Purgin SP, translators. Saint Petersburg: Nauka; 2015. 490 p. Russian.
29. Zhuk AD. [The problem of the genre in F. Hölderlin's «Hymne an die Unsterblichkeit»]. In: Gugin AA, editor. *Problemy istorii literatury. Vypusk 18* [Problems of the history of literature. Issue 18]. Novopolotsk: Polotsk State University; 2004. p. 60–72. Russian.
30. Heidegger M. [Hölderlin and the essence of poetry. Interview in the magazine «Express»]. *Logos*. 1991;1:3–64. Russian.
31. Kelletat A, Herausgeber. *Hölderlin: Beiträge zu seinem Verständnis in unserem Jahrhundert*. Tübingen: J. C. B. Mohr; 1961. VII, 396 S.
32. Zweig S. [Hölderlin]. In: Zweig S. *Sobranie sochinenii. Tom 6* [Completed works. Volume 6]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1963. p. 95–206. Russian.
33. Rilke RM. *Die Gedichte. 5. Auflage*. Frankfurt am Main: Insel; 2014. 895 S.
34. Rilke RM. *Novye stikhotvoreniya. Novukh stikhotvoreniy vtoraya chast'* [New poems. New poems second part]. Bogatyryov KP, Ratgauz GI, Balashov NI, editors. Moscow: Nauka; 1977. 543 p. Russian.
35. Hölderlin F. *Werke und Briefe. Bände 1–2*. Beißner F, Schmidt J, Herausgeber. Frankfurt am Main: Insel; 1969. 1011, [240] S.
36. Scholem G. *Osnovnye techeniya v evreyskoy mistike* [Major trends in Jewish Mysticism]. Bartman N, Zabolotnaya NE, translators; Yaglom M, editor. Moscow: Mosty kul'tury; 2004. 510 p. Co-published by the «Gesharim» (Jerusalem). Russian.
37. Beißner F. *Hölderlin: Reden und Aufsätze*. Berlin: Rütten & Loening; 1961. 287 S.
38. Adorno T. Parataxis. On Hölderlin's Late Poetry. In: Adorno T. *Notes to Literature. Volume 2*. New York: Columbia University; 1992. p. 109–149.

Статья поступила в редколлегию 22.05.2020.
Received by editorial board 22.05.2020.

УДК 811.111'37(043.3)

ТОЖДЕСТВО И ОТДЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *TAIL* 'ХВОСТ')

В. В. ТУР¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Обосновываются причины неоднозначности границ лексического значения на базе корпусного анализа семантики многозначного слова *tail* 'хвост' в современном английском языке. На основании данных о частотности сочетающихся со словом *tail* лексических единиц сделано заключение о закреплённости в его семантике значений разных уровней схематизации. Отмечается, что значения могут быть связаны отношением включения: одни и те же смыслы в семантике слова могут выступать в качестве отдельных значений и при этом одновременно являться вариантами единого, более обобщённого значения. Раскрываются закономерности схематизации значений слова *tail*, в соответствии с которыми по мере обобщения категориальных признаков увеличивается релевантность некатегориальных: признака местоположения (расположение сзади), пространственного (протяжённость в пространстве), перцептивного (форма), партитивного (часть от целого) признаков, выбор которых определяет общее направление абстрагирования семантики слова. На основе полученных наблюдений сделан вывод о подвижности границ лексических значений, а также об относительности понятий «полисемия» и «моносемия», которые оказываются функцией от степени схематизации актуализируемых смыслов.

Ключевые слова: лексическое значение; тождество лексического значения; границы значения слова; схематизация значения; полисемия; моносемия.

Образец цитирования:

Тур ВВ. Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексемы *tail* 'хвост'). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020;2:52–63.

For citation:

Tur VV. The identity and separateness of lexical meaning: case study of the English word *tail*. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:52–63. Russian.

Автор:

Виталий Викторович Тур – кандидат филологических наук; докторант кафедры общего языкознания.

Author:

Vitali V. Tur, PhD (philology); doctoral student at the department of general linguistics.
vitaly.tur@gmail.com

ТОЕСНАСЦЬ І АСОБНАСЦЬ ЛЕКСІЧНАГА ЗНАЧЭННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ СЕМАНТЫКІ АНГЛІЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *TAIL* ‘ХВОСТ’)

В. В. ТУР^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Абгрунтоўваюцца прычыны неадназначнасці меж лексічнага значэння на базе корпуснага аналізу семантыкі шматзначнага слова *tail* ‘хвост’ у сучаснай англійскай мове. На падставе даных пра частотнасць лексічных адзінак, якія спалучаюцца са словам *tail*, робіцца выснова пра замацаванне ў яго семантыцы значэнняў розных узроўняў схематызацыі. Звяртаецца ўвага на тое, што значэнні могуць быць звязаны адносінамі ўключэння: адны і тыя ж сэнсы ў семантыцы слова могуць выступаць у якасці асобных значэнняў і пры гэтым з’яўляцца варыянтамі адзінага, больш абагульненага значэння. Раскрываюцца заканамернасці схематызацыі значэнняў слова *tail*, у адпаведнасці з якімі па меры абагульнення катэгарыяльных прыкмет павялічваецца рэлевантнасць некатэгарыяльных: прыкметы месцазнаходжання (размяшчэнне ззаду), прасторавай (працягласць у прастору), перцептыўнай (форма), партытыўнай (частка ад цэлага) прыкмет, выбар якіх вызначае агульны напрамак абстрагавання семантыкі слова. На аснове атрыманых назіранняў робіцца выснова пра рухомасць меж паміж лексічнымі значэннямі, а таксама пра адноснасць паняццяў «полісемія» і «монасемія», якія аказваюцца функцыяй ад ступені схематызацыі актуалізаваных сэнсаў.

Ключавыя словы: лексічнае значэнне; тоеснасць лексічнага значэння; межы значэння слова; схематызацыя значэння; полісемія; монасемія.

THE IDENTITY AND SEPARATENESS OF LEXICAL MEANING: CASE STUDY OF THE ENGLISH WORD *TAIL*

V. V. TUR^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

A semantic corpus-based study of the English word *tail* is carried out providing insight into the reasons of vagueness of word meaning boundaries. Based on the data revealing the most frequent words used with the word *tail*, it is concluded that word senses may be entrenched on different levels of their schematization. The article demonstrates that senses can be linked by relations of inclusion – certain units of meaning can function as separate word senses and at the same time be variants of a single, more general meaning. The regularities of the schematization of the word *tail* are exposed according to which, as far as category features get generalized, so does the relevance of non-category features increase: location (hindmost position), spatial (extension in space), perceptual (form), partial (part of the whole) features. A choice of the features predetermines general directions of the word meaning schematization. It is argued that word sense boundaries are flexible resulting in the relative nature of the notions of polysemy and monosemy, which appear to be the functions of meaning schematization.

Keywords: lexical meaning; identity of lexical meaning; word meaning boundaries; meaning schematization; polysemy; monosemy.

Введение

Обращаясь к ключевым проблемам лексической семантики, среди которых одно из центральных мест принадлежит проблеме определения лексического значения, следует признать, что наиболее парадоксальным аспектом в любом существующем в настоящее время способе представления многозначности в языке является отсутствие однозначных принципов разграничения понятий полисемии и моносемии. Насколько очевидно, что слова в языке могут обладать сразу несколькими лексическими значениями, настолько, напротив, неочевиден ответ на вопрос о том, «какое употребление следует считать значением, ингерентно присущим слову как части лексической системы языка, а какое – результатом действия прагматических факторов, обуславливающих иную интерпретацию одного и того же значения» [1, с. 18].

Значение, как справедливо утверждает Дж. Кац, должно быть абстракцией – представлять только инвариантные признаки. В противном случае ни одно слово не может быть использовано снова в том же самом значении [2, р. 60]. Проблема, однако, заключается в определении **степени** этой абстракции:

на сегодня не найдено убедительных критериев для определения того, является ли тот или иной уровень схематизации достаточно общим, чтобы охватить все варианты употребления слова, и одновременно достаточно частным, чтобы отделить одно значение от другого.

Если лексикографы вправе оставить решение данной проблемы пользователю словаря, то для лексической семантики необходимость объяснения подобной неоднозначности имеет решающее значение – в противном случае следует признать принципиальную неопределимость того, что представляют собой хранимые в ментальном лексиконе носителей языка смысловые единицы с точки зрения объема составляющих их знаний, степени детализации их содержания, а также принципов разграничения этих единиц и, следовательно, их количества. Отсутствие обоснованного ответа на вопрос о том, имеем ли мы дело с флуктуациями единого общего смысла или смысловые вариации представляют собой значения, отдельно хранящиеся в ментальном лексиконе говорящих (либо с чем-то еще), ставит под удар базовые понятия лексической семантики, размывая границы между моносемией и полисемией, а также оставляя крайне неопределенным само понятие лексического значения.

Проблема тождества и отдельности лексического значения не могла не привлечь самого пристального внимания ученых, начиная с ранних трудов по лексической семантике. Возможность двоякой интерпретации разделила лингвистов на сторонников и противников поиска единого значения во множестве его смысловых вариаций. В истории лингвистики дискуссия более известна как спор между сторонниками и противниками так называемых общих значений, отражающих предмет мысли в настолько обобщенном виде, чтобы охватить все возможные оттенки и варианты его реализации в речи. В русском языкознании идея общих значений восходит, по свидетельству С. Д. Кацнельсона, к трудам К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова [3, с. 45]; среди немецких языковедов мысли об общих значениях высказывал Х. Штейнталь. Например, Х. Штейнталь признает за немецким словом *Stein* ‘камень’ одно значение и отрицает самостоятельность производных (‘определенный вес’, ‘камни (болезнь)’) [4, с. 96]. Позже идея развивалась Р. О. Якобсоном, выступавшим против попыток «безграничного и бесплодного атомизирования языковых данных» [5, с. 133].

Весьма последовательно идея общих значений выдержана в трудах В. А. Звегинцева. Анализируя полисемантическую структуру слова *hand* ‘рука’, лингвист утверждал, что «его значение констатируется не только на основе того обстоятельства, что им обозначается одна из верхних конечностей человека... В характеристику значения входит и то, что словом *hand* обозначается также: владение, обладание, охрана, присмотр... степень искусства владения рукой... люди как рабочая сила... и т. д. Все это не разные значения слова или разные понятия, а многообразные характеристики одного общего значения» [6, с. 208].

С другой стороны, позиция сторонников общих значений активно оспаривалась в работах не менее авторитетных языковедов. Так, Г. Пауль полемизирует с Х. Штейнталем и утверждает, что «необходимо признать самостоятельность производных значений» там, «где они уже стали подлинно узуальными» [4, с. 96].

В более поздний период жесткой критике идея общих значений подвергалась со стороны С. Д. Кацнельсона, который видел в ней «стремление структуралистов использовать “общие значения” для защиты сосюррианского тезиса о “параллелизме” языка и мышления» [7, с. 10].

Развернувшаяся дискуссия позволила вскрыть слабые стороны обоих подходов. Главной сложностью для сторонников общих значений, без сомнения, являлась «проблема метода, позволяющего определить общее значение» [8, с. 73]. Очевидно, что в большинстве случаев постулируемое единое значение слова будет принимать «трудноопределимые, расплывчатые, фантастические черты» [3, с. 45].

По мнению А. А. Потебни, общее значение – это «только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкознание не нуждается в этих общих значениях» [9, с. 33]. Будучи последовательным в своих рассуждениях, ученый приходит и к отрицанию любой семантической связи между значениями слова, так как «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [9, с. 5]. К аналогичным выводам склоняется и Л. В. Щерба: «Неправильно думать, что слова имеют несколько значений... На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений... Это вытекает логически из признания единства формы и содержания» [10, с. 78]. Очевидно, что противники идеи общих значений в той или иной степени игнорировали ту смысловую общность, которая, бесспорно, обнаруживается между элементами семантической структуры многозначного слова, что детерминировало слабость их позиции.

Как видно, парадокс дискуссии между сторонниками и противниками общих значений заключается в том, что одновременно с правомерностью обоих подходов каждый из них в своем крайнем проявлении приводит к логически противоречивым выводам, либо растворяя лексические значения в чересчур общих, трудноопределимых и в конечном итоге бесполезных дескрипциях, либо дробя их на бесконечное количество частных реализаций, не поддающихся какому-либо адекватному описанию.

Несмотря на то что противоречие между общими и частными значениями уже в структуралистский период было успешно осмыслено в общефилософском плане как «диалектическое единство противоположностей, в борьбе которых проявляется движение и развитие языка» [11, с. 32], возможные пути исследования **языковой** природы данного противоречия были предложены именно в рамках лингво-когнитивных теорий, развиваемых на рубеже XX в.

Теоретические основы

Анализ современных работ по исследуемой проблеме свидетельствует о том, что семантика вступила в новый этап дискуссий относительно правомерности поиска общих значений в языке. Хотя сегодня вряд ли кто-нибудь станет оспаривать возможность наличия в слове нескольких значений, суть полемики тем не менее остается прежней: следует рассматривать тот или иной смысловой оттенок как новое значение или как вариант старого? Причиной продолжающегося спора, как представляется, служит не столько теоретическое непонимание природы значения слова, сколько чрезвычайная практическая сложность разграничения между многообразным **употреблением** слова и множественностью его **значений**. «Разница между эмпирической и теоретической точками зрения разительна», – пишет С. Д. Кацнельсон, рассуждая о проблеме полисемии [3, с. 43].

С одной стороны, новые открытия и методологические разработки в значительной мере способствовали развитию идеи общих значений. Во-первых, в рамках семантики прототипов были убедительно продемонстрированы возможности отклонения от прототипического ядра значения без разрушения тождества последнего, что предоставило прочную теоретическую базу для объяснения того, каким образом понятие инвариантного значения может быть совместимо с возможностью его бесчисленных вариаций в речи. Во-вторых, разработки в области когнитивной лингвистики помогли преодолеть одну из главных методологических проблем теории общих значений: значения высокого уровня абстракции, которые не могли быть репрезентированы с помощью традиционных словарных дефиниций, нашли свое выражение посредством схем, фреймов, сценариев и других моделей представления концептуального содержания.

С другой стороны, разработки последних лет в равной степени предоставили новые аргументы и для критики в адрес сторонников общих значений. Так, например, невозможность оперирования общими значениями там, где, напротив, требуется их максимально точная детализация (работа с большими объемами языковых данных в рамках корпусной лингвистики, автоматическая обработка языка в прикладных сферах и т. д.), дает основания некоторым исследователям возвращаться к отождествлению **значений** и **употреблений** и отрицать реальность не только общих значений, но даже значений как таковых (ср. статью из области компьютерной лингвистики А. Килгариффа с красноречивым названием «Я не верю в значения слов» (*I don't believe in word senses*) [12]).

Новые эмпирические данные, в несколько раз увеличившиеся как в количественном, так и в качественном отношении, диктуют необходимость вернуться к обсуждению тезиса о важности учета разнонаправленных тенденций в развитии семантики слова; однако если в середине прошлого века единство двух начал было сформулировано с помощью общефилософского закона единства и борьбы противоположностей, то сегодня насущным представляется раскрытие реальных принципов языковой организации, обуславливающих существование противоречивых интерпретаций.

Теоретической основой одного из возможных объяснений, которая представляется нам наиболее убедительной и поэтому будет подробно рассмотрена в данной статье, служит сетевая модель Лангакера (рис. 1), включающая понятия схемы *C* (*scheme*) и ее реализаций *A* и *B* (*elaborations*). Согласно данной модели значение *B*, находящееся на одном уровне абстракции со значением *A*, является результатом расширения последнего; при этом схема (значение *C*) является результатом абстрагирования от дифференциальных признаков значений *A* и *B* (подробный анализ на примере слова *tree* ‘дерево’ см. в [13]).

Наиболее интересным с точки зрения обсуждаемой проблемы является тот факт, что модель Лангакера не исключает **одновременного существования в структуре значений разных уровней абстракции**.

Обсуждая данную возможность в контексте теории Лангакера, Дж. Тейлор отмечает: «Мне представляется вполне вероятным, что носитель языка может одновременно хранить в памяти и набор конкретных употреблений слова, и более абстрактные репрезентации, общие для этих употреблений. В самом деле, нет никаких изначальных причин, по которым носитель языка не мог бы хранить в памяти значения разных уровней абстракции»¹ [14, p. 283].

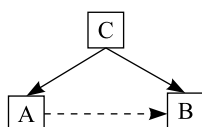

Рис. 1. Сетевая структура по Лангакеру

Fig. 1. Network structure according to Langacker

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Т.

Следствия, которые вытекают из наличия в семантике слова значений разных уровней абстракции, убедительно продемонстрированы в статье Д. Тагги: именно возможность значений актуализировать более частные, дифференциальные смысловые компоненты и абстрагироваться от них обуславливает «неуловимый» характер многозначности в языке [15].

Анализируя семантику слова *paint* ‘рисовать, красить’, Д. Тагги обращает внимание на то, что результаты тестов на полисемию разнятся в зависимости от контекста. Так, высказывание *I have been painting and so has Jane* ‘Джейн рисовала, и я тоже’ приемлемо в случае, если один из них рисовал акварелью, а другой – маслом (следовательно, рисование акварелью и рисование маслом относятся к одному значению). Если один рисовал разметку на проезжей части, а другой портрет, в приведенном высказывании ощущается эффект зевгмы (следовательно, *painting* как вид искусства и *painting* в утилитарных целях являются разными значениями). Однако Д. Тагги обращает внимание на то, что высказывание *When I’m painting I try to get the color on evenly, and so does Jane* ‘Когда я рисую/крашу, я стараюсь наносить цвет ровным слоем, и Джейн тоже’ допустимо в случае любых смысловых вариаций слова *paint*. Следовательно, в последнем случае и *painting* как вид искусства, и *painting* в любом другом возможном смысле относятся к единому общему абстрактному значению.

«Итак, является ли слово *paint* многозначным или широкозначным² (*vague*)? – задается вопросом Д. Тагги и в свете изложенных наблюдений отвечает на него следующим образом: – И то и другое или, возможно, ни то ни другое» [15, р. 276]. Полисемия перестает быть постоянной величиной и оказывается в сетевой структуре функцией от уровня, на котором осуществляется доступ к значению [14, р. 288].

Сказанное не означает, однако, что контекст является единственным фактором, определяющим границы лексического значения. Согласно модели Лангакера схема и ее реализации могут обладать разной степенью закрепленности (*entrenchment*) в ментальном лексиконе носителя языка, что показано на рис. 2 (разная степень закрепленности графически выражена разной толщиной линий).

В случае закрепленности схемы она воспринимается как общее значение, а незакрепленные в языке реализации схемы – как варианты употребления этого значения (см. рис. 2, д). Так, в семантике слова *paint* значение ‘рисовать’ является закрепленной в языке схемой по отношению к незакрепленным реализациям ‘рисовать акварелью’, ‘рисовать маслом’ и под., которые воспринимаются как варианты употребления единого общего значения.

Напротив, в случае закрепленности реализаций схемы и незакрепленности самой схемы значения А и В воспринимаются как отдельные значения с разной степенью смысловой близости вплоть до полной омонимии (см. рис. 2, а). Так, в семантике слова *paint* ‘живопись’ и ‘утилитарная покраска чего-либо’ предстают как отдельные смыслы, поскольку объединяющая их схема (‘наносить покрасочный материал на поверхность ровным слоем’) не закреплена в языке.

Градуальный характер описанных процессов предполагает наличие промежуточных случаев, когда схема и ее реализации одинаково закреплены в языке (см. рис. 2, с). Нетрудно видеть, что данные промежуточные варианты будут представлять собой неразрешимую проблему для обеих сторон в дискуссии о существовании общих значений, обуславливая возможность наличия в семантике слова как общих смыслов, так и их более частных реализаций.

Таким образом, в концепции, предложенной Д. Тагги, границы значений определяются двумя типами салиентности: выделенностью смысловых отрезков в контексте высказывания и их закрепленностью

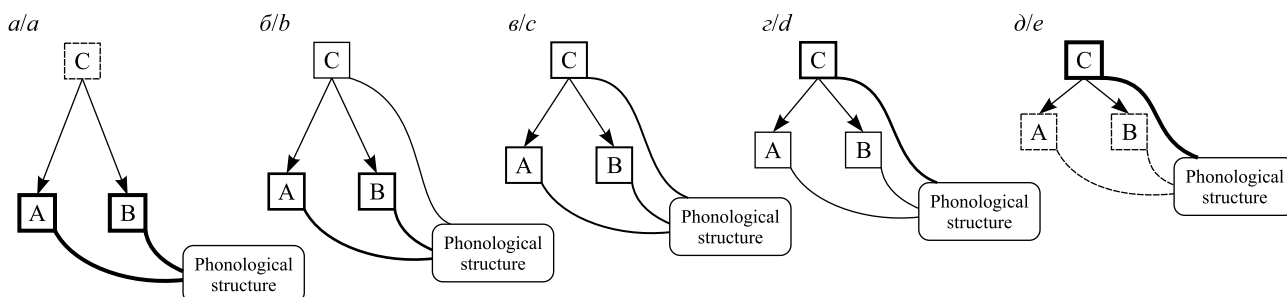

Рис. 2. Градуальное соотношение полисемии и моносемии.
Источник: [15]

Fig. 2. Polysemy – monosemy cline.
Source: [15]

²Отличие широкозначности от полисемии мы, вслед за В. К. Колобаевым, усматриваем в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий» [16, с. 11].

в языке. При этом именно последний тип открывает путь к решению старой проблемы относительно степени абстрактности устанавливаемых значений: их границы должны определяться не способностью исследователя находить максимально обобщающие уровни описания (как показывает опыт, при желании могут быть найдены контексты, объединяющие сколь угодно отдаленные по смыслу значения [17, р. 645]), а установлением тех уровней схематизации, которые реально закреплены в ментальном лексиконе языкового коллектива.

Цель описываемого в статье исследования состоит в эмпирическом доказательстве гипотезы о возможности закрепленности в семантике слова значений разных уровней смыслового обобщения на примере семантики английского слова *tail* 'хвост'. Данная цель обуславливает постановку следующих задач: 1) установление на основе корпусных данных о частотности закрепленных значений в семантике слова *tail*; 2) выявление значений слова *tail*, связанных отношением включения; 3) сравнительный анализ семантического содержания значений, связанных отношением включения.

Материалом исследования послужили лексикографические данные, а также 2800 словоупотреблений лексемы *tail* 'хвост', зафиксированных в Британском национальном корпусе английского языка. В качестве дополнительного источника количественных данных о частотности актуализации значений слова *tail* использовался корпус *iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus*.

Результаты и их обсуждение

Следуя концепции Лангакера, одним из факторов, обуславливающих закрепление единиц смысла в языке, является частотность: если определенная лингвистическая структура встречается достаточно часто, она достигает статуса закрепленной единицы [16]. Таким образом, анализ частотности вариантов употребления слова может стать одним из методов определения границ его значений.

Данная методика была применена нами в целях определения границ главного значения слова *tail* 'придаток на заднем конце тела'. Неоднозначность границ данного значения очевидна из особенностей его представления в словаре. Так, в словаре «Webster's third new international dictionary» главное значение слова *tail* 'хвост' приводится в следующей редакции: *1a: the part of the vertebrate body posterior to the portion containing the body cavity : (1) : a rather slender more or less elongated process that arises from the trunk of many mammals... (2) : the uropygium of a bird with its attached feathers ; sometimes : the feathers alone of this part (3) : the caudal fin... of a fish (4) : the portion of a body of a limbless reptile behind the vent...* '1a: часть тела позвоночного животного, находящаяся позади брюшной полости : (1) : довольно тонкий, более или менее продолговатый отросток на теле у многих млекопитающих... (2) : надхвостье у птиц с растущими на нем перьями ; иногда : сами перья в этой зоне (3) : хвостовой плавник... у рыб (4) : часть тела позади выходного отверстия у рептилий, не имеющих конечностей...' ³.

Как видно, рассматриваемый участок семантики слова подвергается в словарной статье членению на трех уровнях: выделяются значение 1, оттенок *a*, а также подразделения (1), (2), (3), (4) внутри одного оттенка. Следует отметить, что если принципы разграничения понятий «значение» и «оттенок значения» хотя бы оговорены в объяснительной части словаря, то нумерацию в скобках авторы оставляют без комментариев, полагаясь на интуицию читателя. Если оттенки значения, согласно лексикографической традиции, используются для передачи смысловых нюансов в рамках одного значения, то каким статусом обладают смысловые отрезки внутри одного оттенка значения?

Более подробное рассмотрение семантики слова *tail* позволяет понять, что вопрос о том, обладают ли выделенные смысловые отрезки автономностью или являются вариантами одного и того же значения, оказывается далеко не тривиальным. Действительно, с одной стороны, очевидна общность понятий о хвосте млекопитающего, птицы, рыбы, рептилий (*часть тела... находящаяся позади...*), что указывает на возможность их описания в рамках единого общего значения; с другой стороны, также очевидно и то, что при большей детализации (*zooming in* [17, р. 639]) хвосты названных категорий животных могут варьироваться как по внешним признакам, так и по функции вплоть до их противопоставления (*Technically, this is not a tail – these are just feathers attached to the uropygium* 'Строго говоря, это не хвост – это лишь перья на надхвостье').

Итак, если оба варианта интерпретации представляются одинаково вероятными, то где на самом деле проходят границы внутри рассматриваемого участка семантики слова *tail*? Результаты нашего исследования данного вопроса с помощью корпусного анализа свидетельствуют о том, что наиболее частотным (следовательно, базовым) уровнем схематизации хвоста животного является уровень, на котором разграничиваются хвосты зверей, птиц и рыб. Так, рассматривая первую десятку наиболее частотных вариантов сочетаемости, обнаруживаем, что в 3665 случаях лексема *tail* встречается со словом *animal* 'животное', в 3614 – со словом *fish* 'рыба', в 3542 – со словом *bird* 'птица', в 1788 – со словом

³Цит. по: Webster's third new international dictionary / P. B. Gove [et al.] ; ed. by P. B. Gove. 3rd ed. Springfield : G. & C. Merriam Company, 1966. P. 2328.

prey ‘хищный зверь’. Кроме того, среди 50 слов, наиболее часто встречающихся с лексемой *tail*, находятся другие единицы соответствующих тематических групп: *wing* ‘крыло’ (5232), *fly* ‘летать’ (3531), *feather* ‘перо’ (2424), *fin* ‘плавник’ (2574).

При этом закрепленным в языке также является и более абстрактный уровень схематизации, на котором данное разграничение перестает быть релевантным. В 4755 случаях лексема *tail* встречается со словом *species* ‘вид’, в 1911 – со словом *creature* ‘создание’, в 1853 – со словом *pet* ‘домашнее животное’. Факт закрепленности данного абстрактного уровня очевиден не только из данных частотности, но и из распространенности контекстов, в которых разница между хвостами зверей, птиц и рыб нивелируется, например: *Both mammals and birds have got a tail* ‘Млекопитающие и птицы имеют хвост’.

Закрепленность в языке «широких» значений не говорит, однако, о том, что в ментальном лексиконе носителя языка не может одновременно храниться информация и об отдельных экземплярах более абстрактных категорий. Так, среди 50 слов, наиболее часто встречающихся с лексемой *tail*, находим такие наименования, как *dog* ‘собака’ (3343) и *cat* ‘кот’ (2667). Высокой частотностью обладают сочетания лексемы *tail* и с другими одушевленными существительными: *lobster* ‘лобстер’ (2500), *dragon* ‘дракон’ (2200), *horse* ‘лошадь’ (1400), *pig* ‘свинья’ (1350), *rat* ‘крыса’ (1200), *whale* ‘кит’ (1100), *snake* ‘змея’ (1100), *mermaid* ‘русалка’ (1100) и др.

О наличии и возможности актуализации в семантике лексемы *tail* информации о денотате на уровне отдельных видов живых существ свидетельствуют также и особенности процессов деривации и фразеологизации слова. Так, образование лексемы *tailless* ‘куций (досл. бесхвостый)’ детерминировано актуализацией информации о функционировании хвостов некоторых животных и птиц в качестве украшения (ср. также: *be bright-eyed and bushy-tailed* ‘быть в форме, полным бодрости и жизненных сил’).

Кроме того, ряд фразеологизмов со словом *tail* в английском языке образован на основе знаний о взаимодействии человека с отдельными видами животных, поведение которых общеизвестно в языковом коллективе. Так, например, распространенное знание о том, что контакт с хвостом вызывает раздражение животного, послужило основой для возникновения таких единиц, как *get off (one's) tail* ‘не мешать, отстать от кого-либо’, *a sting in the tail* ‘неожиданное неприятное окончание чего-либо’. С другой стороны, знание об этой же особенности у опасных животных мотивирует и противоположное значение ‘осмелиться на рискованный поступок’: *tickle the dragon's tail* ‘досл. щекотать хвост дракона’, *twist the lion's tail* ‘ист. накрутить хвост британскому льву, бросить вызов Британской империи’. Вместе с этим контакт с хвостом дикого животного менее опасен, чем контакт лицом к лицу, что является мотивирующей основой для обозначения ловкого, но рискованного манипулирования кем-то более сильным: *catch a tiger/bear by the tail* ‘иметь дело с кем-то более сильным, что может стать угрожающим или опасным’.

Таким образом, можно утверждать, что лексема *tail* в значении ‘придаток на заднем конце тела’ существует в английском языке как минимум на трех уровнях абстракции (например, *creature* ‘создание’ – *animal* ‘животное’ – *dog* ‘собака’). Можно сказать, что значение устроено по принципу матрешки, сгущаясь до предельно общего понятия либо разворачиваясь во всех деталях более низких уровней абстракций.

Высокая частотность того или иного употребления в речи напрямую отражает закрепленность соответствующего значения в языке. Ситуация, однако, оказывается не столь очевидной при интерпретации менее частотных (или единичных) примеров реализации слова. Согласно принятой нами модели данные нечастотные речевые факты следует интерпретировать как реализацию более общей схемы и, соответственно, закрепленное в языке значение необходимо искать на более высоких уровнях смыслового обобщения.

Так, например, следует констатировать, что распространенность сочетания слова *tail* с такими наименованиями, как *wagon* ‘фургон’, *train* ‘поезд’, *bike* ‘велосипед’, *bus* ‘автобус’, *motorcycle* ‘мотоцикл’, *ship* ‘корабль’ (при этом ни одно из них не отмечено в корпусе как частотное), свидетельствует о закрепленности в языке обобщенного значения ‘задняя часть транспортного средства’. Показательно, что современные словари приводят в качестве прототипа значения современные автомобили: *the rear end of an automobile or other vehicle* ‘задняя часть автомобиля или другого транспортного средства’; однако, согласно данным поискового онлайн-сервиса *Google Books Ngram Viewer*, сочетание *tail of a cart* ‘задняя часть кареты’ было чрезвычайно частотным уже в начале XX в. Данное наблюдение позволяет предположить, что характерным признаком закрепленной в языке схемы является ее независимость от конкретных реализаций и, в частности, от конкретного прототипического ядра, способного меняться с течением времени.

Кроме того, анализ корпусных данных свидетельствует о том, что категория ‘задняя часть транспортного средства’ не является предельной границей схематизации рассматриваемого смысла: *tail* обозначает заднюю часть не только всех видов транспорта, но и других средств передвижения (*snowboard*

‘сноуборд’), а кроме того, имеет тенденцию к употреблению с иными наименованиями той же тематической группы (*snowshoes* ‘снегоуступы’, *saddle* ‘седло’, *helmet* ‘шлем’, *gearbox* ‘коробка передач’, *tail-back* ‘вездная полоса’). Судя по всему, лексема *tail* в значении ‘задняя часть транспортного средства’ находится в процессе дальнейшего обобщения до уровня категории, обозначающей все, что связано с искусственными средствами передвижения; при этом не вполне определимые границы описываемого смысла демонстрируют случай неокончательной закреплённости схемы в языке (ср. неоднозначность дефиниции в словаре: *the rear of a vehicle or of a traveling mechanism or implement* ‘задняя часть транспортного средства, механизма или инструмента передвижения’).

Среди других категорий сопоставимого уровня обобщения, именуемых словом *tail* и проявляющихся за счёт суммарной частотности вариантов их реализации, следует назвать:

- крайнюю часть органов или частей тела (*brow* ‘бровь’, *pancreas* ‘панкреас’, *hippocampus* ‘гиппокамп’, *eye* ‘глаз’ и др.: *I had seen his shadow moving with the tail of my eye* ‘Краем глаза я увидел, как мелькнула его тень’);
- нижнюю часть предметов верхней одежды (*jacket* ‘куртка’, *shirt* ‘рубашка’, *T-shirt* ‘футболка’, *skirt* ‘юбка’, *vest* ‘жилетка’ и др.);
- заднюю часть искусственных летательных объектов (*kite* ‘воздушный змей’, *balloon* ‘воздушный шарик’, *spaceship* ‘космический корабль’ и др.);
- нижнюю часть элементов букв алфавита (*tail of Q, q, R, j, y, f* и др.);
- верхнюю часть элементов природных явлений (*rainbow* ‘радуга’, *whitewater* ‘бурные воды’, *fire* ‘огонь’, *hurricane* ‘ураган’, *storm* ‘шторм’ и др.);
- окраину территорий (*tail of Judah* ‘крайняя точка Иудейского царства’, *tail of England* ‘крайняя точка Англии’ и др.).

В основе образования всех названных выше категорий лежит выбор определенного категориального признака. Как результат, границы схематизации смыслов предопределены выбранным категориальным признаком: абстрагирование значения заключается в «восхождении» на более высокие уровни таксономических иерархий (например, *хвост млекопитающего* > *хвост живого существа*).

Являются ли перечисленные категории предельным уровнем схематизации соответствующих значений, или они могут быть объединены в рамках единой, еще более абстрактной категории ‘задняя часть чего-либо’? Ответ на данный вопрос неоднозначен. С одной стороны, по-видимому, следует утверждать, что подобная абстрактная схема существует в языке. Так, в предложении *The tail of that pterodactyl was as long as the one of an airplane* ‘Хвост у этого птеродактиля был длинным, как у самолета’ стирается граница между хвостами животных и искусственных летательных объектов, но при этом не возникает эффекта зевгмы, что, согласно условиям тестов на полисемию, свидетельствует об отсутствии многозначности.

С другой стороны, высокая степень закреплённости в языке за словом *tail* значения ‘задняя часть чего-либо’ резко повысила бы и частотность употребления данного значения, поскольку позволила бы употреблять данную лексему по отношению к задней/крайней части неограниченного набора разнообразных объектов и явлений действительности. Данные корпуса, однако, убедительно свидетельствуют об избирательности наименований, сочетающихся с лексемой *tail* в рассматриваемом значении. Можно сделать вывод, что абстрактное значение ‘задняя часть чего-либо’ существует в семантике слова *tail*, однако при этом очевидно и то, что степень его закреплённости в языке уступает степени закреплённости более частных, перечисленных выше категорий.

Является ли значение ‘задняя часть чего-либо’ предельным уровнем схематизации рассматриваемого смысла? Для ответа на данный вопрос необходимо обратить внимание на то, что, помимо пространственного признака ‘нахождение сзади’, лексема *tail* во всех описанных выше случаях все еще сохраняет за собой изначальный партитивный признак ‘задняя часть чего-либо’. Таким образом, следующий уровень схематизации должен предполагать потерю одного из двух оставшихся признаков. О существовании такого уровня свидетельствуют лексикографические описания, в которых отдельно выделяется значение *something that trails or follows in time or place* ‘что-либо тянущееся или следующее позади во времени или пространстве’. К нему, по-видимому, можно отнести и такие метафоризированные смысловые оттенки, как ‘то, что характеризуется отставанием’ (*tail of underachieving schools* ‘отстающие школы’; *tail of underperforming students* ‘неуспевающие студенты’), ‘нечто, находящееся на периферии’ (*on the tail of public opinion* ‘на периферии общественного мнения’), ‘последствия чего-либо’ (*great love story, the tail of the great passion* ‘большая любовь, следствие большой страсти’; *tail of Donald Trump's spectacle* ‘последствия постройки небоскреба Дональда Трампа’; *tail of many of the other disadvantages* ‘последствия многих других проблем’).

Рассмотрим далее еще одну цепочку смысловых обобщений, чтобы пронаблюдать за иными направлениями схематизации значений лексемы *tail* по сравнению с описанными выше. Одно из наиболее часто

сочетающихся с ней слов – существительное *yarn* ‘нить’ (1244). Сходными по семантике являются также частотные сочетания *tail of the thread* ‘конец нитки’, *tail of the rope* ‘конец веревки’. Смысловое сходство данных сочетаний указывает на закреплённость в языке некоего более обобщённого значения, включающего их как частные варианты своей реализации. Помимо трех названных сочетаний, в корпусе были зафиксированы нечастотные употребления слова *tail* со следующими наименованиями: *belt* ‘ремень’, *guitar* ‘гитара’, *handle* ‘ручка’, *lamp post* ‘фонарный столб’, *knife* ‘нож’, *beard* ‘борода’, *crucifix* ‘распятие’ и др. Приведённые наблюдения подтверждают предположение о том, что прототипическое ядро *yarn – thread – rope* формирует вокруг себя ещё одну абстрактную категорию, в которую может включаться **крайняя продолговатая часть объекта**.

Как видно, содержание категориального признака в описываемом случае «опустошается», становясь настолько схематичным, что, по сути, представляет собой пустую валентность («любой объект»). На фоне снижения релевантности категориального признака на первый план выступает некатегориальный признак протяжённости в пространстве («продолговатый»). Попутно отметим, что о релевантности пространственного признака для семантики слова *tail* свидетельствует, например, и то, что прилагательное *long* ‘длинный’ является наиболее сочетающимся с *tail* словом, частотность которого (21 504) значительно превосходит другие примеры сочетаемости.

Метафорическим расширением категории продолговатых в пространстве объектов служит осмысление денотата *tail* в качестве **конечной фазы** протяжённого во времени **периода** или **события**: *tail of the relationship* ‘конечный этап отношений’, *tail of winter* ‘конец зимы’, *tail of the movie* ‘окончание фильма’, *tail of his career* ‘окончание карьеры’, *tail of Thanksgiving* ‘окончание праздника на День благодарения’, *tail of the century* ‘окончание века’.

Как и в случае, описанном выше, необходимо отметить, что наряду с признаком протяжённости в пространстве/времени семантика лексемы *tail* сохраняет за собой изначальный партитивный признак хвоста: ‘часть продолговатого объекта, конечная часть периода/события’. На следующем этапе абстрагирования значения слова *tail* «отрывается» от признака партитивности, обозначая ‘протяжённые последовательности чего-либо’ (*long tail keywords* ‘длинный список ключевых слов’, *long tail searches* ‘поисковый запрос, содержащий большое количество слов’, *tail of 14 people* ‘очередь из 14 человек’, *uninteresting tail of woe* ‘нудная череда невзгод’, *tail of comment voting* ‘количество голосов в комментариях’) и ‘протяжённые во времени события’ (*epic tail of history and the million forgotten days stretching behind* ‘эпичный след истории и миллионы забытых дней’).

Помимо протяжённости в пространстве и расположения сзади, ещё одним мотивирующим некатегориальным признаком для расширения семантики лексемы *tail* служит признак формы. Как видно из примера *tail of the bell curve* ‘нижняя часть колоколообразной кривой’, метафорическое осмысление денотата, обозначаемого словом *tail*, может с удивительной точностью передавать прототипический образ изогнутого, нисходящего хвоста некоторых животных. При этом *tail* в данном значении будет обозначать **нижнюю (чаще наклонную) часть чего-либо**: *tail of a pool* ‘наклонная часть дна водоема у берега’, *sloping tail of rock* ‘наклонное подножие скалы’, *tail of scree* ‘подножие крутого склона’, *a tail of sand* ‘подножие песчаного холма’.

Метафорическое расширение рассматриваемого значения в современном языке проявляется в том, что образ нисходящей формы хвоста служит основой для обозначения не только края наклонных объектов, но и для конечной фазы процессов, **интенсивность которых постепенно снижается с течением времени**: *tail of a stroke* ‘остаточная сила удара’, *tail of the sound* ‘остаточная интенсивность звука’, *tail of the effect* ‘остаточное действие эффекта’, *tail of echoes* ‘отголосок эха’.

Дальнейшая схематизация описываемого значения также связана с абстрагированием от партитивного признака и, судя по всему, берет свое начало от фразеологически связанного сочетания *long/fat tail* ‘длинный/толстый хвост’. Изначально данное сочетание обозначало большое количество ниш на рынке товаров, распределённых «в длинном хвосте», по отношению к небольшой концентрации хитов продаж «в голове». Появившись в качестве экономического термина, выражение *long tail*, судя по данным корпуса, стало чрезвычайно употребимым в общелитературном языке, причем обозначает теперь широкий набор/ассортимент менее распространенных предметов или явлений, а само слово *tail* при этом обозначает **малое количество** или **низкую степень проявления чего-либо**: *long tail of elephant behavior* ‘большое количество **менее известных** особенностей поведения слонов’, *long tail of the industry* ‘большое количество **более мелких** представителей индустрии’, *long tail of personal attributes* ‘большой набор **менее релевантных** личностных характеристик’, *the long tail of the music industry* ‘большое количество **менее популярной** музыки’, *long tail of information* ‘большой объем **альтернативной** информации’, *long tail of science* ‘большое количество **альтернативных** научных направлений’ и др.

Описанные смысловые взаимосвязи в слове *tail* могут быть изображены в виде схемы (рис. 3), которая, отметим, отражает далеко не полный объем семантического содержания слова и служит лишь для наглядного представления основных направлений и уровней схематизации его значений.

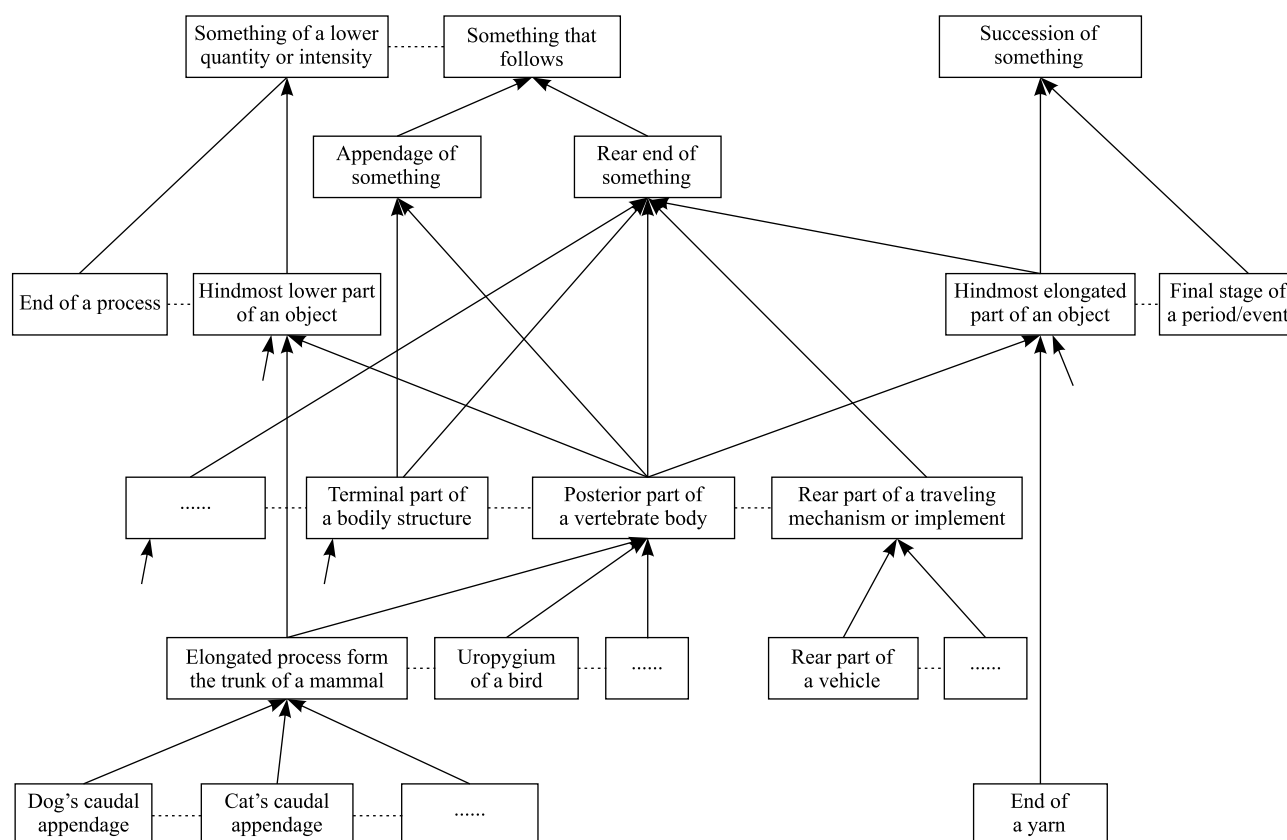

Рис. 3. Уровни схематизации значений в семантике английского слова *tail*
Fig. 3. Levels of meaning schematization in the semantics of the English word *tail*

Заключение

Дискуссия сторонников и противников общих значений в широком смысле восходит к гумбольдтовскому противопоставлению *ergon* и *energeia*, иными словами, к вопросу о том, является ли язык набором воспроизводимых единиц или представляет собой систему более общих правил, порождающих все многообразие их реализации в речи.

Представляется, что сама постановка подобного вопроса исходит сразу из двух неверных предпосылок. Во-первых, неверной представляется мысль о единственности того или иного способа усвоения языковой информации носителями языка: на самом деле, одна и та же смысловая единица может как усваиваться в виде готового блока, так и выводиться на основе уже имеющейся информации. Во-вторых, неразрешимой проблемой является само противопоставление «воспроизводимого» и «порождаемого»: то, что выступает правилом преобразования смыслов, может, в свою очередь, быть реализацией более общего правила. То, что представляется «правилом», – не что иное, как более схематичное значение по отношению к значениям, находящимся на низших уровнях абстракции.

Многоуровневая структура значений слова обуславливает неоднозначность его семантики: то, что «представляется разными значениями с одной стороны, оказывается примерами вариативности одного значения с другой» [18, р. 99]. В процессе схематизации лексического значения «происходит переосмысление лексического прототипа по линии обобщения его признаков и абстрагирования от отдельных из них. Возникает новая когнитивная модель, идеальный конструкт, который носит абстрактный инвариантный характер и может быть применим к более широкому кругу явлений» [19, с. 55]. Задача семантического описания многозначного слова, таким образом, состоит не в выборе единственного уровня абстракции, на котором могут быть описаны его значения, а в выявлении тех уровней, на которых эти значения закреплены в языке.

В статье была продемонстрирована методика выявления значений разных уровней смыслового обобщения на примере семантики английского слова *tail* ‘хвост’; выявлены и описаны уровни схематизации значений рассматриваемой лексической единицы. На уровне признаков схематизация заключается в обобщении категориальных признаков, в результате которого увеличивается релевантность некатегориальных: признака местоположения (расположение сзади), пространственного (протяженность в пространстве), перцептивного (форма), партитивного (часть от целого) признаков, выбор которых определяет общее направление абстрагирования семантики слова.

Библиографические ссылки

1. Лещева ЛМ. *Лексическая полисемия в когнитивном аспекте* [диссертация]. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 1996. 247 с.
2. Katz J. *Semantic theory*. New York: Harper and Row; 1972. 464 p.
3. Кацнельсон СД. *Содержание слова, значение и обозначение*. Москва: Едиториал УРСС; 2011. 112 с.
4. Пауль Г. *Принципы истории языка*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1960. 501 с.
5. Якобсон Р. *Избранные работы*. Москва: Прогресс; 1985. 460 с.
6. Звегинцев ВА. *Семасиология*. Москва: Издательство Московского университета; 1957. 320 с.
7. Кацнельсон СД. Вступительная статья. В: Пауль Г. *Принципы истории языка*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1960. с. 5–21.
8. Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1962. 456 с.
9. Потебня АА. *Из записок по русской грамматике. Том 2*. Москва: Учпедгиз; 1958. 540 с.
10. Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. 427 с.
11. Ахманова ОС. К вопросу о слове в языке и речи. В: *Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Выпуск 5*. Москва: Издательство МГУ; 1948. с. 27–32.
12. Kilgarriff A. Dictionary word sense distinctions: an enquiry into their nature. *Computers and the Humanities*. 1992;26:365–387. DOI: 10.1007/BF00136981.
13. Langacker RW. *Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites*. California: Stanford University Press; 1987. 540 p.
14. Taylor JR. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. New York: Clarendon Press; 1995. 312 p.
15. Tuggy D. Ambiguity, polysemy, and vagueness. *Cognitive Linguistics*. 1993;4(3):273–290. DOI: 10.1515/cogl.1993.4.3.273.
16. Колобаев ВК. Слова широкой семантики в языке и речи. В: *Проблемы комплексного анализа языка и речи*. Ленинград: ЛГУ; 1982. с. 54–60.
17. Taylor JR. Polysemy's paradoxes. *Language Sciences*. 2003;25:637–655. DOI: 10.1016/S0388-0001(03)00031-7.
18. Geeraerts D. *Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2006. 503 p.
19. Беляева ЕП. Проблема семантического тождества слова (когнитивный ракурс). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2009;4:62–66.

References

1. Leshcheva LM. *Leksicheskaya polisemiya v kognitivnom aspekte* [A cognitive account of lexical polysemy] [dissertation]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 1996. 247 p. Russian.
2. Katz J. *Semantic theory*. New York: Harper and Row; 1972. 464 p.
3. Kacnel'son SD. *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie* [Word content, meaning and reference]. Moscow: Editorial URSS; 2011. 112 p. Russian.
4. Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1960. 501 p. Russian.
5. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected writings]. Moscow: Progress; 1985. 460 p. Russian.
6. Zvegincev VA. *Semasiologiya* [Semasyology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1957. 320 p. Russian.
7. Kacnel'son SD. [Introductory article]. In: Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1960. p. 5–21. Russian.
8. Kurilovich E. *Oчерки по lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1962. 456 p. Russian.
9. Potebnja AA. *Iz zapisok po russkoi grammatike. Tom 2* [From notes on Russian grammar. Volume 2]. Moscow: Uchpedgiz; 1958. 540 p. Russian.
10. Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. 427 p. Russian.
11. Ahmanova OS. [On the issue of the word in language and speech]. In: *Doklady i soobshcheniya filologicheskogo fakul'teta MGU. Vypusk 5* [Theses of reports and messages at the philology faculty of Moscow State University. Issue 5]. Moscow: Moscow State University; 1948. p. 27–32. Russian.
12. Kilgarriff A. Dictionary word sense distinctions: an enquiry into their nature. *Computers and the Humanities*. 1992;26:365–387. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00136981>.

13. Langacker RW. *Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites*. California: Stanford University Press; 1987. 540 p.
14. Taylor JR. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. New York: Clarendon Press; 1995. 312 p.
15. Tuggy D. Ambiguity, polysemy, and vagueness. *Cognitive linguistics*. 1993;4(3):273–290. DOI: 10.1515/cogl.1993.4.3.273.
16. Kolobaev VK. [Wide-meaning words in language and speech]. In: *Problemy kompleksnogo analiza jazyka i rechi* [Problems of complex analysis of language and speech]. Leningrad: Leningrad State University; 1982. p. 54–60. Russian.
17. Taylor JR. Polysemy's paradoxes. *Language Sciences*. 2003;25:637–655. DOI: 10.1016/S0388-0001(03)00031-7.
18. Geeraerts D. *Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2006. 503 p.
19. Beliaeva EP. Identity-of-unit problem (cognitive aspect). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2009;4:62–66. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.02.2020.
Received by editorial board 14.02.2020.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ И СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ В ТЕКСТАХ БЕСЕД И ИНТЕРВЬЮ С И. БРОДСКИМ

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассматриваются некоторые аспекты проблемы специфики языковой личности И. Бродского – реализация принципа вежливости Дж. Лича, а также стратегия уклонения в текстах бесед и интервью с поэтом. Доказывается, что в устной речи И. Бродский корректно соблюдает максимы одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича. Обосновывается, что объектами одобрения могут выступать как собеседник, так и третьи лица. Дифференцированы моральные и эстетические оценки. Помимо собственно одобрения, в устной речи И. Бродского частотна интенция неосуждения. Отмечается, что косвенный способ выражения одобрения и осуждения поэт использует реже, чем прямой. Специфической чертой речевого поведения И. Бродского названо использование сложнооценочных интерпретационных субъективных высказываний и уклончивых ответов. В дискурсе И. Бродского выделяется особый вид уклонения – апелляция к своему художественному творчеству.

Ключевые слова: речевое поведение; принцип вежливости; максимы вежливости; уклончивый ответ; элитарная языковая личность.

Благодарность. Автор выражает благодарность за критические замечания и помощь в выполнении исследования профессору кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета доктору филологических наук Е. Г. Задворной.

РЭАЛІЗАЦЫЯ ПРЫНЦЫПУ ВЕТЛІВАСЦІ І СТРАТЭГІЇ Ў ТЭКСТАХ ГУТАРАК І ІНТЭРВ'Ю З І. БРОДСКІМ

Н. А. МИХАЛЬЧУК^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Разглядаюцца некаторыя аспекты праблемы спецыфікі моўнай асобы І. Бродскага – рэалізацыя прынцыпу ветлівасці Дж. Ліча, а таксама стратэгія ўхілення ў тэкстах гутарак і інтэрв'ю з паэтам. Даказваецца, што ў вусным маўленні І. Бродскі карэктна прытрымліваецца максім адабрэння і сціпласці ў межах прынцыпу ветлівасці Дж. Ліча. Абгрунтоўваецца, што аб'ектам адабрэння ў дыскурсе паэта могуць выступаць як суразмоўца, так і трэція асобы. Дыферэнцыраваны маральныя і эстэтычныя ацэнкі. Акрамя ўласна адабрэння, у вусным маўленні І. Бродскага частотнай з'яўляецца інтэнцыя неасуджэння. Адзначаецца, што ўскосны спосаб выражэння адабрэння і асуджэння паэт выкарыстоўвае радзей, чым прамы. Спецыфічнай рысай маўленчых паводзін І. Бродскага называецца выкарыстанне складанаацэначных інтэрпрэтацыйных суб'ектыўных выказванняў і ўхілістых адказаў. У дыскурсе І. Бродскага вылучаецца спецыяльны від ухіленняў – апеляцыя да сваёй мастацкай творчасці.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Реализация принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах бесед и интервью с И. Бродским. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020;2:64–73.

For citation:

Mikhalchuk NA. Implementation of the politeness principle and evasion strategy in the texts of conversations and interviews with I. Brodsky. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2020;2:64–73. Russian.

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филологических наук; доцент кафедры общего и славянского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Natalya A. Mikhalchuk, PhD (philology); associate professor at the department of general and Slavic linguistics, faculty of history and philology.
n-mikhalchuk@list.ru

Ключавыя словы: маўленчыя паводзіны; прынцып ветлівасці; максімы ветлівасці; ухілісты адказ; элітарная моўная асоба.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку за крытычныя заўвагі і дапамогу ў выкананні даследавання прафесару кафедры агульнага мовазнаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта доктару філалагічных навук А. Г. Задворнай.

IMPLEMENTATION OF THE POLITENESS PRINCIPLE AND EVASION STRATEGY IN THE TEXTS OF CONVERSATIONS AND INTERVIEWS WITH I. BRODSKY

N. A. MIKHALCHUK^a

^a*Mogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaitaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus*

Some aspects of the problem of language personality specificity of I. Brodsky are analyzed – the implementation of the principle of politeness of G. Leech and also analysis of the strategy of evasion in the texts of conversations and interviews with the poet. It is proved that in oral speech I. Brodsky correctly observes the maxims of approval and modesty in the framework of the principle of politeness of G. Leech. It is justified that the object of approval can be both the interlocutor and third parties, moral and aesthetic assessments are differentiated. In addition to the actual approval, in the oral speech of I. Brodsky the intention of non-condemnation is evident. It is noted that the poet uses the indirect way of expressing approval and condemnation less often than the direct one. The specific features of Brodsky's speech behavior are the use of complex interpretative subjective statements and evasive answers. In I. Brodsky's discourse a special kind of evasion is distinguished, this is an appeal to his artistic creativity.

Keywords: speech behavior; principle of politeness; maxims of politeness; evasive answer; elite language personality.

Acknowledgements. The author is grateful for critical comments and help in performing the study to the doctor of science (philology), professor at the department of general linguistics of Minsk State Linguistic University E. G. Zadvorniy.

Введение

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. включает несколько разных, но взаимосвязанных направлений, среди которых выделяется коммуникативная лингвистика: ее определяет интерес к человеку в ракурсе процесса коммуникации. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Речевое поведение, одно из фундаментальных лингвистических и психологических понятий, было объектом исследования в трудах Т. Г. Винокур [1], Н. И. Формановской [2], К. Ф. Седова [3] и др. Т. Г. Винокур рассматривает речевое поведение в качестве самостоятельного предмета лингвистики. По определению ученого, речевое поведение – это «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [1, с. 12].

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В. В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы» [4]. Под «языковой личностью» Ю. Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [5, с. 3].

Изучение речевого поведения наших современников и предшественников – ученых, деятелей культуры и искусства, политических деятелей, телеведущих, а также персонажей художественного текста в последнее время все чаще вызывает исследовательский интерес. В данном направлении примечательны работы Н. И. Белуновой [6], И. Н. Казаковой [7], Л. М. Салимовой [8], Г. Г. Хисамовой [9], А. Д. Степанова [10]. При этом речевое поведение персонажей художественного текста было исследовано более детально и основательно по сравнению с речевым поведением реальных исторических языковых личностей. Так, специфике языковых личностей персонажей А. Чехова, В. Шукшина, В. Набокова посвящены монографии и диссертационные исследования. В то же время анализ речевого

поведения Д. С. Лихачева и Ю. М. Лотмана на основании текстов интервью с данными деятелями науки дается лишь в отдельных статьях.

В лингвистике были предприняты и попытки дифференциации моделей речевого поведения. Так, понятие типа речевой культуры, введенное в научный оборот О. Б. Сиротининой, оказалось исключительно актуальным в условиях современной языковой и социокультурной ситуации. В статье «Устная речь и типы речевых культур» (1995) исследователь определяет пять типов речевой культуры, среди которых называет элитарный [11]. Принадлежность к данному типу речевой культуры лингвист напрямую соотносит с обладанием личностью определенным уровнем как общей, так и языковой культуры. У языковой личности, характеризующейся как элитарная, исключительно значимым является наличие не только речевых, но и определенных психологических навыков, среди которых О. Б. Сиротинина называет самоконтроль, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тягу к искусству, литературе в их лучших образцах и ко всем знаниям и др. [11].

И. А. Стернин, опираясь на классификацию О. Б. Сиротининой, предлагает несколько видоизмененную дифференциацию, разграничивая элитарный, литературный, среднелитературный, фамильярно-разговорный и просторечно-жаргонный типы [12].

Для каждого из выделенных типов речевой культуры разные исследователи предлагают собственную модификацию, акцентируя те или иные наиболее значимые свойства. Например, с точки зрения Т. А. Островской, элитарную языковую личность отличает высокий уровень адаптивности речевого поведения, коммуникативная гибкость. Среди важнейших параметров элитарного типа речевой культуры И. А. Стернин называет «некатегоричность в оценках»; «“неперенос” того, что типично для устной речи, в письменную речь, а того, что свойственно письменной речи, в устную»; «умение использовать сниженную лексику и фразеологию в экспрессивных, художественно-изобразительных целях» [12, с. 5].

Не до конца решенной является проблема отнесения классиков литературы, выдающихся деятелей культуры, науки и искусства к тому или иному типу речевой культуры. Велико искушение оценивать результаты творческой и научной деятельности этих языковых личностей, а не их реальную коммуникацию, отраженную в текстах бесед и интервью, в записях спонтанной речи. По нашему мнению, такой подход является ошибочным, что мы и показываем в своей статье.

Теоретические основы исследования

Исследование посвящено отдельным аспектам проблемы изучения языковой личности И. Бродского – рассмотрению реализации принципа вежливости Дж. Лича в устной речи поэта [13], а также выявлению специфики его речевого поведения в текстах бесед и интервью. Устная речь И. Бродского анализируется на материале изданий «Диалоги с Иосифом Бродским» С. Волкова [14] и «Большая книга интервью» [15]. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод, методы анализа и синтеза.

Принцип вежливости, сформулированный в 1983 г. в работе «Принципы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем, является классическим и фундаментальным, относится к сфере речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта. Принцип вежливости включает следующий набор максим: максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии.

В ходе исследования в текстах бесед и интервью с И. Бродским были проанализированы следующие группы речевых актов: речевые акты одобрения, похвалы, комплимента, неодобрения, самокритики, самоупрека, отказа.

В лингвистической прагматике выделяются три типа речевых актов, с помощью которых говорящий дает высокую оценку качествам, действиям адресата: одобрение, похвала, комплимент.

Вопрос о соотношении данных типов высказываний в научной литературе решается неоднозначно. Различия концепций связаны с такими основными причинами, как отсутствие дифференциации комплимента и похвалы в трудах ученых (зарубежные лингвисты), отождествление похвалы и одобрения (Е. С. Петелина, А. А. Романов), рассмотрение похвалы и одобрения как смежных, но не идентичных положительно-оценочных речевых актов (И. Г. Дьячкова, Н. А. Бигунова, З. К. Темиргазина, М. С. Бачурка). Н. И. Формановская максимально сближает и объединяет похвалу и одобрение, описывая их как «род речевых действий, направленных на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения» [16, с. 308].

Мы разделяем точку зрения Н. А. Бигуновой, которая в качестве объектов одобрения рассматривает неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу трактует как речевой акт, направленный на собе-

седника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [17].

Соотношение понятий «неодобрение», «осуждение» и «порицание» в научной литературе у разных авторов (Т. К. Соловьева, О. А. Евтушенко, Т. А. Графова, И. Г. Дьячкова, С. Ф. Анисимов) различно. Нам близка точка зрения Е. В. Тетерлевой, рассматривающей речевые акты неодобрения как выражение отрицательной оценки и выделяющей частные прагматические значения речевого акта неодобрения: упрек, замечание, осуждение, предупреждение, угрозу, критику, порицание.

Речевым актом самоупрека мы считаем речевой акт упрека, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, демонстрирующий неудовлетворение своими поступками или поведением. Речевым актом самокритики считаем речевой акт, выражающий общую отрицательную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Речевой акт отказа реализует интенцию, угрожающую лицу адресата; предпочтительной, более вежливой выступает косвенная форма его выражения (П. Браун и С. Левинсон [18], Н. И. Формановская [2], Т. В. Нестерова [19]). Одним из видов не прямых речевых актов отказа являются уклончивые ответы. Основным признаком уклончивых ответов лингвисты называют их семантическую неопределенность. Выделяются различные типы уклончивых ответов, например, в пособии В. И. Шляхова, Л. Н. Саакяна, Н. Н. Толстой [20], в статье Е. Г. Задворной [21].

В рамках данной статьи элитарной языковой личностью мы считаем личность, строго соблюдающую базовые принципы речевого общения: вежливости, кооперации, толерантности, категоричности, точности, определенности, объективности, достоверности, прямоты.

Результаты и их обсуждение

Отметим ряд специфических особенностей речевого поведения И. Бродского.

1. Корректное соблюдение максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости

Дж. Лича

Максима одобрения. Обращает на себя внимание значимость в дискурсе поэта максимы одобрения Дж. Лича, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

Собственно одобрение. Дискурс И. Бродского характеризуется преобладанием прямых речевых актов одобрения и похвалы над косвенными, последние встречаются в единичных случаях: *Если внимательно читать стихи Фроста, то, конечно, за них можно дать Пулитцеровскую премию* (косвенный речевой акт похвалы) [14, с. 131].

Обращение поэта к речевым актам одобрения и похвалы в целом реализует стратегию позитивной вежливости, т. е. имеет целью проявление внимания к собеседнику или выражение значимых в системе ценностей адресанта идей, высокой оценки качеств и поступков третьих лиц, как этической, так и эстетической. Похвала может быть направлена на собеседника: *Вы, Соломон, задаете замечательные вопросы...* [14, с. 45]. В большинстве же случаев объектами похвалы выступают третьи лица. В дискурсе И. Бродского дифференцируются этические и эстетические оценки. Так, М. Барышников оценивается поэтом как **совершенно** (здесь и далее выделено нами. – Н. М.) **потрясающий человек, человек потрясающего ума и интуиции. Он на меня производил и производит колоссальное впечатление. Причем вовсе не своими качествами танцовщика... А прежде всего – своим совершенно невероятным природным интеллектом** [14, с. 236].

Похвала, связанная с этической оценкой действий и качеств лиц, не участвующих в разговоре, адресована в речи И. Бродского не только выдающимся деятелям культуры, но и крестьянам, с которыми поэт вынужден был делить быт в ссылке в Норенском, а также друзьям из Ленинграда: *Вообще вся эта деревенская публика... была совершенно замечательная... Люди там, в деревне, колоссально добрые и умные* [14, с. 107]; *[Шахматов, знакомый офицер] был человеком весьма незаурядным: колоссальная способность к музыке, играл на гитаре, вообще талантливая фигура. Общаться с ним было интересно* [14, с. 80].

Объектом позитивных эстетических оценок в интервью поэта регулярно выступает творчество художников слова различных эпох: Г. Державина, П. Катенина, П. Вяземского, Н. Дмитриева, И. Крылова, В. Набокова, А. Солженицына, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Р. Фроста, У. Одена, Н. Заболоцкого, С. Довлатова, А. Кушнера, Е. Рейна, В. Гандельсмана. Ср.: *Русская басня – совершенно потрясающая вещь. <...> Крылов – гениальный поэт, обладающий звуком, который можно сравнить с державинским* [14, с. 62]; *Я его (Державина. – Н. М.) обожаю – я обожаю всех классицистов* [15, с. 570]; *[Цветаева – явление] совершенно уникальное* [15, с. 92]; *Самые потрясающие стихи о лагерях, о лагерном опыте принадлежат перу Заболоцкого* [14, с. 201].

Этические и эстетические оценки выражаются, как правило, очень интенсивно, с использованием эмоционально-оценочной лексики со значением высокой степени положительной оценки (*замечательный, незаурядный, колоссальный, потрясающий*), лексического повтора (*Он (Довлатов. – Н. М.) был замечательный писатель, замечательный стилист* [15, с. 577]), гиперболы (*Для меня Александр Исаевич – это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе* [15, с. 470]). В речевых актах похвалы и одобрения функционируют лексические интенсификаторы (*совершенно, колоссально, чрезвычайно*) и синтаксические – сегментация, восклицательные конструкции: *А Катенин! Ничего более пронзительного про любовный треугольник нет ни у кого; Или – Вяземский: на мой взгляд, крупнейшее явление в пушкинской «Плеяде»; Например, Дмитриев с его баснями. Какие стихи!* [14, с. 62]; *Цветаева. Она, по-моему, величайшая. Величайшим поэтом двадцатого века была женщина!* [15, с. 45].

Речевые акты похвалы и одобрения могут интегрироваться в дискурсе поэта с речевыми актами сожаления в том случае, когда речь идет о крупной фигуре в литературе и искусстве, не получившей должной оценки потомков и современников: *Вообще Заболоцкий – фигура недооцененная. Это гениальный поэт* [14, с. 199].

Коммуникативная цель – утверждение собственной оценки – может быть реализована путем интеграции речевых актов похвалы и несогласия: *«Ахматова никогда не казалась мне высокой». – «О, она была грандиозная! Когда я с ней гулял, то всегда тянулся»* [14, с. 173]; *«Сама Ахматова всегда говорила, что первый поэт XX века Мандельштам. Вы с этим согласны?» – «Ну если уж вообще пускаться в такие разговоры, то нет, не согласен. Я считаю, что Цветаева – первый поэт XX века. Конечно, Цветаева»* [14, с. 75].

В дискурсе И. Бродского похвала сочетается с порицанием или критикой, что демонстрирует смягчение реализации интенции, стремление адресанта к правдивому, объективному отражению порядка вещей: *Сам Ардов, при всех его многочисленных недостатках, был человек чрезвычайно остроумный* [15, с. 317].

Неосуждение (толерантные высказывания). Помимо собственно одобрения, в дискурсе поэта представлена интенция неосуждения. Данная интенция реализуется толерантными высказываниями, направленными на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает.

Ср. высказывания о родителях: *Ну, отец наказывал меня! <...> Я помню, как он растянул свой матросский ремень и выпорол меня, когда я натворил что-то ужасное... Ну и что же! Я ведь не был против!; Родители столько ругали меня, что я получил настоящую закалку против такого рода воздействий. Все неприятности, которые причинило мне государство, не шли с этим ни в какое сравнение* [15, с. 180]; о поведении персонала психиатрической больницы: *Обычно серу колют буйным, когда они начинают метаться и скандалить. Но, кроме того, санитарки и медбратья таким образом просто развлекаются. Ну, каждый развлекается как может. А там, в психушке, служить скучно, в конце концов* [14, с. 91]; о содержании заключенных в тюрьме: *Тюрьму можно перетерпеть. Ничего особенного с вами там не происходит. <...> В тюрьме, по крайней мере, вы знаете, что вас ожидает. У вас срок – от звонка до звонка...* [14, с. 92].

Приведем также некоторые толерантные высказывания о художественном творчестве: *Северянин – это меня всегда скорее отталкивало, чем привлекало. Но он тоже на своем месте, если говорить о двадцатом веке* [15, с. 349]; *Евтушенко, при всей его монструозности – личной, политической и т. д., – мне все-таки симпатичнее (чем Вознесенский. – Н. М.), потому что его язык – это все-таки русский язык* [15, с. 234].

Подобные высказывания характеризуют поэта как личность, которой свойственна высокая степень терпимости к иному образу жизни, мировоззрению, поступкам и обычаям, а в творчестве – к иным, чем у него самого, типу поэтики, художественному методу. А. К. Жолковский справедливо утверждает: «Бродского интересуют “альтернативные варианты” поведения, мироощущения, жизни, бытия» [22, с. 272].

Неодобрение. Есть в личностном и творческом пространстве поэта и зона неприемлемого, она также включает эстетический и этический уровни оценивания.

Неодобрение может быть направлено на третьих лиц и связано с этической оценкой их действий и поступков: *Конечно, Пушкины – одно из самых гнусных явлений, которое мне довелось наблюдать в своей жизни* [15, с. 343]. Частотность прямого осуждения свидетельствует о максимализме оценок И. Бродского, его бескомпромиссности при затрагивании неприемлемого в морально-этической сфере.

Косвенный способ выражения осуждения, при всей его высокой употребительности в русскоязычном речевом общении и вопреки гиперстратегии скрытых «ликоугрожающих актов», предложенной в рамках прагматического лингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [18], в дискурсе поэта

используется значительно реже, чем прямой: *Вдруг звонит мне из Москвы заведующий отделом поэзии «Юность» – как же его звали? Это неважно, потому что все равно пришлось бы сказать о нем, что подонок. Так зачем же человека по фамилии называть?* [14, с. 146]. Косвенная реализация интенции неодобрения в данном примере незначительно смягчает категоричность высказывания и не переводит речевой акт в русло кооперативного, этикетного общения.

В дискурсе И. Бродского фигурируют сложнооценочные интерпретационные субъективные высказывания, направленные на личность или творчество крупных деятелей искусства и культуры, которым поэтом даются резко отрицательные оценки (об интерпретационных значениях см. [23]). По мнению Ю. Д. Апресяна, «вследствие своей внутренней близости оценки и интерпретации могут легко совмещаться друг с другом в пределах одного глагола» [23, с. 151]. Это мы и наблюдаем в приведенных ниже примерах.

К подобным высказываниям можно отнести следующие речевые акты порицания и критики: *Блока я терпеть не могу* [15, с. 298]; *Блока, к примеру, я не люблю теперь пассивно, а раньше – активно. За дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих своих проявлениях чрезвычайно пошлый* [14, с. 303]; *Некрасов – нет. Никогда... Никаких духовных перспектив у Некрасова не существует. Ни в стихе, ни в эстетике, ни в содержании* [15, с. 350]; *На мой взгляд, это дурной человек* (Евтушенко. – Н. М.), *негодяй, – это мое личное ощущение, основанное на личном опыте, – но, кроме того, это чрезвычайно вредная фигура на литературном и политическом горизонте* [15, с. 357]; *Я отношусь к этому писателю (Саше Соколову. – Н. М.) чрезвычайно посредственно... Это такая в высшей степени провинциальная отечественная идея современной прозы, и, разумеется, есть люди, на которых это производит впечатление* [15, с. 590].

Однозначно трактовать подобные негативно-оценочные высказывания весьма сложно. С одной стороны, излишне категоричная речь, как правило, приводит к различным коммуникативным сбоям и неудачам вплоть до полного прекращения речевого контакта. Категоричность в выражении суждений предполагает пренебрежение мнением собеседника, неуважение к его позиции. О. Б. Сиротинина подчеркивает, что в характеристике носителя элитарного типа речевой культуры важное место занимает его отношение «к истинно образцовым текстам, играющим основополагающую роль в данной национальной культуре, составляющим золотой фонд художественной литературы, науки и публицистики» [24, с. 196].

С другой стороны, речевые жанры интервью и беседы предполагают и допускают возможность субъективных оценок. Ряд лингвистов дифференцируют категоричность непродуктивную, неэтикетную, нарушающую принцип кооперации, и продуктивную, способствующую эффективному воздействию на адресата (О. А. Акульшина, М. А. Кормилицына, Е. Ю. Викторова).

На наш взгляд, безапелляционность ряда оценок и мнений препятствует восприятию И. Бродского как элитарной языковой личности. Негативно-оценочные высказывания, направленные на классиков литературы, наиболее любимых в отечественном культурном контексте, требуют обязательных маркеров смягчения, не прямой формы выражения. В то же время аргументы против подтверждают вывод О. Б. Сиротининой о том, что элитарный тип речевой культуры всего лишь задает направление духовного и творческого роста, являясь высоким идеалом, который в полном объеме ни одна личность воплотить не может [24].

Максима скромности. В текстах интервью И. Бродский неизменно и последовательно придерживается максимы скромности Дж. Лича [13], которая предполагает неприятие похвал в свой адрес, минимальное использование похвал и максимальное – порицаний говорящего по отношению к самому себе, а также реалистическую самооценку коммуниканта, являющуюся одним из условий успешности речевого общения.

Средством выражения максимы скромности выступают речевые акты самокритики и самоупрека, которые содержат высокую степень угрозы коммуникативному лицу говорящего, а также косвенные речевые акты неодобрения, в которых поэт отвергает похвалу в свой адрес: *«Как ты чувствуешь себя после получения Нобелевской премии?» – «Ничего специфического, качественно нового я не чувствую. Более того, я не чувствую себя нобелевским лауреатом. Чувствую себя просто исчадием ада, как всегда, как всю жизнь...»* [15, с. 336] (прямой речевой акт самокритики); *«Почему ты себя считаешь исчадием ада?» – «Ну, просто достаточно, во-первых, взглянуть в зеркало... Достаточно припомнить, что я натворил в этой жизни с разными людьми...»* [15, с. 337] (прямой речевой акт самоупрека); Волков: *«Насколько я знаю, в вашем деле побег как таковой не фигурировал, а только подготовка к нему. Что же вас остановило?» Бродский: «Дело в том, что изначально это была все-таки моя идея. И я, конечно, подонок и негодяй. Потому что, когда мы уже купили билеты на этот самолет... я вдруг передумал»* [14, с. 82] (прямой речевой акт самоупрека); *То есть ты про себя знаешь, что ты исчадие ада, что ты до известной степени дрянь. <...> Это то, что ты есть, а не то, что происходит с тобой вовне* [15, с. 623] (косвенный речевой акт самокритики); *«И мне хотелось бы спросить*

вас, великого поэта...» – «*А можно без эпитетов?*» – «Да, конечно...» – «Просто – о чем вы хотели спросить...» [15, с. 453] (косвенный речевой акт неодобрения).

Данная группа речевых актов не характеризуется высокой употребительностью в речевом общении, так как наносит угрозу лицу говорящего. Тем не менее в дискурсе И. Бродского данный тип речевых актов является частотным.

Коммуникативная установка поэта на самокритику, безусловно значимая в его речевом поведении, находится в непосредственной связи с его философскими взглядами и мировоззренческими принципами, аттестацией себя самого как «кальвиниста»: *Кальвинизм – это весьма жесткие счёты человека с самим собой, со своей совестью, с сознанием. <...> Кальвинист – это, коротко говоря, человек, постоянно творящий над собой некий вариант Страшного суда* [14, с. 48].

Оценки, выраженные в речевых актах самоупрека и самокритики, в дискурсе И. Бродского относятся преимущественно к морально-этической сфере. Безапелляционно отрицательные оценки собственного творчества в текстах интервью И. Бродского отсутствуют. Рассматриваемые речевые акты самокритики и самоупрека экспрессивны, эмоциональны и категоричны. Для их лингвистической реализации характерно использование эмоционально-оценочной лексики (*исчадие ада, натворил*), лексических единиц сниженного регистра (*негодяй*), инвектив (*подонки, дрянь*).

Показательно, что ни в одной из речевых ситуаций говорящим не приводится оправдание своих поступков или действий, т. е. стремление к снижению ответственности за содеянное и минимизации ущерба, наносимого себе как участнику коммуникации, в дискурсе поэта отсутствует.

2. Уклончивые ответы в устной речи И. Бродского

В речи поэта нечасто встречаются речевые акты, задевающие и обижающие собеседников. Одной из знаменитых оплошностей И. Бродского является ответ на вопрос, заданный литовским поэтом и его другом Т. Венцловой: «*А какое впечатление на тебя вообще произвели шведские академики?*» – «*Все восемнадцать произвели на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. Это люди – любопытные, с воображением и с большой интуицией. Безусловно, умные, безусловно, чрезвычайно образованные. Им присущ некоторый, конечно, элемент провинциализма... присущий всякой балтийской или прибалтийской державе...*» – «Спасибо». – «*На здоровье. Но положительное впечатление создалось наверняка. И потом: что есть Россия, как не прибалтийская держава – и как не большая провинция...*» [15, с. 346].

Поскольку интервьюер – литовец, комментарий И. Бродского о провинциализме балтийских держав оскорбил собеседника, так как содержал неуважение к его национальным чувствам. Однако И. Бродскому виртуозно удалось избежать конфликта и вернуть общение в русло этикетного, используя тактику переадресации упрека самому себе.

Несравнимо чаще нарушение принципов коммуникативного кодекса наблюдается со стороны собеседников поэта. Так, самой частотной в плане игнорирования интервьюерами является максима такта, сформулированная в рамках принципа вежливости Дж. Личем. Она предполагает соблюдение границ личной сферы любого человека и дифференциацию в составе речевого акта области общего и частного. И поэт – прямо или косвенно, но всегда деликатно – указывает интервьюеру, что он нарушает нормы этикета и затрагивает то, что входит в личное пространство.

В «Большой книге интервью» (как и в целом для мировоззрения поэта) значимой является тема *privacy*, которая находится под угрозой, нарушается партнерами по коммуникации, в результате чего ее следует охранять. (Закономерно, что любимым произведением В. Набокова И. Бродский называл роман-антиутопию «Приглашение на казнь», в котором, по мысли А. К. Жолковского, одной из магистральных является та же тема [22].)

Неоднократно в ответах поэта звучат следующие (и схожие) формулировки: «*Мне кажется, что вопрос, который Вам часто задают о поездке в Советский Союз, Вам немного неприятен?*» – «В общем, да, **потому что это мое личное дело** – куда мне ехать, а куда – нет» [15, с. 470]; «*Каковы ваши религиозные убеждения?*» – «*Религиозные убеждения каждого человека – это его сугубо личное дело*». – «*Именно поэтому я об этом и спросила*». – «*Именно поэтому я ничего рассказывать не стану*» [15, с. 368].

Подобные высказывания являются негативно-оценочными характеристиками чужой речи – косвенными упреками в адрес партнеров по коммуникации, нарушающих этические и этикетные нормы общения.

Категоричность рассмотренного выше типа речевых актов в ряде случаев смягчается подробной аргументацией, объяснением причин отказа говорить на данную тему: *Говоря о подобных вещах (о вере. – Н. М.) публично, слишком часто кончают попыткой обратить в свою собственную веру; искусы тут слишком велики... Людей следует оставить разбираться со всем самим. К вере приходят, а не получают готовой. Жизнь зарождает ее в людях и растит, и этих усилий жизни ничем не заменишь. Это действительно работа, и пусть ее делает время – потому что время справляется с ней много лучше* [15, с. 454].

На вопросы, затрагивающие то, что входит в личную зону адресата, И. Бродский отвечает путем непрямого отказа или уклонения, что помогает сохранить зону согласия и благорасположения.

Тематически вопросы можно дифференцировать следующим образом:

- 1) о вере или религии (то, что с точки зрения этикета обсуждать не принято);
- 2) о событиях частной жизни поэта в том случае, когда от адресата требуется потенциально травмирующая информация (судебный процесс, высылка из страны, возможность возвращения в Россию);
- 3) о личностях, имеющих большое значение для мировоззрения и творчества И. Бродского, которым он уже посвятил свои произведения, вследствие чего исчерпывающе ответил на задаваемый вопрос в художественной форме (Ахматова, Цветаева, Оден, Фрост).

В дискурсе И. Бродского следует говорить о специфическом виде уклонения, свойственном именно художнику слова: апелляции к своему творчеству, констатации того, что лучше, чем он ответил на вопрос в художественном тексте, в устной спонтанной речи ответить не сможет: *«А какое значение имела для вас дружба с Анной Ахматовой?» – «Вы знаете, мне трудно об этом говорить, прежде всего потому, что это была только часть моей жизни. <...> Мне трудно об этом говорить, поскольку я об этом написал».* – *«Должен признаться, что сейчас вообще очень трудно брать у вас интервью, поскольку почти обо всем вас уже спрашивали».* – *«Дело не в том, что меня обо всем спрашивали, а в том, что я уже об этом писал. И не думаю, что в разговоре могу быть более точным, чем на бумаге»* [15, с. 122]; *Человеку трудно рассказывать о самом себе. К тому же терпеть не могу повторять одно и то же. Думаю, что все самое главное, о чем я мог сказать, так или иначе отражено в моих произведениях* [15, с. 318]; *Действительно, все, что я могу сказать об этом, думаю, я уже сказал на бумаге. Я не говорящий, а пишущий писатель...* [15, с. 479].

Уклончивость как защитную реакцию поэта наблюдаем в ряде фрагментов диалогов: *«Если у вас будут возражения против следующего вопроса, пожалуйста, скажите».* – *«Давайте».* – *«Я хочу спросить про судебный процесс».* – *«То было много лун тому назад. В этом нет ничего интересного».* – *«Каково ваше отношение к религии?»* – *«Это один из вопросов, которые не принято задавать, как и отвечать на них»* [15, с. 268].

В следующем фрагменте уклончивость используется как следствие нежелания обсуждать политическую тему: *«Можем ли мы поговорить минутку о современной политике?»* – *«Давайте».* – *«Думаете ли Вы, что Горбачев осуществит серьезные перемены?»* – *«Когда Горбачев стал генеральным секретарем, Дерек Уолкотт спросил меня, что я о нем думаю. Откровенно говоря, сказал я, ничего, и надеюсь, что это взаимно. С тех пор мое мнение не изменилось»* [15, с. 270].

Уклончивость может быть следствием вопроса, на который невозможно дать определенный или достоверный ответ: *«Что вы думаете о будущем России?»* – *«Ну, будущее – это будущее, и в будущем масса вариантов. По крайней мере, оно будет лучше, чем прошлое. Это несомненно»* [15, с. 464].

Уклончивость помогает уйти от ответа на вопрос, не учитывающий особенностей личности адресата. Примером подобного коммуникативного диссонанса являются фрагменты интервью, в которых И. Бродского просят интерпретировать с литературоведческой точки зрения собственные поэтические тексты, подтвердить или опровергнуть наличие в них определенных мотивов, тем или результатов влияний других авторов: *«Тем не менее, как мне кажется, тема христианства не обозначена довольно отчетливо, выпукло, что ли, в вашей поэзии. Или я ошибаюсь?»* – *«Думаю, что вы ошибаетесь».* – *«Не могли бы вы сказать об этом подробнее?»* – *«Я не буду пересказывать содержание своих стихотворений, их форму, их язык. Не мне об этом судить, не мне об этом рассуждать. Думаю, оно как-то проявляется в системе ценностей, которые в той или иной степени присутствуют в моих произведениях, которые мои произведения отражают...»* [15, с. 480].

Отказ от прямого ответа, не прямой речевой акт могут быть реализованы в форме отсылки к литературному источнику: *«Один из ваших сборников вы назвали “Урания” – именем музы, покровительницы астрономии. Что она для вас значит?»* – *«Она значит для меня довольно много, но если вы хотите узнать точно, то посмотрите... кажется, это двадцать третья песнь в “Чистилище” Данте. Там на сей счет все сказано»* [15, с. 472].

Основными техниками уклонения, используемыми поэтом, являются неопределенный ответ (*Ну, будущее – это будущее, и в будущем масса вариантов*), критика вопроса (*Это один из вопросов, которые не принято задавать, как и отвечать на них*), утверждение, что ответ был дан ранее, в текстах произведений (*Мне трудно об этом говорить, поскольку я об этом написал*), цитирование (*Мрожек изрек когда-то чрезвычайно верную истину: «Я писатель пишущий, а не писатель говорящий», – и я готов повторить эту истину как свою собственную*), шутка. Шутливая уклончивость может быть реакцией на несодержательный и некорректный вопрос: *«Нравятся ли Вам красивые женщины, если да, что в них нравится?»* – *«Да, нравятся, но, чур, я не Маркс, чтобы формулировать»* [15, с. 661].

На основании анализа этого и других аспектов устной речи И. Бродского можно сделать вывод о том, что поэт приближается к носителям элитарного типа речевой культуры, но представителем его, по нашему мнению, не является. В пользу этого свидетельствует несоблюдение поэтом ряда базовых принципов речевого общения, например, нарушение принципа некатегоричности. Результаты нашего исследования показывают строгое соблюдение поэтом максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича.

Максима такта также в целом не нарушается И. Бродским, зато нередко игнорируется интервьюерами. В устной речи И. Бродского наблюдаются случаи нарушения принципа кооперации. Так, интенция неодобрения по отношению к третьим лицам в большинстве случаев выражается в прямой, а не в косвенной форме.

Прямые речевые акты одобрения и похвалы в спонтанной диалогической речи поэта характеризуются наибольшей частотностью по сравнению с косвенными. В дискурсе поэта похвалу и одобрение можно дифференцировать по следующим основаниям: по цели использования – «позитивная» и «негативная» вежливость, а также выражение субъективных оценок, основополагающих в системе ценностей И. Бродского идей; по объекту похвалы – собеседник или третье лицо; по характеру оценки – этическая или эстетическая. Наиболее часто стратегия похвалы реализуется по отношению к третьему лицу в целях выражения наиболее значимого в системе ценностей поэта.

Наряду с собственно одобрением выделяется интенция неосуждения, представленная толерантными высказываниями, что свидетельствует об интересе И. Бродского к «альтернативным вариантам» поведения и мироощущения (А. К. Жолковский).

Интенция осуждения реализуется поэтом в том случае, когда речь идет о неприемлемом для него в этической или эстетической сфере, и способ ее реализации, как правило, прямой.

Сложнооценочные интерпретационные субъективные высказывания поэта типа *Блока я терпеть не могу* можно интерпретировать различными способами: как неуважение к собеседнику или искренность и доверие к нему. По нашему мнению, адресанту подобных негативно-оценочных высказываний, направленных на классиков литературы, наиболее любимых в отечественном культурном контексте, следует их смягчать и формулировать в косвенной форме.

Частотность самокритики и самоупреков в разговорном дискурсе поэта связана с его мировоззренческими принципами и относится к морально-этической сфере.

Непрямые реализации интенции отказа в речи И. Бродского помогают сохранить атмосферу благожелательности в общении. Особый вид уклонения, выделяемый в его разговорном дискурсе, – ссылка на то, что на вопрос он уже ответил в текстах своих произведений.

В дискурсе И. Бродского встречаются следующие типы уклончивых ответов: уклончивость как защитная реакция, нежелание обсуждать тему, реакция на несодержательный вопрос, реакция на вопрос, не учитывающий особенностей личности творческого человека. Среди частотных техник уклонения выделяются неопределенный ответ; критика вопроса; утверждение, что ответ был дан ранее, в текстах произведений; цитирование; шутка.

Библиографические ссылки

1. Винокур ТГ. *Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения*. Москва: Ленанд; 2017. 176 с.
2. Формановская НИ. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва: Институт русского языка имени А. С. Пушкина; 1998. 291 с.
3. Седов КФ. *Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека*. Москва: Лабиринт; 2008. 318 с.
4. Виноградов ВВ. *О языке художественной прозы*. Москва: Наука; 1980. 362 с.
5. Караулов ЮН. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Либроком; 2014. 264 с.
6. Белунова НИ. *Элитарная речевая культура и ее основные особенности. На материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2009. 104 с.
7. Казакова ИН. Элитарная языковая личность в портретном интервью: аспекты коммуникативного поведения. *Современные проблемы науки и образования*. 2014;2:36–39.
8. Салимова ЛМ. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности. *Российский гуманитарный журнал*. 2013;4:402–408.
9. Хисамова ГГ. *Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина)*. Москва: МПГУ; 2007. 352 с.
10. Степанов АД. *Проблемы коммуникации у Чехова*. Москва: Языки славянской культуры; 2005. 396 с.
11. Сиротинина ОБ. Устная речь и типы речевых культур. *Русистика сегодня*. 1995;4:3–21.
12. Стернин ИА. *Типы речевых культур*. Воронеж: Истоки; 2013. 23 с.
13. Leech GN. *Principles of pragmatics*. London: Longman; 1983. 250 p.

14. Волков С. *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Эксмо; 2002. 446 с.
15. Бродский И. *Большая книга интервью*. Москва: Захаров; 2000. 703 с.
16. Формановская НИ. *Речевой этикет в русском общении: теория и практика*. Москва: ВК; 2009. 333 с.
17. Бигунова НА. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка). *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2013;4:83–92.
18. Brown P, Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. p. 56–310.
19. Нестерова ТВ. Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета. *Русский язык за рубежом*. 2009;3:45–56.
20. Шляхов ВИ, Саакян ЛН, Толстова НН. *Иносказания в русском речевом взаимодействии*. Москва: Русский язык; 2014. 192 с.
21. Задворная ЕГ. Речевые тактики уклонения в повседневном межличностном общении. В: Харитончик ЗА, редактор. *Теория коммуникации. Языковые значения. Выпуск 2*. Минск: МГЛУ; 2002. с. 22–39.
22. Жолковский АК. *Блуждающие сны: из истории русского модернизма*. Москва: Советский писатель; 1992. 429 с.
23. Апресян ВЮ, Апресян ЮД, Бабаева ЕЭ, Богуславская ОЮ, Иомдин БЛ, Крылова ТВ. и др. *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянских культур; 2006. 912 с.
24. Сиротинина ОБ. *Все, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения*. Москва: Ленанд; 2016. 224 с.

References

1. Vinokur TG. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener: variants of speech behavior]. Moscow: Lenand; 2017. 176 p. Russian.
2. Formanovskaya NI. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya* [Communicative and pragmatic aspects of communication units]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; 1998. 291 p. Russian.
3. Sedov KF. *Ontopsikholingvistika: stanovlenie kommunikativnoi kompetentsii cheloveka* [Ontopsycholinguistics: formation of communicative competence of a person]. Moscow: Labirint; 2008. 318 p. Russian.
4. Vinogradov VV. *O yazyke khudozhestvennoi prozy* [About language of artistic prose]. Moscow: Nauka; 1980. 362 p. Russian.
5. Karaulov YN. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Librokom; 2014. 264 p. Russian.
6. Belunova NI. *Elitarnaya rechevaya kul'tura i ee osnovnye osobennosti. Na materiale družeskikh pisem tvorcheskoi intelligent-sii kontsa XIX – pervoi chetverti XX v.* [Elite speech culture and its main features. Based on the material of friendly letters of the creative intelligentsia of the late 19th – first quarter of the 20th century]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2009. 104 p. Russian.
7. Kazakova IN. [Elitist language personality in portrait interview: aspects of communicative behavior]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014;2:36–39. Russian.
8. Salimova LM. Elitist linguistic personality and problems of intertextuality. *Liberal Arts in Russia*. 2013;4:402–408. Russian.
9. Hisamova GG. *Dialog kak komponent khudozhestvennogo teksta (na materiale khudozhestvennoi prozy V. M. Shukshina)* [Dialogue as a component of a literary text (based on the material of V. M. Shukshin's fiction)]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2007. 352 p. Russian.
10. Stepanov AD. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov's works]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2005. 396 p. Russian.
11. Sirotnina OB. [Oral speech and types of speech cultures]. *Rusistika segodnya*. 1995;4:3–21. Russian.
12. Sternin IA. *Tipy rechevykh kul'tur* [Types of speech cultures]. Voronezh: Istoki; 2013. 23 p. Russian.
13. Leech GN. *Principles of pragmatics*. London: Longman; 1983. 250 p.
14. Volkov S. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: Eksmo; 2002. 446 p. Russian.
15. Brodsky I. *Bol'shaya kniga interv'yu* [A big interview book]. Moscow: Zakharov; 2000. 703 p. Russian.
16. Formanovskaya NI. *Rechevoi etiket v russkom obshchenii: teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication: theory and practice]. Moscow: VK; 2009. 333 p. Russian.
17. Bigunova NA. The integration of positive-evaluative speech acts in dialogical discourse (on the material of modern English). *Vestnik Rjanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. 2013;4:83–92. Russian.
18. Brown P, Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. p. 56–310.
19. Nesterova TV. Indirect (implicit) intention implementation of refusing in Russian speech communication. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2009;3:45–56. Russian.
20. Shlyahov VI, Saakyan LN, Tolstova NN. *Inoskazaniya v russkom rechevom vzaimodeistvii* [Allegories in Russian speech interaction]. Moscow: Russkii yazyk; 2014. 192 p. Russian.
21. Zadvornaya EG. [Speech evasion tactics in everyday interpersonal communication]. In: Haritonchik ZA, editor. *Teoriya kommunikatsii. Yazykovye znacheniya. Vypusk 2* [Communication theory. Language meanings. Issue 2]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2002. p. 22–39. Russian.
22. Zholkovsky AK. *Bluzhdayushchie sny: iz istorii russkogo modernizma* [Wandering dreams: from the history of Russian modernism]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1992. 429 p. Russian.
23. Apreyan VY, Apreyan YD, Babaeva EE, Boguslavskaya OY, Iomdin BL, Krylova TV, et al. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systematic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2006. 912 p. Russian.
24. Sirotnina OB. *Vse, chto nuzhno znat' o russkoi rechi. Posobie dlya effektivnogo obshcheniya* [Everything you need to know about Russian speech. Manual for effective communication]. Moscow: Lenand; 2016. 224 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.01.2020.
Received by editorial board 14.01.2020.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. С. АХРАМЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Объектом исследования является диалогическая модальность, которая выражает отношение автора к адресату и позволяет косвенно внушить ему определенную точку зрения. Рассматриваются средства и прагматические функции диалогической модальности. Выявляется, что в тексте модальность выражает не только отношение содержания высказывания к действительности и автора к содержанию высказывания, но и отношение автора к адресату. Следовательно, семантический объем и арсенал средств выражения модальности значительно расширяются и могут включать не только грамматические, но и лексические, синтаксические, фразеологические, стилистические средства. Изучение диалогической модальности расширяет перечень языковых средств, с помощью которых автор может косвенно убеждать адресата в правильности собственной точки зрения и таким образом реализовать авторскую прагматическую установку.

Ключевые слова: диалогическая модальность; текст; автор; адресат; прагматическая функция.

Благодарность. Автор выражает благодарность за помощь в выполнении исследования профессору кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета доктору филологических наук Д. Г. Богушевичу.

ДЫЯЛАГІЧНАЯ МАДАЛЬНАСЦЬ ЯК ФАКТАР РЭАЛІЗАЦЫІ ТЭКСТАВАЙ ФУНКЦЫІ ЎЗДЗЕЯННЯ Ў АНГЛІЙСКОЙ МОВЕ

Л. С. АХРАМЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аб'ектам даследавання з'яўляецца дыялагічная мадальнасць, якая выражае стаўленне аўтара да адресата і дазваляе ўскосна ўнушыць яму пэўны пункт гледжання. Разглядаюцца сродкі і прагматычныя функцыі дыялагічнай мадальнасці. Выяўляецца, што ў тэксце мадальнасць выражае не толькі стаўленне зместу выказвання да рэчаіснасці і аўтара да зместу выказвання, але і стаўленне аўтара да адресата. Такім чынам, семантычны аб'ём і арсенал сродкаў выражэння мадальнасці значна пашыраюцца і могуць уключаць не толькі граматычныя, але і лексічныя, синтаксічныя, фразеалагічныя, стылістычныя сродкі. Вывучэнне дыялагічнай мадальнасці пашырае пералік моўных сродкаў, з дапамогай якіх аўтар можа ўскосна пераканаць адресата ў правільнасці свайго пункта гледжання і такім чынам рэалізаваць аўтарскую прагматычную ўстаноўку.

Ключавыя словы: дыялагічная мадальнасць; тэкст; аўтар; адресат; прагматычная функцыя.

Падзяка. Аўтар выражае падзяку за дапамогу ў выкананні даследавання прафесару кафедры гісторыі і граматыкі англійскай мовы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта доктару філалагічных навук Д. Г. Багушэвічу.

Образец цитирования:

Ахраменко ЛС. Диалогическая модальность как фактор реализации воздействующей функции текста в английском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;2:74–83.

For citation:

Akhramenko LS. Dialogical modality as a factor of implementation of the effecting text function in the English language. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020; 2:74–83. Russian.

Автор:

Любовь Сергеевна Ахраменко – старший преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений.

Author:

Liubov S. Akhramenko, senior lecturer at the department of English for economics, faculty of international relations.
ahrluba@mail.ru

DIALOGICAL MODALITY AS A FACTOR OF IMPLEMENTATION OF THE EFFECTING TEXT FUNCTION IN THE ENGLISH LANGUAGE

L. S. AKHRAMENKO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The object of the study is a dialogical modality that expresses the author's attitude to the addressee. The means and pragmatic functions of the dialogical modality, with the help of which the author indirectly suggests his own point of view to the addressee, are considered. The novelty of the article lies in the fact that textual modality expresses not only the relation of the content of the statement to reality and the relation of the author to the content of the statement, but also the relation of the author to the addressee. Consequently, the semantic volume and arsenal of means of its expression expands significantly: modality can be expressed not only by grammatical, but also lexical, syntactic, phraseological, stylistic means. The study of the dialogical modality expands the list of language means by which the author can indirectly convince the addressee of the correctness of his own viewpoint and, consequently, realize the author's pragmatic attitude.

Keywords: dialogical modality; text; author; addressee; pragmatic function.

Acknowledgements. The author expresses the gratitude for the help in the research to the doctor of science (philology), professor at the department of history and grammar of English of Minsk State Linguistic University D. G. Bogushevich.

Введение

Традиционно категория модальности определяется как отношение содержания высказывания к действительности и отношение говорящего к содержанию высказывания. Но при рассмотрении модальности в рамках текста прагматика данной категории значительно расширяется. Модальность как коммуникативную категорию определяет И. Р. Гальперин: он называет ее «самой сущностью коммуникативного процесса», так как отношение говорящего к действительности, выражающееся различными формально-грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими средствами, оказывается категорией, присущей языку в действии, т. е. в речи [1, с. 113]. Л. В. Селезнева выделяет подразумевающие семантику текста коммуникативные установки «на адресанта, адресата, действительность, систему языка, перформативность» [2, с. 200]. Реализация данных установок приводит к выдвиганию на первый план модальности как категории, в которой наиболее ярко проявляется отношение к действительности, содержанию самого текста, его адресату. Коммуникативный подход к модальности также отражен в утверждении А. М. Пешковского, согласно которому «в ней находит отражение взаимодействие четырех факторов коммуникации: говорящего, собеседника, содержания высказывания и действительности» [3, с. 102].

По мнению Н. С. Валгиной, при реализации модальности в тексте «на передний план выдвигается сам процесс коммуникации, т. е. взаимоотношения автора и читателя» [4, с. 96]. Следовательно, категория модальности обеспечивает диалогичность как свойство текста, которое подчеркивает его коммуникативную природу как единицы речевого общения, имеющей не значение, а смысл, связанный с отношением к ценности и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку. В этой связи следует обратить внимание на мнение О. С. Бочковой, полагающей, что под модальностью текста нужно понимать «манифестацию в тексте как материальном продукте идеальной субъективности автора – его устремлений, чувств, ценностных идеалов, оценок, которые он желает донести до читателя» [5].

Доминантная функция текста состоит в оказании определенного прагматического воздействия на его получателя. Диалогическая модальность выражает отношение автора к адресату и, таким образом, реализует воздействующую функцию текста. Включение в смысловой объем модальности отношения автора к адресату подтверждается отечественными и зарубежными учеными. Так, С. М. Мейнард в своей работе, посвященной дискурсивной модальности, характеризует ее как модальность, которая «передает субъективное эмоциональное, ментальное или психологическое отношение говорящего к содержанию сообщения, самому акту говорения или к собеседнику» [6, р. 38]. В. И. Карасик выделяет в общении «сущность сообщаемого и характер сообщения, который и отражает модальность – то, как адресант относится к адресату, к содержанию сообщаемого, к способу сообщения и к ситуации общения» [7, с. 6].

Целью данной статьи является рассмотрение средств и прагматических функций диалогической модальности в текстах научного и публицистического дискурсов.

Теоретические основы

Диалогическая модальность выражает модальные отношения, возникающие между участниками коммуникации, двумя ее субъективными модусами. Общее отношение к партнеру по общению складывается из отношений к сферам его рационального, оценочного, вербального и предметного поведения, ситуативной и социальной ролям. В коммуникацию вступают два субъекта со своими знаниями, представлениями о мире, друг о друге, с присущим им типом мышления, со своей аксиологией. Если говорить в терминах модальной логики, каждый субъект имеет свой концептуальный мир с характерным набором альтернативных возможных миров. Следовательно, диалогическая модальность необходима для сближения концептуальных миров автора и адресата. Данная модальность участвует в реализации таких текстовых свойств, как интенциональность, адресованность, восприимчивость.

Текстовая модальность, по мнению С. С. Ваулиной, имеет две составляющие: «пропозициональную и гносеологическую (прагматическую)» [8, с. 16]. Пропозициональная выражает отношение автора к действительности, а прагматическая – к содержанию высказывания, теме дискурса, адресату. Следовательно, диалогическая модальность представляет собой разновидность прагматической модальности и способна выполнять прагматические функции в тексте.

Установка текста на восприятие адресатом предопределяет использование автором средств, необходимых, во-первых, для повышения понятности, доступности, ясности текста для адресата, во-вторых, для выделения релевантных высказываний, необходимых для формирования адресатом текстовых макропропозиций, в-третьих, для установления и поддержания контакта с адресатом. Диалогическая модальность выполняет три основные функции: пояснительную, акцентирующую и контактоустанавливающую. Средствами диалогической модальности являются те языковые элементы, которые ориентированы на реакцию внимания и понимания со стороны адресата.

Материалом для анализа послужили тексты научного и публицистического дискурсов разного объема (малые, средние, большие) различных жанров: энциклопедическая статья, научный доклад, учебный текст, диссертация, тезисы, научная рецензия, научный обзор, научная статья, аналитическая статья, информационная статья, сатирическая статья, очерк, эссе. Данные тексты проанализированы с помощью таких методов, как контент-анализ, логико-семантический анализ, дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение

Диалогическая модальность квалифицируется как функционально-семантическая категория, имеющая широкий набор разноуровневых средств ее выражения.

Во-первых, диалогическая модальность выражается с помощью грамматических средств. К таковым относятся:

1) уступительные союзы: *The implicit cognitive settings are quite resistant and inert: even if they don't correspond to reality anymore, the cognitive system tries to keep them by changing the perception of the reality according to the implicit settings* 'Скрытые когнитивные установки довольно устойчивы и инертны: даже если они больше не соответствуют реальности, когнитивная система пытается сохранить их, изменяя восприятие реальности в соответствии со скрытыми установками' (с помощью уступительного союза *even if* автор поясняет содержание предшествующего вывода); *It appears that immigrants today are attracted by growing, economically strong counties, even though the immigrants' share in these regions is lower compared with alternative regions* 'Похоже, что сегодня иммигрантов привлекают растущие, экономически сильные страны, хотя доля иммигрантов в этих регионах ниже по сравнению с альтернативными регионами' (с помощью уступительного союза *even though* автор акцентирует релевантность главной части сложноподчиненного предложения);

2) эмфатическое *do*: *...as there do appear to be two camps and a conflict does seem to be taking place* '...поскольку есть два лагеря и конфликт имеет место' (данное средство акцентирует значимость высказывания за счет повышения его достоверности);

3) императивы, конструкции с побудительным значением: *Note that the cores are arranged to align the top of the rapid post-seismic depositional unit...* 'Обратите внимание, что ядра расположены так, чтобы выравнивать верхнюю часть быстрого постсейсмического блока осаднения...' (с помощью императива *note* автор акцентирует внимание адресата на последующем логическом пояснении); *After all, think of all the jobs that are lost when, for example, Michigan «imports» oranges from Florida...* 'В конце концов, подумайте обо всех потерянных рабочих местах, когда, например, Мичиган «импортирует» апельсины из Флориды...' (с помощью данного императива автор вовлекает адресата в рассуждение);

4) контрастивные союзы, акцентирующие релевантные высказывания: *However, some variance is also explained by characteristics of the schools that students attend* 'Тем не менее некоторые различия

также объясняются характеристиками школ, которые посещают учащиеся' (с помощью союза *however* автор выделяет данное высказывание как новое знание);

5) ограничительные частицы, акцентирующие наличие проблемы: *Only a small amount is currently being recovered, with recyclers only recovering higher value metals such as cobalt and nickel* 'В настоящее время извлекается **лишь** небольшое количество, а переработчики извлекают только ценные металлы, такие как кобальт и никель' (с помощью данной частицы автор указывает на недостаточность текущих мер для решения потенциальной проблемы *mining*);

6) двойное отрицание: *Lithium mining doesn't have the same track record of exploitation, but it's not without risks* 'Добыча лития не имеет того же опыта эксплуатации, но **не без** рисков' (с помощью двойного отрицания автор акцентирует противоречивость концепта *lithium mining*, тем самым повышая релевантность высказывания).

Во-вторых, диалогическая модальность выражается с помощью ряда синтаксических средств. Среди них выделяются:

1) логические оговорки и пояснения: *The paper is structured as follows. The next section addresses the theoretical background of location choices and the empirical investigation. The data set is then explained in detail. Before discussing several methodological issues, the main results on the spatial distribution and the determinants for first and second location choices will be outlined. Finally, the paper concludes with an implication for further research* 'Статья построена таким образом. В следующем разделе рассматриваются теоретические основы выбора местоположения и эмпирические исследования. Затем подробным образом объясняется набор данных. Перед обсуждением некоторых методологических вопросов будут изложены основные результаты пространственного распределения и детерминанты для первого и второго выбора местоположения. Наконец, статья заканчивается выводом для дальнейших исследований' (с помощью логических пояснений автор формирует ситуационную пресуппозицию к восприятию последующей информации);

2) инверсия: *Only once we establish this religious connection can we then demonstrate pragmatic faith to be the shared epistemic norm for both faith-based and reason-based disciplines* 'Только когда мы установим эту религиозную связь, мы сможем продемонстрировать прагматическую веру как общую эпистемическую норму для дисциплин, базирующихся как на вере, так и на основе разума' (данное средство акцентирует значимость концепта *pragmatic faith*);

3) вопросные конструкции: *What are the forces driving globalization? 'Каковы движущие силы глобализации?'; How did these molecules end up in people's bodies? 'Как эти молекулы оказались в организме людей?'; But do you know what it actually is – and how it may affect your health? 'Но знаете ли вы, что это на самом деле – и как это может повлиять на ваше здоровье?'* (данные конструкции акцентируют внимание адресата на определенном аспекте рассмотрения ключевого концепта текста);

4) расщепленные предложения: *Of major significance for third wave globalization is that some developing countries succeeded for the first time in harnessing their labor abundance to provide them a competitive advantage in labor-intensive manufactures...* 'Большое значение для глобализации третьей волны имеет то, что некоторым развивающимся странам впервые удалось использовать свое изобилие рабочей силы, чтобы обеспечить им конкурентное преимущество в трудоемких производствах...' (с помощью расщепленного предложения автор выделяет для адресата наиболее релевантную часть высказывания);

5) выделительные конструкции: *...it is at this level – that of epistemology and epistemic norms – to be an ineradicable difference between religion and science* '...именно на этом уровне – уровне эпистемологии и эпистемологических норм – основано неискоренимое различие между религией и наукой'; *Attendant problems can include loss of job, bankruptcy, divorce, arrest, substance abuse, and suicide, all of which affect not just the gambler but also his or her family and others* 'К числу сопутствующих проблем могут относиться потеря работы, банкротство, развод, арест, токсикомания и самоубийство, которые затрагивают не только игрока, но и его или ее семью и других лиц'; *It is noteworthy that planetary protection provisions are not merely recommendations or suggestions, but rather mandatory planning elements...* 'Следует отметить, что положения о защите планет являются не просто рекомендациями или предложениями, а скорее обязательными элементами планирования...' (данные конструкции выделяют для адресата наиболее релевантные высказывания);

6) вопросно-ответные конструкции: *What do those results imply? Today, immigrants seem to be less dependent on networks and choose regions with a low share of immigrants* 'Что означают эти результаты? Сегодня иммигранты кажутся менее зависимыми от сетей и выбирают регионы с низкой долей иммигрантов' (с помощью данной конструкции акцентируется значимость нового знания, т. е. современных тенденций миграционных процессов); *Dawes referred to these epistemic differences as «ineradicable», but must they be? We will now turn our attention to, what I believe, is a tremendous step towards the solution of the dilemma: faith* 'Доус назвал эти эпистемологические различия «неискоренимыми», но должны ли они

быть? Теперь мы обратим наше внимание на то, что, я считаю, является огромным шагом к решению дилеммы: вера' (вопросительная конструкция содержит модальную семантику сомнения по поводу неискоренимости различий между концептами *science* и *religion*, с помощью которой автор актуализирует неясность, спорность проблемы; через ответ вводит в рассмотрение концепт *pragmatic faith*, посредством которого данная проблема может быть искоренена);

7) риторические вопросы: *Taking what that says about the world, and what, for Hume, is a «principle of connection» among ideas in general: how can we even know that our everyday beliefs about cause and effect are necessarily true?* 'Взяв то, что это говорит о мире и что для Юма является «принципом связи» между идеями в целом: как мы можем даже знать, что наши повседневные представления о причине и следствии обязательно верны?' (с помощью данного средства автор призывает адресата к самостоятельному обдумыванию ответа на данный вопрос).

В-третьих, диалогическая модальность выражается посредством лексических средств. К таковым принадлежат:

1) метатекстовые операторы: *Put simply, in horizontal FDI patterns, the main objective to be met is how best to serve the host market...* 'Проще говоря, в горизонтальных структурах ПИИ основная цель направлена на лучшее обслуживание рынка принимающей стороны...'; *In other words, when in a chaotic state, the NF-kB protein is most effective at activating genes and optimally «tuning» the immune system* 'Другими словами, в хаотическом состоянии белок NF-kB наиболее эффективен при активации генов и оптимальной «настройке» иммунной системы' (с помощью данных метатекстовых операторов автор осуществляет инструкцию по пониманию текста для читателя, т. е. выделяет пояснительные высказывания, необходимые для понимания предшествующей информации адресатом); *In contrast, FDI refers to those investments that involve an equity stake of 10 percent or more in a foreign-based enterprise* 'Напротив, ПИИ относятся к тем инвестициям, в которые входит доля 10 % или более в иностранном предприятии'; *Rather, it brings to the fore the fact that many of the resources necessary for global economic activities are not hypermobile and are, indeed, deeply embedded in places such as global cities and export processing zones* 'Скорее, это выдвигает на первый план тот факт, что многие ресурсы, необходимые для глобальной экономической деятельности, не являются гипермобильными и действительно глубоко внедрены в таких местах, как глобальные города и зоны обработки беспощинного сырья на экспорт'; *Further, past adaptive responses to environmental pathogens might have implications for present-day human health...* 'Кроме того, прошлые адаптивные реакции на патогенные микроорганизмы окружающей среды могут иметь последствия для здоровья современных людей...' (данные метатекстовые операторы акцентируют релевантность нового знания);

2) прилагательные-интенсификаторы, акцентирующие внимание на последующем концепте: *That one statement to me was a real wake up to how we got to where we are today* 'Это одно заявление дало мне истинное осознание того, как мы попали туда, где мы находимся сегодня' (прилагательное *real* акцентирует внимание на последующем слове *wake up*);

3) фокусные наречия, наречия-интенсификаторы, акцентирующие внимание на определенном концепте или части высказывания: *Prime Minister Lord North, a skilled parliamentarian, called an early election on the eve of war in 1774 and successfully shored up Commons support for his policy – just what May notoriously failed to do* 'Премьер-министр лорд Норт, опытный парламентарий, назначил досрочные выборы накануне войны в 1774 г. и успешно укрепил поддержку своей политической деятельности со стороны палаты общин – то, что, как известно, не смогла сделать Мэй' (в данном примере акцентируется релевантное высказывание с модальностью упрека); *Also, inclusion of women in the labor market is still lagging considerably behind many Western European countries* 'Кроме того, включенность женщин в рынок труда все еще значительно отстает от многих стран Западной Европы' (с помощью фокусного наречия автор акцентирует наличие проблемы, тем самым повышая релевантность высказывания); *A system that simultaneously scans for evidence of possible Martian contaminants and life, both inside and outside would be extremely desirable* 'Система, которая одновременно ищет признаки возможных марсианских загрязнений и жизни как внутри, так и снаружи была бы крайне желательна';

4) эмфатические указательные местоимения: *That Disney led them to believe that they were supposed to not only pretend to shoot but that they could do it for real and no one would get hurt* 'Тот Дисней заставил их поверить, что они могли не только притворяться, что стреляли, но что они могли сделать это по-настоящему, и никто бы не пострадал' (данное местоимение акцентирует важность последующего концепта *Disney*);

5) вводные эмотивные слова (акцентируя характер оценки ключевого концепта высказывания или факта, автор стремится оказать эмоциональное воздействие на адресата): *Fortunately, I have determined pragmatic faith systems to be a «missing link» in the foundational principles of the «faith-based» camp and those of the «reason-based» camp* 'К счастью, я определил прагматические системы веры как «недостающее

звено» в основополагающих принципах лагеря, основанного на вере, и принципах лагеря, основанного на разуме» (с помощью данного вводного слова автор внушает адресату положительную оценку концепта *pragmatic faith*);

б) местоимения 1-го и 2-го лица, а также обобщенно-личное местоимение *one*: *Again, we see someone who is against the cognitive products of faith...* «Опять же, мы видим кого-то, кто против когнитивных продуктов веры...»; *Be you a person of science or philosophy... the last thing that you want to know that you are actively limiting your potential...* «Будь вы человеком науки или философии... последнее, что вы хотите знать, это то, что вы активно ограничиваете свой потенциал...»; *From the article, one will keenly realize that even the females who had the ability to train art came from extremely wealthy families* «Из этой статьи **вы** поймете, что даже женщины, у которых была возможность обучать искусству, происходили из чрезвычайно богатых семей» (с помощью данных местоимений автор вовлекает адресата в рассуждение).

В-четвертых, диалогическая модальность может быть выражена посредством стилистических средств. Они включают:

1) слова в переносном значении, фразеологизмы: *What happens if displaced white-collar workers can't find greener pastures?* «Что случится, если перемещенные служащие не смогут **найти лучшие условия жизни**?»; *...who had lacked the stomach to climb to the top of mountains* «...у которых **не хватило смелости**, чтобы подняться на вершину горы» (данные фразеологизмы обеспечивают адекватное понимание адресатом авторских утверждений за счет повышения образности); *...has accused the government of turning a blind eye to the financial chaos* «...обвинил правительство в том, что оно закрывает глаза на финансовый хаос»; *...leaving nurseries to shoulder the burden of high wage bills* «...вынуждая детские сады брать на себя бремя высоких зарплатных счетов» (данные фразеологизмы акцентируют негативный характер оценки ключевого концепта *decline in government funding*);

2) метафоры: *Religion and faith mix like toothpaste and orange juice* «Религия и вера смешиваются как **зубная паста и апельсиновый сок**» (употребление метафоры вместо научного термина обусловлено необходимостью облегчения восприятия теоретической информации адресатом-неспециалистом); *Many economists view international trade to be a long-run weapon in the war against terrorism* «Многие экономисты считают международную торговлю долгосрочным **оружием** в войне с терроризмом» (с помощью метафоры автор акцентирует характер оценки ключевого концепта *international trade*);

3) гиперболы, акцентирующие негативный характер оценки объекта: *In the next year, thousands of people will die in Texas because he refused federal grants that would have provided healthcare to poorest Texans* «В следующем году **тысячи людей умрут в Техасе**, потому что он отказался от федеральных грантов, которые обеспечили бы здравоохранение для самых бедных техасцев» (данная гипербола акцентирует негативный характер оценки объекта «Rick Perry»); *Therefore, we, the greatest creative geniuses of Planet Earth, urge you – and command you (yeah, better do it) – to buy more iPhone and other Apple products* «Поэтому мы, **величайшие творческие гении планеты Земля**, призываем вас – и приказываем вам (да, лучше сделайте это) – покупать больше iPhone и других продуктов *Apple*» (данная гипербола акцентирует негативный характер оценки объекта *Apple*).

В-пятых, некоторые модальные значения также относятся к средствам диалогической модальности:

1) модальность желания: *Wanting to stick with this research more organically, I used examples from Bill Nye and Friedrich Nietzsche that both dealt specifically with Christianity* «**Желая** более органично придерживаться этого исследования, я использовал примеры Билла Най и Фридриха Ницше, которые оба конкретно касались христианства» (с помощью данного модального значения автор поясняет адресату свои намерения и цель исследования);

2) модальность предположения, допущения: *...the incidence of asthma among adults has been stable in Sweden for the past two decades, which might indicate that a plateau has been reached* «...заболеваемость астмой среди взрослых была стабильной в Швеции в течение последних двух десятилетий, что **может** указывать на достижение плато» (посредством модального значения предположения автор призывает адресата к самостоятельному рассуждению).

Рассмотрим также прагматические функции диалогической модальности в тексте. Она используется автором для пояснения, уточнения содержания релевантных высказываний в целях придания им ясности: *The researchers demonstrated that chaotic swings in the concentration of the protein – what in mathematics is known as chaotic dynamics – can increase the activation of a number of genes that are otherwise not activated. In other words, when in a chaotic state, the NF-kB protein is most effective at activating genes and optimally «tuning» the immune system* «Исследователи продемонстрировали, что хаотические колебания концентрации белка – то, что в математике известно как хаотическая динамика, – могут увеличить активацию ряда генов, которые в противном случае не активируются. **Другими словами**, в хаотическом состоянии белок NF-kB наиболее эффективен при активации генов и оптимальной «настройке» иммунной системы». Выполняя пояснительную функцию, диалогическая

модальность способствует реализации текстовой категории *когезия* (такие индикаторы диалогической модальности, как контрастивные союзы, метатекстовые операторы, логические пояснения, служат средствами межфразовой связи): *The key difference between FDI and FPI therefore is that FDI investors not only take control positions in the domestic firms, but also are regarded as the managers of the firms under their control. In other words, while FPI investors gain ownership positions in the domestic firms, they do not exercise control over domestic firm...* ‘Таким образом, ключевое различие между ПИИ и ИПИ заключается в том, что инвесторы в ПИИ не только занимают контрольные позиции в отечественных фирмах, но также рассматриваются в качестве руководителей фирм, находящихся под их контролем. Другими словами, в то время как инвесторы FPI приобретают позиции собственности в отечественных фирмах, они не осуществляют контроль над отечественными фирмами...’. Диалогическая модальность обеспечивает логическое развертывание аргументов (метатекстовые операторы, императивы, употребление местоимений 1-го и 2-го лица, вопросно-ответные конструкции необходимы для логического развертывания мысли и направлены на понимание адресатом причинно-следственных связей): *Taking what that says about the world, and what, for Hume, is a «principle of connection» among ideas in general: how can we even know that our everyday beliefs about cause and effect are necessarily true?* ‘Взяв то, что это говорит о мире и что для Юма является «принципом связи» между идеями в целом: как мы можем даже знать, что наши повседневные представления о причине и следствии обязательно верны?’ Более того, диалогическая модальность способствует усилению перлокутивного эффекта аргументов: *And afterwards? No blitz, but plenty of damage, this time self-inflicted* ‘А потом? Не блиц, но много урона, на этот раз нанесенного самому себе’; *What about the 1970s? The dominant image we have is of industrial unrest, states of emergency and general chaos...* ‘А как насчет 1970-х годов? Доминирующий образ у нас – это промышленные беспорядки, чрезвычайные ситуации и общий хаос’. Диалогическая модальность также используется для повышения доступности понимания текста адресатом-неспециалистом (за счет повышения образности): *...if sales decline anytime in the United States, Invacare has an ace up its sleeve: exports* ‘...если продажи в Соединенных Штатах когда-нибудь сократятся, у Invacare есть козырь: экспорт’.

Диалогическая модальность необходима для формирования ситуационной пресуппозиции, очень важной для восприятия последующей информации: *Next I will define «reason» and «faith» as I mean them in this context, the latter description and its «pragmatic» applications being the primary focus of this paper* ‘Далее я определю «разум» и «веру», как я имею в виду их в этом контексте, последнее описание и его «прагматические» приложения являются основным направлением этой статьи’; *How can we make a «reset» of the individual cognitive system predispositions before the experiment?* ‘Как мы можем сделать «сброс» индивидуальных предрасположенностей когнитивной системы перед экспериментом?’ (с помощью вопросной конструкции автор подготавливает адресата к восприятию информации о практическом исследовании, так как вопросы содержат информацию о возможных целях эксперимента).

Диалогическая модальность необходима для акцентирования внимания адресата на определенном концепте, аспекте рассмотрения ключевого концепта текста, последующем высказывании (или последующей части высказывания): *What does this term mean?* ‘Что означает этот термин?’; *Let us consider another myth which is especially prevalent today* ‘Давайте рассмотрим другой миф, который особенно распространен сегодня’. Диалогическая модальность может быть использована для повышения или понижения релевантности концепта: *Fortunately, I have determined... pragmatic faith systems – to be a «missing link» in the foundational principles of the «faith-based» camp and those of the «reason-based» camp* ‘К счастью, я определил... прагматические системы веры как «недостающее звено» в основополагающих принципах лагеря, основанного на вере, и принципах лагеря, основанного на разуме’ (с помощью данного индикатора автор повышает релевантность концепта *pragmatic faith*); *Unfortunately, as this model (belief) also relies on an inherent notion of God, this model cannot be used for our purposes* ‘К сожалению, поскольку эта модель (вера) также опирается на врожденное представление о Боге, эта модель не может быть использована для наших целей’ (с помощью данного индикатора автор понижает релевантность основания *belief*). Значимость концепта повышается также за счет контраста оценок концепта, который вводится посредством метатекстовых операторов: *Finally, the third type of location factors captures local amenities, public goods and, most notably, such externalities as those arising from ethnic networks. On the one hand, existing networks provide support for entering new labour and housing markets, but they also help in remaining close to familiar cultures. On the other hand, living close to other immigrants may hinder successful integration into the host society* ‘Наконец, третий тип факторов местоположения охватывает местные удобства, общественные блага и, в частности, внешние эффекты, связанные с этническими сетями. С одной стороны, существующие сети обеспечивают поддержку для выхода на новые рынки труда и жилья, но они также помогают оставаться близкими к знакомым культурам. С другой стороны, жизнь рядом с другими иммигрантами может препятствовать успешной

интеграции в принимающее общество' (в данном примере повышается релевантность концепта *ethnic networks*).

Использование диалогической модальности может быть обусловлено необходимостью формирования оценочной пресуппозиции достоверности последующих авторских выводов, результатов исследования. Например, логические пояснения могут служить не только для объяснения предыдущих ассертивов, но и для косвенного убеждения адресата в надежности авторского эксперимента, что формирует оценочную пресуппозицию достоверности последующих выводов. Диалогическая модальность также используется для повышения персуазивности предыдущих авторских выводов. Так, используя вопросно-ответные конструкции, автор развеивает сомнения адресата относительно достоверности предыдущих выводов и, следовательно, повышает их значимость для адресата.

Диалогическая модальность способствует повышению иллюкутивной силы высказываний, что в конечном счете необходимо для усиления воздействующей силы текста. В. Г. Гак выделяет два способа усиления иллюкутивной силы высказывания: «путем использования форм интенсивности либо путем обращения к разуму слушающего, апелляцией к аргументам» [9, с. 9]. Средства диалогической модальности способствуют повышению релевантности высказывания и, следовательно, усиливают иллюкутивную силу высказывания за счет интенсивности: *Of major significance for third wave globalization is that some developing countries succeeded for the first time in harnessing their labor abundance to provide them a competitive advantage in labor-intensive manufactures* 'Важное значение для глобализации третьей волны имеет то, что некоторым развивающимся странам впервые удалось использовать изобилие рабочей силы, чтобы обеспечить себе конкурентное преимущество в трудоемких производствах'; *Not only will EMC systems be tasked with monitoring, detecting and maintaining safe and healthful environmental conditions for the crew, they must do so in a way that minimizes and controls forward contamination* 'Системы EMC будут не только заниматься мониторингом, обнаружением и поддержанием безопасных и здоровых условий окружающей среды для экипажа, они должны делать это таким образом, чтобы минимизировать и контролировать прямое загрязнение'. Более того, диалогическая модальность участвует в формировании оценочной пресуппозиции релевантности последующих высказываний: *To get a full picture of dust sources and hazards, you need to consider the other two-thirds of the indoor dust load, which actually come from outside* 'Чтобы получить полное представление об источниках пыли и опасностях, вам необходимо учитывать другие две трети внутренней пыли, которая фактически поступает извне' (с помощью личного местоимения автор усиливает перлокутивный эффект высказывания с модальностью необходимости, что способствует мотивированию адресата к изучению последующей релевантной информации).

Диалогическая модальность обеспечивает установление контакта автора с адресатом, что необходимо для косвенного внушения авторской точки зрения адресату: *Why don't we use tariffs and quotas to restrict trade among the 50 states? After all, think of all the jobs that are lost when, for example, Michigan «imports» oranges from Florida* 'Почему мы не используем тарифы и квоты для ограничения торговли между 50 штатами? В конце концов, подумайте обо всех потерянных рабочих местах, когда, например, Мичиган «импортирует» апельсины из Флориды'.

Одной из важнейших функций диалогической модальности является усиление перлокутивного эффекта других модальных значений. В их числе выделяются:

1) модальность важности: *But do you know what it actually is – and how it may affect your health? 'Но знаете ли вы, что это на самом деле – и как это может повлиять на ваше здоровье?'* (с помощью вопросной конструкции автор иллюстрирует актуальность дальнейшего изучения концепта *dust* и, следовательно, усиливает перлокутивный эффект модальности важности);

2) аксиологическая модальность: *Otherwise, what is the point of even having a military? 'Иначе какой смысл даже иметь военных?'; ...did you know some Apple fans are angry they are paying so little for the new iPhone? They want to pay more. They want to help Apple get even more money so it could avoid even more taxes* '...вы знали, что некоторые фанаты Apple сердятся, что так мало платят за новый iPhone? Они хотят платить больше. Они хотят помочь Apple получить еще больше денег, чтобы она могла избежать еще больших налогов' (с помощью риторических вопросов, вопросно-ответных конструкций усиливается перлокутивный эффект отрицательной оценки субъектов *George Bush, Apple*);

3) рациональная модальность: *«Your Behavior» gives you the tools to change it yourself* '«Ваше поведение» дает вам инструменты, чтобы изменить его самостоятельно';

4) модальность вывода: *Thus, immigrants today are attracted by growing, economically strong counties, even though the immigrants' share in these regions is lower compared with alternative regions* 'Таким образом, сегодня иммигрантов привлекают растущие, экономически сильные страны, хотя доля иммигрантов в этих регионах ниже по сравнению с альтернативными регионами';

5) модальность совета, предостережения: *Above all the past reminds us to be careful what we wish for* 'Прежде всего прошлое напоминает нам о том, что нужно быть осторожным в наших желаниях'.

Модальность в тексте часто имеет имплицитный характер, что связано с необходимостью косвенного внушения авторской картины мира адресату. З. Я. Тураева утверждает, что «за модальностью на уровне высказывания закрепляется обязательная эксплицитность, тогда как модальность на уровне текста может не иметь непосредственного языкового выражения» [10, с. 111]. Диалогическая модальность способна к созданию модальных импликатур, необходимых для косвенного убеждения адресата в правильности авторской точки зрения: *So where does Britain go now? 'Так куда же сейчас идет Великобритания?' (с помощью вопросной конструкции автор имплицитно модальное значение сомнения по поводу перспектив развития государства при выходе из Евросоюза); Apple stated that the US wars make it pointless to pay taxes to United States' government, so they would rather hide their money in offshore accounts, get illegal subsidies, and then reinvest all that money in themselves; or better yet, let Tim Cook buy himself a new yacht. Does not it sound nice? Ain't Apple got a good moral philosophy? 'Apple заявила, что из-за войн в США бессмысленно платить налоги правительству США, поэтому они предпочитают прятать свои деньги на оффшорных счетах, получать незаконные субсидии, а затем реинвестировать все эти деньги в себя; или еще лучше, пусть Тим Кук купит себе новую яхту. Разве это не звучит хорошо? Разве у Apple нет достойной нравственной философии?' (с помощью риторического вопроса автор имплицитно модальное значение упрека).*

Заключение

Таким образом, широкое использование диалогической модальности обусловлено прагматически: для внушения собственной картины мира автору необходимо установить контакт с адресатом, удерживать его внимание на релевантных высказываниях, содержащих прагмемы, с помощью которых и осуществляется косвенное внушение авторской точки зрения. Выполнение прагматических функций в тексте, способность к созданию модальных импликатур, усиление перлокутивного эффекта других модальных значений позволяют сделать вывод о ключевой роли диалогической модальности в реализации воздействующей функции текста. Теоретическая значимость данной статьи заключается в расширении смыслового объема категории модальности: модальность выражает не только отношение содержания высказывания к реальности и отношение автора к содержанию высказывания, но и отношение автора к адресату. Практическая значимость заключается в том, что рассмотрение диалогической модальности расширяет арсенал разноуровневых средств, с помощью которых автор может осуществлять воздействие на адресата и в конечном счете реализовать прагматическую установку.

Библиографические ссылки

1. Гальперин ИР. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Наука; 1981. 140 с.
2. Селезнева ЛВ. Текстовая модальность в разных типах дискурса. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009;6:199–203.
3. Пешковский АМ. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 432 с.
4. Валгина НС. *Теория текста*. Москва: Логос; 2003. 280 с.
5. Бочкова ОС. Модальность как фактор формирования текста. *Теория и практика общественного развития* [Интернет]. 2007 [процитировано 25 мая 2020 г.];1. Доступно по: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2007/1/bochkova.pdf.
6. Maynard SK. *Discourse modality: subjectivity, emotion, and voice in the Japanese language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1993. 315 p.
7. Карасик ВИ. *Язык социального статуса*. Москва: Институт языкознания АН СССР; 1991. 495 с. Совместное издание с Волгоградским педагогическим институтом.
8. Ваулина СС. К вопросу о структурно-содержательной природе модальности (от модальности предложения – к модальности текста). *Вестник Калининградского государственного университета. Серия: Языки, литература и культура стран Балтийского моря*. 2004;1:14–19.
9. Гак ВГ. Прагматика, узус и грамматика речи. *Иностранные языки в школе*. 1982;5:7–11.
10. Тураева ЗЯ. Лингвистика текста и категория модальности. *Вопросы языкознания*. 1994;3:105–114.

References

1. Halperin IR. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka; 1981. 140 p. Russian.
2. Selezneva LV. [Textual modality in different types of discourse]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2009;6:199–203. Russian.
3. Peshkovsky AM. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Editorial URSS; 2001. 432 p. Russian.

4. Valgina NS. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos; 2003. 280 p. Russian.
5. Bochkova OS. Modality as a factor of text formation. *Theory and practice of social development* [Internet]. 2007 [cited 2020 May 25];1. Available from: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2007/1/bochkova.pdf. Russian.
6. Maynard SK. *Discourse modality: subjectivity, emotion, and voice in the Japanese language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1993. 315 p.
7. Karasik VI. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow: Institute of Linguistics of Academy of Sciences of the USSR; 1991. 495 p. Co-published by the Volgograd Pedagogical Institute. Russian.
8. Vaulina SS. [On the question of the structural and content nature of modality (from the modality of a sentence to the modality of a text)]. *Vestnik Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazyki, literatura i kul'tura stran Baltiiskogo morya*. 2004;1:14–19. Russian.
9. Gak VG. [Pragmatics, the usage and the grammar of speech]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1982;5:7–11. Russian.
10. Turaeva ZYa. [Linguistics of the text and the category of modality]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1994;3:105–114. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2020.
Received by editorial board 11.02.2020.

УДК 811.161.1

ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЯ ВНУТРЕННИХ ФОРМ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

А. И. КОВАЛЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На материале русской и белорусской глагольной и субстантивной семантически эквивалентной лексики рассматривается вопрос о проявлениях различия внутренних форм лексических эквивалентов двух языков. Определены конкретные модели проявления различия внутренних форм, наблюдаемые в границах проанализированного материала. Данное различие связывается с выбором характеристик, положенных в основу наименований одного и того же объекта в двух языках, семантической разнообъемностью семантических коррелятов, выбором различных типов мотивации при их образовании в русском и белорусском языках. Описаны различные типы внутренних форм. Указаны случаи несовпадения внутренних форм семантических коррелятов при идентичности типов внутренних форм у русского и белорусского семантических эквивалентов. С учетом моделей проявления различия внутренних форм уточнены возможные причины разницы во внутренних формах семантических коррелятов.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; метафора; метонимия; синекдоха; периферийная мотивированность; конденсированная мотивированность; семантический сдвиг.

ПРАЯВЫ І ПРЫЧЫНЫ АДРОЗНЕННЯ ЎНУТРАНЫХ ФОРМ СЕМАНТЫЧНЫХ КАРЭЛЯТАЎ РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОЎ

Г. І. КАВАЛЁВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле рускай і беларускай дзеяслоўнай і субстантыўнай лексікі разглядаецца пытанне аб праявах розніцы ва ўнутраных формах лексічных эквівалентаў дзвюх моў. Вызначаны канкрэтныя мадэлі розніцы ва ўнутраных формах, якія сустракаюцца ў межах прааналізаванага матэрыялу. Адрозненні ва ўнутраных формах звязваюцца з выбарам характарыстык, пакладзеных у аснову найменняў аднаго і таго ж аб'екта ў дзвюх мовах, семантычнай рознааб'ёмнасцю семантычных карэлятаў, выбарам розных тыпаў матывацыі падчас утварэння семантычных карэлятаў рускай і беларускай моў. Апісаны розныя тыпы ўнутраных форм. Названы выпадкі несупадзення ўнутраных форм семантычных карэлятаў пры ідэнтычнасці тыпаў іх унутраных форм. З улікам мадэлей праяў розніцы ва ўнутраных формах удакладняюцца магчымыя прычыны розніцы ва ўнутраных формах семантычных карэлятаў.

Ключавыя словы: унутраная форма слова; метафара; метанімія; сінекдаха; перыферыяная матываванасць; кандэнсаваная матываванасць; семантычны зрух.

Образец цитирования:

Ковалева АИ. Проявления и причины различия внутренних форм семантических коррелятов русского и белорусского языков. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;2:84–93.

For citation:

Kovaleva AI. Different inner forms of Russian and Belarusian semantic correlates: manifestations and reasons. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:84–93. Russian.

Автор:

Анна Игоревна Ковалева – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Anna I. Kovaleva, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
kowalowa_anna@mail.ru

DIFFERENT INNER FORMS OF RUSSIAN AND BELARUSIAN SEMANTIC CORRELATES: MANIFESTATIONS AND REASONS

A. I. KOVALEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the problem of different inner forms of Russian and Belarusian semantic correlates. It based on the analysis of Russian and Belarusian verb and substantival lexis and demonstrates manifestations of inner form difference. Specific patterns of manifestations of different inner forms are determined and described. The difference is associated with the choice of different characteristics that are the basis for the names of the same object in different languages; different semantic volume of semantic correlates; the choice of different types of motivation of the Russian and Belarusian correlates. The cases of discrepancy between inner forms of semantic correlates when the types of inner forms of the Russian and Belarusian semantic equivalents coincide are indicated. Potential reasons for inner form difference of Russian and Belarusian semantic correlates are refined.

Keywords: inner form of a word; metaphor; metonymy; synecdoche; peripheral motivation; condensed motivation; semantic shift.

Внутренняя форма (ВФ) слова – сложный феномен, привлекающий внимание лингвистов и специалистов из других областей знания, поскольку наравне с безэквивалентной лексикой, специфическими способами метафоризации, различием коннотаций и ассоциаций семантических коррелятов разных языков считается одним из способов воплощения национальной языковой картины мира. Исследователей привлекают различные аспекты ВФ. В статье И. С. Ровдо [1, с. 10–11], посвященной проявлениям тождества и сходства в близкородственных языках, описано явление, которое можно именовать парадоксальным соотношением внешней и внутренней форм слова. Этот феномен заключается в том, что лексический состав современных русского и белорусского языков неодинаков, но в качестве ВФ некоторых белорусских слов выступают слова, отсутствующие в современном белорусском языке, которые, однако, есть в русском. Например, бел. *сцялежыць, сцялежыцца, сцялежваць, сцялежвацца* ‘сорвать с передка телегу’ формально соотносятся не с белорусским наименованием телеги – словом *калёсы*, а с его русским эквивалентом.

Рассматривая ВФ в сопоставительном аспекте, также часто отмечают, что «один и тот же объект может быть по-иному “увиден” представителями разных лингвокультурных сообществ» [2, с. 4], и это становится причиной различия ВФ наименований данного объекта в разных языках. Такое своеобразное видение выражается в том, что для создания лексической номинации необходимо вычленив характеристику объекта, благодаря которой он получит название. Каждый предмет или явление обладает потенциально неисчислимым количеством признаков, и лишь один из них используется для наименования, причем его выбор часто случаен. Поэтому совпадение признака номинации у наименований одних и тех же объектов действительности в различных языках возможно, но не обязательно, что обуславливает существование семантических коррелятов с различной ВФ даже в пределах одного и того же языка [3, с. 115].

В исследованиях, посвященных анализу ВФ в сопоставительном и описательном аспектах, разница во ВФ связывается с признаком, положенным в основу наименования, предлагаются классификации признаков, характеризующих лексику отдельных лексико-семантических групп [4–6]. Актуальность данной работы состоит в том, что в ней представлено развернутое описание конкретных проявлений различия ВФ. В качестве причин различия ВФ семантических коррелятов предлагается рассматривать не только выбор одного из многочисленных признаков именуемого объекта, но и действие разных когнитивных механизмов при образовании номинации, а также различную, обусловленную собственно лингвистическими причинами вербализацию сходного признака.

При поверхностном взгляде на проблему можно прийти к выводу, что различие ВФ семантических коррелятов является следствием исключительно выбора того или иного признака – основы новой номинации. В паре рус. *пластинка* – бел. *кружэлка* ‘диск со звуковой записью для проигрывания’ это действительно так: русский коррелят отмечает признак **форма** (ВФ – *пластинка*), а белорусский – признак **действие** (ВФ – *кружыцца*). Однако анализ большого объема фактического материала вскрывает и другие случаи. Например, и в русском, и в белорусском языках существует отдельное наименование для курицы, которая высиживает яйца или уже водит цыплят. Поскольку курица сидит на яйцах, по-русски она именуется *наседкой*. Белорусский эквивалент – *квактуха* – отмечает другую особенность в поведении кур: обычно они ведут себя спокойно и начинают кудахтать, отложив яйцо или подзывая

к себе цыплят. Разница во ВФ этих слов очевидна, хотя наименования основаны на одном и том же признаке – **действии**.

В ономасиологии, исследующей структуру мотивированного слова с точки зрения того, какие ономасиологические признаки приписываются тому или иному ономасиологическому базису, под базисом понимают «базовые категории человеческого опыта – действие, носитель признака и т. п.» [7, с. 41] (в конкретных работах базисы могут конкретизироваться), а об ономасиологическом признаке закрепилось четкое представление как о «понятии, которое так или иначе уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его, или конкретизируя, или модифицируя основу наименования (то есть ономасиологический базис)» [8, с. 265]. Воспользуемся иллюстрацией из диссертационного исследования Л. В. Сосниной, где ономасиологическая модель сложного наименования цвета *нежно-розовый* описана следующим образом: ономасиологическому базису **колоратив** (цвет) приписываются ономасиологические признаки **колоратив** и **интенсив**, т. е. цвет обозначен через субъективную оценку его зрительного восприятия и указание на количественное проявление этой характеристики. Ономасиологическая модель строится по принципу «что называется через что», тот же принцип актуален и для выделения ВФ слова. Однако для ономасиологии оказывается важным вычленение регулярных ономасиологических моделей, она работает с довольно абстрактными ономасиологическими признаками (например, **фабрикатив** – ономасиологический признак, указывающий на материал, вещество, из которого сделан или состоит предмет; **локатив** – ономасиологический признак, указывающий на местонахождение в пространстве). Таким образом, и рус. *наседка*, и бел. *квактуха* оказываются абсолютно идентичными с точки зрения их ономасиологической структуры: ономасиологическому базису **животное** приписывается один и тот же ономасиологический признак **действие**.

При исследовании же ВФ, в особенности различных ВФ семантических коррелятов, акцент необходимо переместить с абстрактных моделей и признаков на конкретные особенности именуемых объектов, чтобы, несмотря на совпадения ономасиологического признака, случаи вроде рус. *наседка* – бел. *квактуха* были проанализированы в рамках изучения этого вопроса. Поэтому в данной работе анализ ВФ осуществляется без апелляции к понятию «признак». Вместо него используется понятие «характеристика», которое, обладая значением ‘характерное свойство, черта объекта’, снимает нежелательную омонимию с понятием «ономасиологический признак». Выбор одной и той же характеристики для наименования объекта в разных языках демонстрирует общий номинативный замысел: сходное направление мысли носителей этих языков при номинации данного объекта, а выбор характеристик – разный. Причем и в том и в другом случае ВФ семантических коррелятов могут различаться.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных проявлений различия ВФ семантических коррелятов, необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Во-первых, поскольку в данной статье речь идет о наименованиях как предметов и живых существ, так и процессов, явлений, качеств и в большинстве случаев нет необходимости в их дифференциации, далее для их обобщающего наименования будет использовано слово «объект».

Во-вторых, лексические системы всех языков уникальны и наличие лексических лагун в одном языке на фоне другого – естественное явление. Основной массив материала, на базе которого был рассмотрен вопрос о проявлении различий ВФ, – русско-белорусские и белорусско-русские пары семантических коррелятов, оба компонента которых – цельнооформленные наименования (мотивированные слова). Однако случаи лексических лагун (пары, один из членов которых представляет собой цельнооформленное наименование, а другой – раздельнооформленное: бел. *кутнік* – рус. *коренной зуб*) также включены в материал исследования, так как раздельнооформленные наименования в таких ситуациях являются единственным адекватным переводным эквивалентом цельнооформленных наименований и игнорирование лексических лагун не позволило бы в полной мере описать все случаи проявления различной ВФ в сопоставляемых языках (подробнее см. о лексических лагунах в русском и белорусском языках в работах И. С. Ровдо [9; 10]).

В-третьих, вариативный характер языка предполагает, что в каждом конкретном языке может существовать несколько способов для лексической номинации одного и того же объекта. Например, в русском языке для обозначения куска хлеба, отрезанного от непочатого края, используются такие слова, как *горбушка* и *краюха*, а в белорусском – *акраец*. Очевидно, что ВФ рус. *краюха* и бел. *акраец* совпадают. Однако в белорусском языке нет названия такого куска хлеба, которое было бы связано со словом *горб*. Следовательно, подобные случаи также рассматриваются нами в качестве иллюстраций различия ВФ.

Источником материала для исследования послужили академические русско-белорусский и белорусско-русский словари¹, из которых методом сплошной выборки были извлечены пары семантических

¹Русско-белорусский словарь / под ред. А. А. Лукашанца; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т яз. и лит. им. Я. Коласа и Я. Купалы. 10-е изд., перераб. и доп. Минск: Беларус. энцыкл., 2012. Т. 1–3; Беларуско-рускі слоўнік: у 3 т. / пад рэд. А. А. Лукашанца; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. 4-е выд., перапрац. і дап. Мінск: Беларус. энцыкл., 2012. Т. 1–3.

коррелятов, демонстрирующие разницу во ВФ. Пары, один из компонентов которых представлен диалектным словом, находятся за пределами материала исследования. Значение слов указано по изданиям «Малый академический словарь русского языка» и «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы»².

В данной работе ВФ рассматривается исключительно в синхронном аспекте: как наименование А (*играть*), имеющее формальное выражение в структуре слова В (*игрушка*), при этом связь между объектами, именуемыми словом А и словом В, лежит в основе наименования В (*игрушка* – предмет, с которым *играют*) и осознается носителями языка на современном этапе его развития. Поэтому и семантические сдвиги, и переносы, и структурная деривация описываются нами на основании тех связей, которые существуют в современном русском и белорусском языках, без учета реальной динамики этих процессов в ходе развития языка. В связи с этим мы лишь условно говорим о создании номинации, имея в виду то, какие характеристики объекта воспринимаются современными носителями языков как источники его наименования.

Многообразие характеристик одного и того же объекта и свобода выбора любой из них в качестве основы для нового наименования порождают ситуации, когда носители разных языков выбирают неодинаковые характеристики предмета, что становится источником наиболее заметной разницы во ВФ семантических коррелятов. Например, в качестве семантических эквивалентов рус. *пастись* выступают бел. *пасвіцца* и *хадзіць* ‘быть, находиться на подножном корму’. Несходными по ВФ являются рус. *пастись* (ВФ – *пасты* ‘присматривать за скотом и птицей во время выгона на подножный корм’) и бел. *хадзіць* (ВФ – ‘перамяшчацца, ступаючы нагамі, робячы крокі’), поскольку русский коррелят запечатлел то, что домашний скот, питаясь под открытым небом, находится под присмотром, а белорусский отметил, что животные, когда пасутся, в отличие от питания в стойле, находятся в движении во время еды.

Разница во ВФ семантических коррелятов может возникнуть даже в том случае, когда название в русском и белорусском языках дано на основании одной и той же характеристики объекта. Во-первых, как отмечает Б. А. Серебренников, отсутствие единой ВФ в языках мира объясняется тем, что у разных индивидов – инициаторов создания новой номинативной единицы – ассоциации между именуемым и уже имеющим в языке название явлениями случайны, произвольны [11, с. 207]. Это обусловлено тем, что, помимо установления прямых ассоциаций, отражающих реальные, очевидные связи между объектами (бел. *вярышкі* – *верх*: сливки при их сбивании действительно остаются наверху), при наименовании объекта, а значит, и при некотором его познании действуют такие универсальные логические механизмы, как аналогия, дедукция и индукция. Во-вторых, создание всякой мотивированной номинации обязательно требует наличия в языке номинации, которая выступит для нее в качестве мотивирующей. В-третьих, детализация объектов путем их наименования может быть различной в отдельных языках, вследствие чего слова, выступающие как семантические корреляты, не всегда равны друг другу по объему значения. Таким образом, создание мотивированной номинации предполагает не только действие когнитивных процессов, но и опору на уже имеющийся в языке лексический материал, а также на актуальные словообразовательные модели. В связи с этим различие во ВФ семантических коррелятов определяется как различным видением объекта номинации, так и реальным составом элементов лексической системы и деривационными возможностями каждого конкретного языка в момент создания номинации. На материале русской и белорусской глагольной и субстантивной лексики рассмотрим подробнее, как при общем номинативном замысле, когда в качестве основы для наименования объекта в сопоставляемых языках была выбрана одна и та же характеристика, реализуется разница во ВФ семантических коррелятов.

Прежде всего отметим, что среди семантических коррелятов русского и белорусского языков встречаются семантически разнообъемные, у которых наблюдается неполное соответствие денотативного значения. Если эта разница отражается в их ВФ, которая накладывает некоторые ограничения на объем значения мотивированных единиц, то их ВФ различаются. Эту особенность можно наблюдать, например, в парах, члены которых вступают между собой в гиперо-гипонимические отношения. Например, наиболее адекватным переводом для рус. *сластена* представляется бел. *ласун*. Причем данные семантические корреляты демонстрируют значительное расхождение в семантике. Если *ласун* (ВФ – *ласавання* ‘есці што-н. смачнае, любімае’) – это ‘той, кто любит паласавацца’ без указания на конкретные предпочтения в еде, то *сластена* (ВФ – *сласть*) предпочитает именно сладкое. При этом в белорусском языке нет более точного соответствия рус. *сластена*, чем лексема *ласун*. В одной ситуации денотат этих слов совпадает, в другой – нет. Человека, который любит мед, допустимо по-белорусски назвать *ласуном*, а по-русски – *сластеной*. В то же время, если человек любит холодец, по-белорусски его можно

²Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 18.02.2020) ; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. Крапівы ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. Т. 1–5.

назвать *ласуном*, а *сластеной* по-русски – недопустимо. Таким образом, разница ВФ указанных слов обусловлена тем, что данные **корреляты семантически разнообъемны и это запечатлено в их ВФ**.

В случае если русский и белорусский семантические корреляты имеют одинаковое денотативное значение, роль в формировании различия их ВФ играет и выбор механизмов мотивации деривата, в которых находят свое выражение механизмы познания окружающей действительности. Для анализа структурных дериватов воспользуемся классификацией типов мотивированности, предложенной И. А. Ширшовым [12], дополнив ее типами мотивации, выделенными О. П. Ермаковой и Е. А. Земской [13]. Поскольку мотивация и мотивированность соотносятся как процесс и результат, будем использовать оба термина и именовать дериват, полученный, например, в результате действия периферийной мотивации, периферийно мотивированным. Так как ВФ присуща как структурным, так и семантическим дериватам и в основе создания тех и других лежат единые механизмы познания окружающей действительности, а разница состоит лишь в использовании/неиспользовании аффиксов при создании новой номинации, предлагаем выделить общие для структурных и семантических дериватов типы ВФ. Для этого разделим ВФ на метонимические и метафорические [14, с. 16]. Метонимическая ВФ отображает фактическую характеристику, действительно свойственную именуемой реалии, поскольку метонимия представляет собой сдвиг фокуса внимания при концептуализации конкретной ситуации, который «основан на существовании в сознании прочных ассоциативных связей между событием, явлением и его участниками или иными характеристиками, т. е. связей по смежности» [15, с. 142]. Слова с метонимической ВФ объединяют семантические дериваты, основанные на метонимическом переносе (бел. *футра* ‘зімовая вопратка з вырабленых шкур пушнаго звера’ с ВФ *футра* ‘вырабленая шкура пушнаго звера’), и структурные дериваты с прямой мотивированностью, т. е. такие дериваты, у которых наблюдается «полное вхождение значения производящего в значение производного, причем в производном оно включает в себя весь объем значения их мотивирующих и формирует ядро лексического значения» [12, с. 47] (рус. *добряк* ‘очень добрый человек’). В метафоре же, в отличие от метонимии, «находит свое выражение основная когнитивная способность человека мыслить об одной сфере жизненного опыта или области знания в образах другой, осваивать новое, опираясь на уже хорошо известное, на аналогию» [15, с. 138]. Метафорическая ВФ присуща семантическим дериватам, основанным на метафоре (рус. *кубышка* ‘полный малорослый человек, чаще женщина’ с ВФ *кубышка* ‘глиняный сосуд с узким горлом и широкими выпуклыми боками’), и структурным дериватам с метафорической мотивированностью (рус. *дрема* ‘растение, преимущественно семейства гвоздичных, с поникшими цветками’ с ВФ *дремать*). Анализ реальных механизмов мотивации вынуждает нас разделить ВФ, основанную на синекдохе, от метонимической ВФ, поскольку, несмотря на то что синекдоха так же, как и метонимия, отражает реальные связи между объектами, эти связи особого характера, базирующиеся на родо-видовых, количественных отношениях между объектами. ВФ, основанной на синекдохе, обладают структурные дериваты с периферийной и конденсированной мотивированностью, а также семантические дериваты, полученные в результате семантического сдвига.

Одним из факторов различия ВФ семантических коррелятов при условии совпадения характеристики, выбранной в качестве основы наименования, является **несовпадение типа их ВФ**. Различие ВФ наблюдается у членов пар, которые можно отнести к нескольким моделям.

1. Метонимическая ВФ – метафорическая ВФ. Поскольку метафора основана на аналогии, дериваты с метафорической ВФ являются той зоной лексической системы, где разница между ВФ семантических коррелятов наиболее вероятна в силу того, что объекты, находящиеся в связи с именуемой реалией, на основе названий которых создается новое наименование с метонимической ВФ, обозримы. Выбор объектов, которые могут быть сопоставлены с именуемой реалией по сходству, непредсказуем. Особенно это заметно, если основой для метафорического переноса становится периферийная сема. В белорусском языке есть слово *прасмаліць* ‘хутка прайсці, праехаць, прамчацца’. В русском языке ему соответствует глагол *промчаться* ‘мчась, проехать, пробежать’. ВФ белорусского эквивалента является глагол *прасмаліць* ‘прапаліць чым-н. наскрозь’, а ВФ русского – глагол *мчаться* ‘передвигаться с большой скоростью’. Значение данного глагола предполагает наличие некоторой статичной точки, относительно которой происходит данное стремительное движение. Например, промчаться можно сквозь, через что-либо или мимо кого-, чего-либо. Хотя данная глагольная валентность в конкретных предложениях реализуется не всегда, предполагается, что при отсутствии указания на объект, относительно которого происходит движение, наблюдающий данное действие является той статичной точкой, относительно которой происходит движение. Если ВФ русского коррелята подчеркивает стремительность данного действия, то ВФ белорусского семантического деривата, основанного на метафоре, как раз отмечает сему, связанную с преодолением, движением сквозь что-либо или относительно некоторой статичной точки.

2. Метонимическая ВФ – ВФ, основанная на синекдохе. Так как синекдоха предполагает развитие значения как от частного к общему, так и наоборот, выделим два подтипа в данной модели: метонимическая ВФ – ВФ, основанная на генерализации; метонимическая ВФ – ВФ, основанная на специализации.

Основанная на генерализации ВФ свойственна семантическим дериватам, базирующимся на генерализации, и структурным дериватам с периферийной мотивированностью. Генерализация представляет собой такой семантический сдвиг, который характеризуется увеличением объема сигнификата. Например, бел. *шараваць* на основе значения ‘чысцячы, церці’ развило значение ‘церці паверхняй аднаго прадмета аб паверхню другога’. Периферийная мотивированность проявляется в том, что значение мотивирующего слова составляет лишь периферию семантического объема мотивированного. Например, рус. *горшечник* обозначает мастера, который делает глиняную посуду, а не человека, связанного с производством только горшков. Поэтому в ряде случаев разница во ВФ семантических коррелятов, один из которых – дериват с метонимической ВФ, а другой – с основанной на генерализации ВФ, очевидна, однако обусловлена не столько разницей в «видении мира», сколько выбором в одном языке в качестве мотивирующего слова наименования того предмета (явления), которое представляет собой частный, факультативный случай проявления характеристики именуемого объекта, притом что в другом языке мотивирующим словом избрано то, семантика которого составляет ядро семантики мотивированного. Например, члены пары рус. *толстосум* – бел. *багач* абсолютно эквивалентны семантически, однако русский коррелят на современном этапе развития языка может быть расценен как дериват с периферийной мотивированностью, поскольку толстые сумки не являются обязательным атрибутом богачей.

При специализации ВФ происходит «сокращение объема сигнификата слова: слово, обозначающее целую категорию, в результате сдвига значения начинает номинировать подкатеорию. Исходное и производное значения находятся в родо-видовых отношениях» [16, с. 102]. Белорусское слово *тупаць* на базе значения ‘стукаць, біць нагой аб зямлю, падлогу’ сформировало значение ‘біць капытамі аб зямлю’. Те же отношения складываются между дериватами с конденсированной мотивированностью и их мотивирующими. Конденсированную мотивацию среди прочих ее типов выделяют О. П. Ермакова и Е. А. Земская. От прямой мотивации конденсированная отличается тем, что мотивирующим для деривата выступает прямое значение базового слова, но в составе деривата оно включает в себя дополнительный – чаще всего ограничительный или характеризующий – компонент (*ославити* ‘распространить дурную славу’; *беспринципный* ‘без **высоких** моральных принципов’) [13, с. 106]. Как видно из примеров, особенностью дериватов, основанных на конденсированной мотивации, является то, что их ВФ (*слава* и *принцип*) не содержит указания на этот ограничительный или характеризующий компонент и потенциально позволяет слову иметь значение более широкое, чем то, которое за ним закреплено в действительности (**ославити* ‘распространить славу (любую)’; **беспринципный* ‘без принципов (любых)’). ВФ дериватов, связанных с их мотивирующими отношениями прямой мотивации, наоборот, указывает на ограничительный, характеризующий компонент в значении слова (*рыбак* ‘тот, кто занимается ловлей рыбы (и только рыбы, а не животных вообще) как промыслом’). Таким образом, причиной различия ВФ семантических коррелятов в сопоставляемых языках при условии, что они оба вербализуют одну и ту же характеристику именуемого объекта, может быть то, что структурной основой деривата в одном из языков стало слово, обозначающее ограничительный, характеризующий компонент значения (отношения конденсированной мотивации), а в другом – слово, значение которого не выступает в качестве ограничительного или характеризующего компонента значения деривата (отношения прямой мотивации). Сопоставим члены пары рус. *свекловица* – бел. *цукровыя буракі* ‘сорт свеклы, из корней которой получают сахар’. Русский коррелят находится с собственным мотивирующим в отношениях конденсированной мотивации, поскольку в структуре слова *свекловица* нет формального указания на то, какой именно из возможных сортов свеклы (столовой, кормовой, сахарной, листовой) оно называет. Белорусский раздельнооформленный коррелят *цукровыя буракі*, аналогичный русскому *сахарная свекла*, напротив, однозначно указывает на сорт. Следовательно, разница ВФ у членов пары рус. *свекловица* – бел. *цукровыя буракі* обусловлена не фиксацией различных характеристик обозначаемого объекта, а исключительно тем, что в русском языке возможно назвать вид свеклы, предназначенной для добычи сахара, через родовое наименование (*свекла*), а в белорусском языке указание на видовой признак обязательно.

Различие во ВФ может наблюдаться даже у членов пар семантических коррелятов, которые обладают **идентичным типом ВФ**.

1. Метафорическая ВФ – метафорическая ВФ. При создании деривата, основанного на метафоре или синекдохе, число объектов, которые могут быть восприняты как объекты, похожие на именуемый,

или объекты, связь именуемого объекта с которыми устанавливается по модели *род – вид* или *вид – род*, велико. Поэтому выбор одного и того же объекта, название которого станет материальной основой для нового наименования, маловероятен. Это порождает разницу ВФ даже среди тех семантических коррелятов русского и белорусского языков, которые, во-первых, обладают общностью номинативного замысла, отмечают общую характеристику именуемого объекта, во-вторых, обладают идентичным денотативным значением, в-третьих, абсолютно идентичны по типу мотивации. Например, складка брюшины, охватывающая и поддерживающая внутренности в полости тела, по-русски называется *брыжейка*, а по-белорусски – *чапец*. Оба слова обладают метафорической ВФ (рус. *брыжи* ‘воротник или выпуск на груди в виде оборок’, бел. *чапец* ‘лёгкі галаўны ўбор у выглядзе шапачкі, які раней насілі замужнія жанчыны’), которая намекает на внешний вид брюшины, причем в белорусском языке метафорический перенос осуществлен на базе наименования предмета, который часто, однако не всегда имеет оборки.

2. ВФ, основанная на синекдохе – ВФ, основанная на синекдохе. Проиллюстрировать данную модель можно следующим образом. Оба члена пары рус. *хворостина* ‘длинный прут, ветка’ (ВФ – *хворост*) – бел. *дубец* ‘тонкі гібкі прут; розга’ (ВФ – *дуб*) указывают на то, что называемый предмет деревянный. Разница во ВФ коррелятов создается исключительно за счет их периферийной мотивированности, поскольку хворостина может быть из ветки любого дерева, не только дуба. Кроме того, хворостина бывает высушенной и свежей, отломанной и отпавшей самостоятельно, в отличие от хвороста, который представляет собой сухие отпавшие ветви.

3. Метонимическая ВФ – метонимическая ВФ. У семантических коррелятов данной модели даже при условии, что они обладают общностью номинативного замысла и идентичным денотативным значением, ВФ может отличаться. Разница во ВФ семантических коррелятов может стать результатом различной вербализации сходного видения мира, что возможно благодаря вариативному характеру языка, поскольку в языке, а тем более в речи существует, как правило, несколько слов, объединенных одной интегральной семой и использующихся для наименования одного и того же денотата. В этом случае семантические корреляты обоих языков отмечают одну и ту же характеристику именуемого объекта, однако их ВФ не являются буквальным переводом друг друга. К конкретным проявлениям различной вербализации одной и той же характеристики семантическими коррелятами белорусского и русского языков можно отнести мотивацию синонимами и мотивацию антонимами.

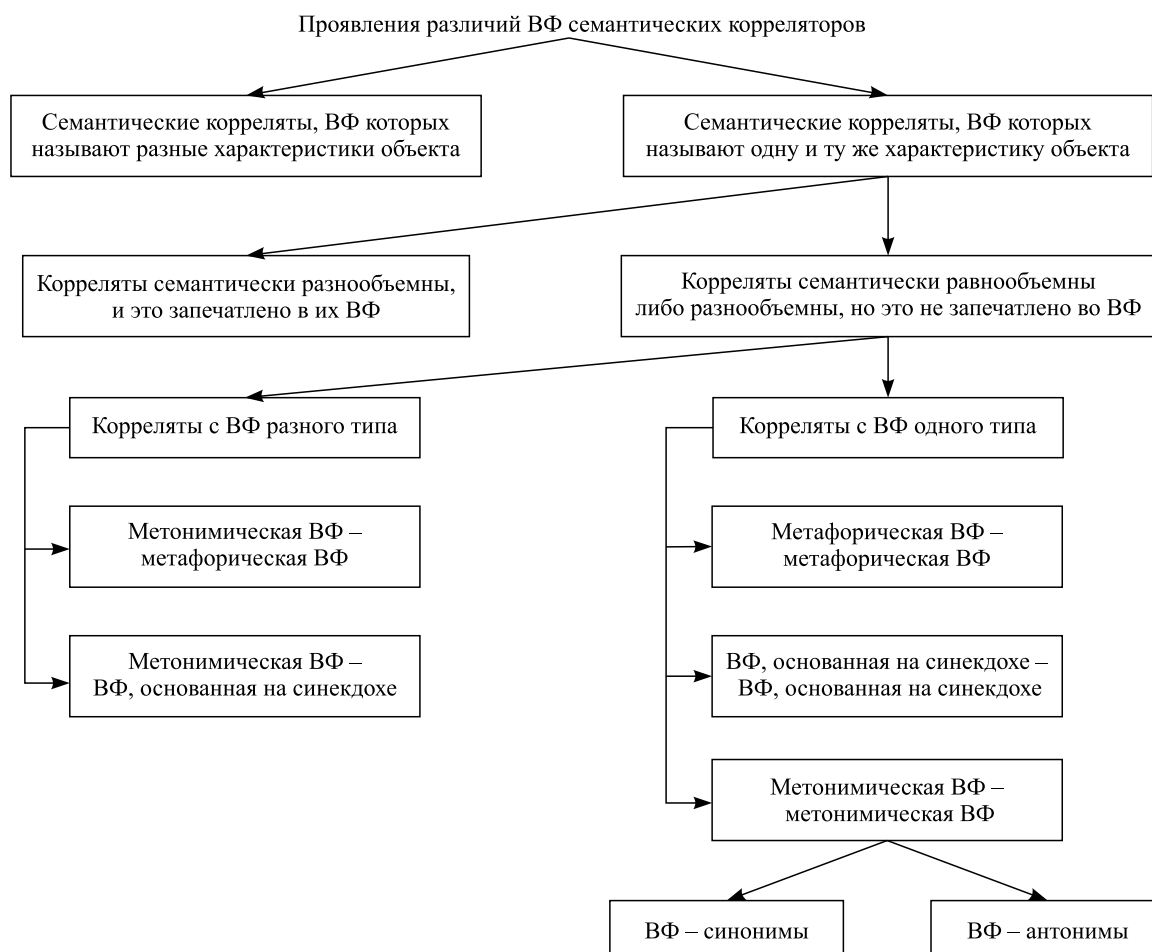
Мотивация синонимами. Вариативный характер языка и речи позволяет именовать одни и те же реалии по-разному, что выражается в узуальной и контекстуальной синонимии. Лексические системы русского и белорусского языков обладают значительным числом синонимов, фиксируемых словарями (узуальных синонимов). В конкретной ситуации происходит сближение значений слов, которые вне данного контекста синонимами не являются (контекстуальные синонимы). Такое многообразие планов выражения сходного содержания позволяет носителю каждого из названных языков именовать явление, т. е. создавать семантический или структурный дериват, с опорой на любой существующий синоним. В подобных случаях ВФ белорусского коррелята не является буквальным переводом ВФ русского коррелята и наоборот, а обе ВФ находятся между собой в синонимических отношениях. О таком типе различия ВФ на материале славянских языков упоминают О. П. Ермакова и Е. А. Земская [17, с. 524]. Рассмотрим указанный тип различия ВФ на базе русского и белорусского семантических коррелятов, ВФ которых являются контекстуальными синонимами. В белорусском языке для обозначения теленка, которому уже исполнился год, используется существительное *пярэзімак* (ВФ – *перазімаваць* ‘пражыць, перабыць зіму’). В русском языке есть глагол *перезимовать* с аналогичным значением, однако на его базе не сформировалось слово, именующее годовалое домашнее животное. В качестве семантического коррелята бел. *пярэзімак* в русском языке выступает раздельнооформленное наименование *годовалый теленок*. Без учета особенностей жизни телят может показаться, что белорусская и русская номинации указывают на различные, не связанные между собой характеристики телят. Однако, поскольку телята рождаются в конце февраля – начале марта, год им исполняется в конце следующей зимы, т. е. ровно тогда, когда они перезимуют. Следовательно, члены пар бел. *перазімаваць* – *быць ва ўзросце аднаго года* и рус. *перезимовать* – *быть в возрасте одного года* не являются синонимами: белорусский глагол *перазімаваць* не переводится на русский язык как ‘быть в возрасте одного года’. Однако, если речь идет о телятах, семантически некоррелятивные *перазімаваць* и *быть в возрасте одного года* оказываются семантически тождественными. Следовательно, в примере бел. *пярэзімак* – рус. *годовалый теленок* разница во ВФ русского и белорусского коррелятов обусловлена выбором не разных характеристик именуемого объекта, а разных явлений, через название которых можно передать одну и ту же характеристику.

Мотивация антонимами. Фиксация одной и той же характеристики именуемого объекта при помощи разных ее названий характерна и для тех пар семантических коррелятов, ВФ которых состоят

между собой в антонимических отношениях. Поскольку в структуре одного из компонентов такой пары просматривается отрицание, указание на неполноту либо отсутствие некоторой характеристики (при помощи префиксов *не-*, *без-*, *недо-*), и русский, и белорусский корреляты, базируясь на словах с антонимичным значением, называют одно и то же явление. Например, в качестве перевода русского слова *недоумок* (ВФ – *ум*) в словаре выступает белорусское слово *прыдурак* (ВФ – *дурны* ‘разумова абмежаваны, тупы; неразумны’). Точным переводом рус. *ум* является бел. *розум*, однако в белорусском языке на его основе не образовалось слово со значением ‘придурковатый человек’. Напротив, в белорусском языке слово с таким значением образовалось на базе слова *дурны*, которое, если не брать в расчет его частеречную принадлежность, можно рассматривать в качестве антонима к слову *розум* – точному переводу рус. *ум*. Как русский, так и белорусский семантический коррелят указывают на умственную ограниченность именуемого человека, только белорусский делает это через прилагательное с таким же значением, а русский – через указание на недостаток ума у такого человека. Следовательно, внутренние формы, значения которых антонимичны, при условии что одна из них отрицается, принадлежат семантически эквивалентным словам.

Таким образом, всякий дериват имеет ВФ определенного типа – метафорическую, метонимическую, основанную на синекдохе. Однако, если между семантическими коррелятами наблюдается разница во ВФ и при этом корреляты подчеркивают разные характеристики объекта, типом ВФ каждого из них можно пренебречь, поскольку очевидной оказывается разница ВФ именно в силу выбора различной характеристики как основы наименования. То же справедливо и для коррелятов с различным семантическим объемом, ВФ которых запечатлела это на формальном уровне. В случае если ВФ семантических коррелятов различаются, но при этом они основаны на одной и той же характеристике и их корреляты семантически равнообъемны, разница ВФ проявляется как у семантических коррелятов с разным типом ВФ, так и у коррелятов с одинаковым типом ВФ и связана с сохранением во ВФ результатов действия различных познавательных механизмов и выбором одной из схожих по семантике номинативных единиц в качестве материальной основы нового наименования.

Данную информацию удобно представить в виде схемы.

Описанные нами проявления различия ВФ не являются причинами различия ВФ семантических коррелятов, а представляют собой лишь возможные реализации этого различия. Однако учет проявления различия ВФ позволяет увидеть истинные причины разницы во ВФ семантических коррелятов в разных языках. Главная причина состоит в континуальности мира и фактической невозможности языка передать ее на уровне лексической единицы: ВФ слова и даже словосочетания не может вобрать в себя все те связи, которые существуют у объекта с другими объектами реальности. Дискретность мышления, действие различных механизмов познания и вариативность языка решают эту проблему, в результате чего семантические корреляты могут демонстрировать различия во ВФ. Во-первых, созданию номинации предшествует выделение денотата из окружающей действительности. Существование разнообъемных семантических коррелятов свидетельствует о том, что денотаты, выделенные носителями одного языка, не всегда выделяются носителями другого языка (по крайней мере, не получают в нем отдельного наименования). Поэтому некоторые семантические корреляты даже на уровне денотативного значения оказываются лишь относительно коррелятивны. Во-вторых, при создании мотивированного слова человек именуемый вынужден выбирать некоторую характеристику объекта, чтобы его именовать. В-третьих, становится это осмысленным или подсознательным действием, человек выбирает объект, который так или иначе связан с именуемым, на основании той характеристики, которая будет положена в основу наименования. В-четвертых, необходимо выбрать одно из уже существующих названий того объекта, с которым человек наблюдает связь именуемого объекта. Безусловно, в акте номинации эти процессы неразделимы, однако анализ результатов их действия, т. е. сопоставление ВФ семантических коррелятов, приводит к выводу, что данные процессы действуют и определяют все многообразие ВФ в сопоставляемых языках.

Библиографические ссылки

1. Ровдо ИС. О тождестве и сходстве в близкородственных языках. В: *Русский язык: система и функционирование. Материалы VIII Международной научной конференции; 16–17 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 8–14.
2. Богданова ЛИ. Внутренняя форма слова в аспекте универсального и специфического. В: *Универсальное и национальное в языковой картине мира. Материалы Международной научной конференции; 2–3 октября 2015 г.; Минск, Беларусь*. Минск: МГЛУ; 2016. с. 4–7.
3. Плотников БА. *О форме и содержании в языке*. Минск: Высшая школа; 1989. 252 с.
4. Зайнетдинова ИР. *Анализ внутренней формы наименований лица в английском и французском языках* [диссертация]. Уфа: БашГУ; 2004. 163 с.
5. Сагитова АФ. *Внутренняя форма слова как результат когнитивно-оценочной деятельности человека* [диссертация]. Уфа: БашГУ; 2008. 244 с.
6. Блинова ОИ. *Явление мотивации слов: лексикологический аспект*. Москва: Книжный дом «Либроком»; 2017. 208 с.
7. Соснина ЛВ. *Адъективные композиты русского языка: структурный и ономазиологический аспекты* [диссертация]. Донецк: Донецкий национальный технический университет; 2017. 272 с.
8. Кубрякова НС. Теория номинации и словообразование. В: Серебренников БА, Уфимцева АА, редакторы. *Языковая номинация. Виды наименований*. Москва: Наука; 1977. с. 222–304.
9. Ровдо ИС. Лексические лакуны и средства их заполнения. *Русский язык*. 1991;11:3–8.
10. Роўда ІС. *Рознаўзроўневая намінацыйная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакунаў)*. Мінск: БДУ, 1999. 170 с.
11. Серебренников БА. Роль человеческого фактора в языке. *Язык и мышление*. Москва: Наука; 1988. 242 с.
12. Шишов ИА. Типы словообразовательной мотивированности. *Филологические науки*. 1995;1:41–54.
13. Ермакова ОП, Земская ЕА. К уточнению отношений словообразовательной производности. *Russian linguistics*. 1991; 15:105–116. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02528352>.
14. Селігей П. Внутрішня форма слова: на шляху до створення єдиної теорії. В: Франчук В, редактор. *Наукова спадщина О. О. Потебні в контексті сучасності*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго; 2005. с. 15–22.
15. Козлова ЛА. Метафора и метонимия: сходства и различия. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011;4(029):137–144.
16. Лапшина МН. *Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка)* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 1996. 331 с.
17. Ермакова ОП, Земская ЕА. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова. *Известия академии наук СССР. Серия языка и литературы*. 1985;44-6:518–525.

References

1. Rovdo IS. [About identity and similarity in closely related languages]. In: *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchoy konferentsii; 16–17 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Russian: system and functioning. Proceedings of the VIII International scientific conference; 2019 October 16–17; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 8–14. Russian.
2. Bogdanova LI. [Inner form of a word in terms of universal and specific]. In: *Universal'noe i natsional'noe v yazykovoi kartine mira. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii; 2–3 oktyabrya 2015 g.; Minsk, Belarus'* [Universal and national in the language picture of the world. Proceedings of the International scientific conference; 2015 October 2–3; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2016. p. 4–7. Russian.

3. Plotnikov BA. *O forme i sodержanii v yazyke* [About the form and meaning in the language]. Minsk: Vysshaya shkola; 1989. 252 p. Russian.
4. Zainetdinova IR. *Analiz vnutrennei formy naimenovani litsa v angliiskom i frantsuzskom yazykakh* [Analysis of the inner form of person names in English and French] [dissertation]. Ufa: Bashkir State University; 2004. 163 p. Russian.
5. Sagitova AF. *Vnutrennyaya forma slova kak rezul'tat kognitivno-otsenочноi deyatel'nosti cheloveka* [The inner form of a word as a result of a person's cognitive assessment activity] [dissertation]. Ufa: Bashkir State University; 2008. 244 p. Russian.
6. Blinova OI. *Yavlenie motivatsii slov: leksikologicheskii aspekt* [The phenomenon of motivation of words: lexicological aspect]. Moscow: Book house «Librokom»; 2017. 208 p. Russian.
7. Sosnina LV. *Ad'ektivnye kompozity russkogo yazyka: strukturnyi i onomasiologicheskii aspekty* [Adjectival composites of the Russian language: structural and onomasiological aspects] [dissertation]. Donetsk: Donetsk National Technical University; 2017. 272 p. Russian.
8. Kubryakova NS. [The theory of nomination and word-formation]. In: Serebrennikov BA, Ufimtseva AA, editors. *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovani* [Language category. Types of names]. Moscow: Nauka; 1977. p. 222–304. Russian.
9. Rovdo IS. [Lexical gaps and means of filling them]. *Russkii yazyk*. 1991;11:3–8. Russian.
10. Rouda IS. *Roznawzrownevaja naminatywnaja adpavednasc' belaruskaj i ruskaj mow (u suvjazi z problemaj leksichnyh lakun)* [Multi-level nominative correspondence of the Belarusian and Russian languages (in relation to the problem of lexical gaps)]. Minsk: Belarusian State University; 1999. 170 c. Belarusian.
11. Serebrennikov BA. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The role of human factor in the language. The language and thinking]. Moscow: Nauka; 1988. 242 p. Russian.
12. Shirshov IA. [Word-formation motivation types]. *Filologicheskie nauki*. 1995;1:41–54. Russian.
13. Ermakova OP, Zemskaya EA. [About the relations of word-formation derivation]. *Russian linguistics*. 1991;15:105–116. Russian. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02528352>.
14. Seligei P. [The inner form of a word: on the way to creating a unified theory]. In: Franchuk V, editor. *Naukova spadshhina O. O. Potebni v konteksti suchasnosti* [Scientific heritage O. O. Potebny in the context of modernity]. Kyiv: Vydavnychyj dim Dmytra Burago; 2005. p. 15–22. Ukrainian.
15. Kozlova LA. Metaphor and metonymy: similarity and difference. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2011;4(029):137–144. Russian.
16. Lapshina MN. *Semanticheskaya derivatsiya v kognitivnom aspekte* [Semantical derivation in the cognitive aspect] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 1996. 331 p. Russian.
17. Ermakova OP, Zemskaya EA. [Comparative research of word-formation and inner form of a word]. *Izvestia nauk SSSR. Seriya yazyka i literatury*. 1985;44-6:518–525. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.06.2020.
Received by editorial board 01.06.2020.

МЕТОДИКА

МЕТОДЫКА

METHODOLOGY

УДК 811.111

ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОГО ЛЕКСИКОНА У СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

К. А. ТАЛЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описывается экспериментальная проверка результатов применения методики формирования иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода. Рассмотрено содержание процесса формирования иноязычного лексикона у студентов в контексте лингвокультурологического подхода, определены принципы реализации лингвокультурологического подхода, осуществлен отбор лингвокультурологического тезауруса, разработана система заданий для формирования у студентов иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода. Итоговая оценка результатов эксперимента позволяет заключить, что применение предложенной методики способствует повышению уровня сформированности иноязычного лексикона у студентов, развивает способность свободно ориентироваться в современном поликультурном мире. Результаты исследования могут быть использованы при написании учебных пособий, а также в лекционных курсах по методике обучения в процессе формирования иноязычного лексикона у студентов, изучающих не только английский, но и другие иностранные языки.

Ключевые слова: иноязычный лексикон; концепт; лингвокультурология; лингвокультурологический подход; социокультурная уместность; речевой этикет; межкультурная коммуникация; опытно-экспериментальная работа.

Образец цитирования:

Талейко КА. Опыт-но-экспериментальная работа по формированию иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода (английский язык). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;2:94–101.

For citation:

Taleika KA. Results of experimental work connected with the development of a foreign language lexicon among students on the basis of the linguo-cultural approach (English). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:94–101. Russian.

Автор:

Карина Анатольевна Талейко – преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений.

Author:

Karyna A. Taleika, lecturer at the department of English for economics, faculty of international relations.
carina-read1@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6027-8974>

ВЫНІКІ ДОСЛЕДНА-ЭКСПЕРЫМЕНТАЛЬНАЙ РАБОТЫ ПА ФАРМІРАВАННІ ІНШАМОЎНАГА ЛЕКСІКОНУ Ў СТУДЭНТАЎ НА АСНОВЕ ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНАГА ПАДЫХОДУ (АНГЛІЙСКАЯ МОВА)

К. А. ТАЛЕЙКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Апісваецца эксперыментальная праверка вынікаў прымянення метадыкі фарміравання іншамоўнага лексікону ў студэнтаў на аснове лінгвакультуралагічнага падыходу. Разгледжаны змест працэсу фарміравання іншамоўнага лексікону ў студэнтаў у кантэксце лінгвакультуралагічнага падыходу, вызначаны прынцыпы рэалізацыі лінгвакультуралагічнага падыходу, ажыццёўлены адбор лінгвакультуралагічнага тэзаўруса, распрацавана сістэма заданняў для фарміравання ў студэнтаў іншамоўнага лексікону на аснове лінгвакультуралагічнага падыходу. Ацэнка вынікаў эксперыменту дазваляе заключыць, што прымяненне прапанаванай метадыкі спрыяе павышэнню ўзроўню сфарміраванасці іншамоўнага лексікону ў студэнтаў, развівае здольнасць свабодна арыентавацца ў сучасным полікультурным свеце. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны пры напісанні вучэбных дапаможнікаў, а таксама ў лекцыйных курсах па метадыцы навучання ў працэсе фарміравання іншамоўнага лексікону ў студэнтаў, якія вывучаюць не толькі англійскую, але і іншыя замежныя мовы.

Ключавыя словы: іншамоўны лексікон; канцэпт; лінгвакультуралогія; лінгвакультуралагічны падыход; сацыякультурная дарэчнасць; маўленчы этыкет; міжкультурная камунікацыя; доследна-эксперыментальная праца.

RESULTS OF EXPERIMENTAL WORK CONNECTED WITH THE DEVELOPMENT OF A FOREIGN LANGUAGE LEXICON AMONG STUDENTS ON THE BASIS OF THE LINGUO-CULTURAL APPROACH (ENGLISH)

К. А. TALEIKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The experimental verification of the results of the methodology for the development of a foreign language lexicon (English) among students on the basis of the linguo-cultural approach is described. The process of the development of a foreign language lexicon among students on the basis of the linguo-cultural approach; principles of the linguo-cultural approach, selection of a linguo-cultural vocabulary, system of exercises and tasks used for the development of a foreign language lexicon among students on the basis of the linguo-cultural approach are revealed. The experiment results show us that the application of the proposed methodology enhances the effectiveness of the development of a foreign language lexicon among students; develops the ability to communicate effectively in the modern multicultural world. The results of the research can be used for textbooks as well as in lecture courses on teaching methodology during the process of the development of a foreign language lexicon among students not only in English, but also in other foreign languages.

Keywords: foreign language lexicon; concept; cultural linguistics; linguo-cultural approach; cultural and social consciousness; speech etiquette; cross-cultural communication; experimental work.

Введение

Накопленные теоретические знания о лексиконе как структуре и особенностях его формирования создают предпосылки для разработки новых методических подходов к формированию иноязычного лексикона. В настоящее время не существует достаточного количества разработанных методик, предполагающих приобщение обучаемого к иноязычной картине мира, поэтому студенты испытывают трудности лингвокультурологического характера, связанные с незнанием и непониманием другой культуры. Одним из важнейших условий подготовленности студента является наличие у него

сформированного лексикона, необходимого для общения в стандартных жизненных ситуациях, а этого возможно достичь с помощью тщательного отбора лексики, с одной стороны, и разработки комплекса упражнений для формирования иноязычного лексикона студента на основе лингвокультурологического подхода – с другой.

Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью разработки теоретического обоснования и практических рекомендаций, относящихся к вопросу формирования иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода при обучении иностранному языку, и отсутствием необходимой методической базы для организации образовательного процесса.

Объектом исследования является процесс формирования иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода, предмет исследования – соответствующая методика. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и разработке методики формирования иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода. В процессе исследования были решены следующие задачи: определены теоретические основы формирования иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода, определены принципы лингвокультурологического подхода, осуществлен отбор соответствующих лексических единиц, разработан комплекс лексических упражнений для формирования иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода.

Одним из первых понятие лексикона определил американский психолингвист Ч. Осгуд. Он рассматривает лексикон в числе важнейших механизмов когнитивной переработки информации, который связан с уровнем репрезентации и отвечает за перекодирование в двух направлениях: от воспринимаемых единиц – перцептов (перцептивных и языковых знаков) к значениям и от интенций к программе деятельности (языковой или иной). Уточняется, что лексикон – это скорее процесс, чем память хранения. То, что хранится в лексиконе, – очень большой набор связей между знаками (перцептами) и кодами семантических признаков [1, p. 92–93].

Исследователи А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский под лексиконом понимают индивидуальный словарный запас, репрезентации слов в долговременной памяти человека или хранилище слов в памяти человека, память слов и тому подобное без расшифровки того, что именно представляет собой слово в языковом (речевом) механизме индивида [2, с. 211].

По мнению Б. Ю. Нормана, весь лексикон распадается на некоторые глобальные смысловые сферы (типа «абстрактные отношения», «пространство», «материя», «интеллект», «эмоции» и т. д.). Эти сферы подразделяются на темы, те, в свою очередь, – на семантические группы и подгруппы и т. д. [3, с. 46–47].

Согласно подходу А. А. Залевской, лексикон представляет собой систему многоярусных пересекающихся семантических полей, где хранится информация о предметах, явлениях, их свойствах. Благодаря этим полям и формируется лексикон, что дает возможность пользоваться словом в языковой ситуации [4, с. 163].

Попытка отобразить наиболее общее толкование лексикона с позиций когнитивного подхода сделана Е. С. Кубряковой. Для обозначения понятия лексикона она использует понятие внутреннего, или ментального, лексикона и относит этот термин к той аналоговой системе, которая представляет собой вместилище всех сведений о языке и предназначена для хранения, упорядочения и обработки сведений о языке, почерпнутых из опыта или, возможно, врожденных [5, с. 379].

Познание человеком мира происходит благодаря способности приобретать знания, структурировать их и оперировать ими. Эти процессы выступают в качестве ступеней умственной деятельности, в результате которой человек способен создавать особые когнитивные структуры (концепты). Слово сопровождает понятия, знания, ассоциации и переживания. Смыслы, которыми оперирует человек в своей мыслительной деятельности и которые отражают его опыт и знания, хранятся в сознании в виде особых ментальных структур, получивших в когнитивной науке название концептов. Данный феномен рассматривается не только с точки зрения заключенной в нем ментальной информации о том или ином объекте (явлении) действительности, но и одновременно как единица культуры, поэтому изучение концептов в лингвокультурологическом аспекте важно для раскрытия их содержания.

Каждый язык является определенной системой концептов, посредством которой информация, поступающая из окружающего мира, классифицируется, структурируется, категоризируется и интерпретируется носителями того или иного языка. Главная роль концептов в мышлении – категоризация, позволяющая группировать объекты с определенными сходствами в соответствующие классы. В процессе восприятия мира человек судит об идентичности (схожести) одних предметов другим или же, напротив, об их различии, т. е. классифицирует явления, распределяет их по разным классам, разрядам, категориям. Категоризация упорядочивает, систематизирует и сортирует информацию, увиденную, прочитанную и услышанную человеком [5, с. 370].

Все слова в языке находятся в определенной зависимости друг от друга и входят в разнообразные системные группировки. Связывает слова и объединяет их в тематическое поле тема. Ситуативность и тематичность общения зачастую взаимосвязаны, поэтому создание коммуникативной ситуации при формировании лексикона является неотъемлемой частью процесса обучения студентов.

В последние десятилетия прошлого столетия в мире четко обозначилась необходимость ориентации на поликультурное образование, направленное на соизучение языков и культур. Данная тенденция предопределила интенсивную разработку и внедрение в практику обучения иностранному языку лингвокультурологического подхода.

Рассмотрим некоторые определения лингвокультурологии. Как считает В. Н. Телия, «лингвокультурология – достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [6, с. 122]. В. В. Красных определяет лингвокультурологию как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [7, с. 12]. В. В. Воробьев указывает, что «лингвокультурология – это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке» [8, с. 37]. В. А. Маслова представляет лингвокультурологию как отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которые закрепились в языке [9, с. 29].

В настоящее время лингвокультурологический подход считается одним из наиболее эффективных в методике обучения иностранным языкам, поскольку ориентирован на формирование иноязычного лексикона путем изучения языка как феномена культуры и позволяет «сформировать достаточно полную картину “иноязычной действительности” посредством исследования как языкового, так и внеязыкового содержания избранных для изучения сфер» [10, с. 7]. Основной целью реализации лингвокультурологического подхода в обучении иностранному языку является формирование личности как субъекта диалога культур (понятие «диалог культур» введено М. М. Бахтиным) [11, с. 334–335].

Теоретические основы исследования

Эффективность разработанной методики формирования иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода проверялась в ходе эксперимента, проводившегося на базе Белорусского государственного университета. Экспериментальная проверка ставила своей целью определить эффективность и целесообразность осуществления целенаправленной работы по формированию иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода с помощью комплекса упражнений, разработанного с учетом принципов отбора и организации лексического материала, принципов лингвокультурологического подхода.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, которая заключается в том, что формирование иноязычного лексикона будет происходить успешнее с учетом принципов лингвокультурологического подхода. В соответствии с целью эксперимента были определены следующие задачи:

- проверить гипотезу об эффективности лингвокультурологического подхода для формирования иноязычного лексикона;
- проверить эффективность формирования иноязычного лексикона при использовании разработанного комплекса упражнений;
- разработать методические рекомендации.

Для объективной проверки выдвинутой гипотезы был использован широкий комплекс исследовательских методов: изучение научной литературы и словарей по теме исследования, наблюдение, опрос, эксперимент, проведение срезов, измерение, сравнение, анализ и обработка данных, полученных опытным путем в целях выявления уровня овладения студентами новым лексическим материалом. Далее были определены принципы реализации лингвокультурологического подхода, способствующие формированию иноязычного лексикона у студентов для межкультурного общения: принципы тематической и полевой организации лексического материала, поэтапного формирования иноязычного лексикона, соизучения языка и культуры.

Отбор лексических единиц для лингвокультурологического словаря производился в несколько этапов. Сначала требовалось определить концепты в рамках тематического поля, затем организовать вокруг каждого концепта соответствующие ему лексические единицы по полемому принципу, после чего выделить лексические единицы с национально-культурным компонентом семантики и отнести их к указанным концептам. В соответствии с принципом тематической соотнесенности важно зафиксировать принадлежность лексических единиц, без которых невозможно общение по той или иной теме.

Так, например, по теме *Shopping* нами были отобраны концепты подтем *People in Shops* ‘Люди, которых можно встретить в магазине’, *Ways to Pay* ‘Способы оплаты’, *Shops* ‘Типы магазинов’, *Departments in Food Stores* ‘Отделы продуктовых магазинов’, *Clothes* ‘Одежда’, *Other Things* ‘Прочие товары’ и др. Для каждого концепта подтемы мы определили лексические единицы в соответствии с упомянутыми выше требованиями. Затем, следуя логике лингвокультурологического подхода к формированию лексикона, мы отобрали лексические единицы с национально-культурным компонентом семантики, к которым отнесли реалии, идиомы и речевой этикет.

Реалии – названия предметов или явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой. Некоторые исследователи относят к реалиям также пословицы, афоризмы и фразеологизмы. Под идиомами часто понимают фразеологические сращения, существующие в каждом языке и служащие для усиления его эстетической окраски. В. А. Маслова, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский и Ю. П. Солодуб, рассматривая культурную специфику идиом, пришли к выводу, что показателем культурной специфичности плана содержания идиом является их образная составляющая [9, с. 35, 44; 12, с. 27; 13, с. 58–59]. В идиомах отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Идиомы представляют собой устойчивые выражения, значения которых почти невозможно понять при дословном переводе, например, идиомы по теме *Shopping: black Friday* ‘черная пятница’, *yard sale / garage sale* ‘распродажа вещей во дворе’, *a hard sell* ‘неликвидный товар’, *to buy a lemon* ‘совершить неудачную покупку’, *to buy a pig in a poke* ‘купить не глядя’, *the drinks are on me* ‘напитки за мой счет’.

При отборе лексических единиц с национально-культурным компонентом важную роль играет еще и знание речевого этикета страны изучаемого языка. Английский речевой этикет имеет давние традиции, и любое отклонение от речевого этикета воспринимается как проявление невоспитанности или грубости. Предположим, вы находитесь на улице и вам нужно найти книжный магазин. К незнакомому прохожему следует обратиться с вежливой просьбой: *Excuse me, could you direct me to the nearest bookstore please?* ‘Извините, не могли бы ли Вы меня сориентировать, где находится ближайший книжный магазин?’ Для случайного прохожего грубой покажется фраза: *Please, tell me where is the nearest bookstore* ‘Пожалуйста, скажите, где находится ближайший книжный магазин’.

Для формирования иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода был разработан комплекс лексических упражнений (табл. 1), состоящий из трех этапов: 1) ознакомление с лексическим материалом, концептами и фактами культуры, речевым этикетом (включает подэтапы презентации и семантизации); 2) тренировка; 3) применение полученных знаний и умений. Каждому этапу соответствует свой тип упражнений.

Таблица 1

Схема организации учебной деятельности по формированию иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода

Table 1

Scheme of the organization of educational process for the development of a foreign language lexicon based on a linguo-cultural approach

Этап формирования иноязычного лексикона	Задачи этапа	Типы упражнений	Виды упражнений
Ознакомление с лексическим материалом (подэтапы презентации и семантизации)	Системная презентация и семантизация лексических единиц	Ознакомительные	Информативные Семантизирующие
Тренировка	Активизация языкового материала и системное усвоение лексических единиц в их парадигматических и синтагматических отношениях	Тренировочные	Имитативные Подстановочные Трансформационные Коммуникативно-прагматические
Применение	Решение коммуникативно-познавательных задач	Речевые	Собственно продуктивные Креативные и поисковые

Результаты и их обсуждение

Экспериментальная проверка включала подготовительный этап, диагностический срез, собственно обучение, контрольный срез, анализ результатов опытного обучения. Предполагалось, что использование разработанного на основе лингвокультурологического подхода комплекса упражнений даст положительный результат и обеспечит:

- эффективность формирования иноязычного лексикона;
- самостоятельное понимание значений лексических единиц, объединенных общим тематическим признаком;
- самостоятельное понимание смысла лексических единиц с национально-культурным компонентом;
- умение использовать формулы речевого этикета;
- умение проводить аналогии при сравнении фактов, явлений культуры, событий в культурной жизни родной страны и страны изучаемого языка;
- умение ориентироваться в иноязычной среде;
- умение использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях реального общения.

В эксперименте участвовали 26 человек. В ходе подготовительного этапа были определены равные группы по показателям обученности и обучаемости: две группы студентов 1-го курса, по 13 человек в каждой, изучающих первый год английский язык как первый иностранный. Одна группа – экспериментальная (ЭГ), вторая – контрольная (КГ). Был отобран лексический материал для формирования иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода, разработаны материалы для проведения экспериментального обучения, которое происходило в естественных условиях и включалось в общий процесс обучения в соответствии с учебной программой «Устная практика английского языка». Затем были разработаны материалы для проведения диагностического среза (ДС) с учетом курса, подготовки студентов и учебной программы.

В качестве основных критериев оценки формирования иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода были избраны социокультурная уместность, нормативность речи и знание речевого этикета.

В качестве неварьируемых условий эксперимента нами рассматривались общие условия обучения: наполняемость групп и количество занятий. Варьируемые условия заключались в следующем:

1) формирование иноязычного лексикона у студентов КГ происходило на основе содержания и заданий, предложенных учебной программой «Устная практика английского языка» для студентов 1-го курса, а у студентов ЭГ – на основе отобранного в процессе исследования лексического материала и разработанного комплекса упражнений;

2) формирование иноязычного лексикона у студентов КГ проходило не на основе лингвокультурологического подхода, а у студентов ЭГ – на основе лингвокультурологического подхода и с использованием разработанного комплекса упражнений.

Экспериментальная проверка включала ДС, целью которого было выявление уровня сформированности иноязычного лексикона. Студентам предлагались задания, в которых было необходимо понять смысл текста, содержащего лексику с национально-культурным компонентом, и поставить соответствующие лексические единицы на месте пропусков; была определена коммуникативная задача, которая предполагала знание речевого этикета.

По результатам диагностического среза (табл. 2) можно увидеть, что у студентов недостаточно хорошо развито понимание лексических единиц, в том числе лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики и речевого этикета, относящихся к определенной теме, не все смогли правильно сориентироваться в решении коммуникативной задачи.

Таблица 2

Результаты диагностического среза
в экспериментальной и контрольной группах, %

Table 2

Results of diagnostic test in experimental and control groups, %

Критерии сформированности лексикона на основе лингвокультурологического подхода	ЭГ	КГ
Социокультурная уместность	43	45
Нормативность речи	44	43
Речевой этикет	58	57

Результаты среза подтвердили необходимость проведения целенаправленной работы по формированию иноязычного лексикона на основе лингвокультурологического подхода, что и было осуществлено в ходе экспериментального обучения.

Организацию учебной деятельности, заложенную в структуру уроков по формированию иноязычного лексикона, в которой была соблюдена последовательность этапов и упражнений, мы представили в табл. 1.

На завершающем этапе экспериментального обучения был проведен контрольный срез (КС) с целью зафиксировать изменения показателей уровня формирования иноязычного лексикона и определения эффективности предложенной нами методики. Студентам предлагались задания, аналогичные предложенным на ДС.

Анализ результатов КС показал, что у студентов заметно улучшились показатели уровня сформированности иноязычного лексикона.

Проанализируем результаты КС в экспериментальной и контрольной группах в сравнении с результатами ДС по всем критериям (рис. 1–3).

Результаты КС показали, что критерий сформированности социокультурной уместности у студентов КГ увеличился на 19 %, в то время как у ЭГ – на 41 %; критерий нормативности речи у КГ увеличился на 9 %, а у ЭГ – на 38 %; показатель знания речевого этикета у КГ стал выше на 9 %, а у ЭГ – на 26 %.

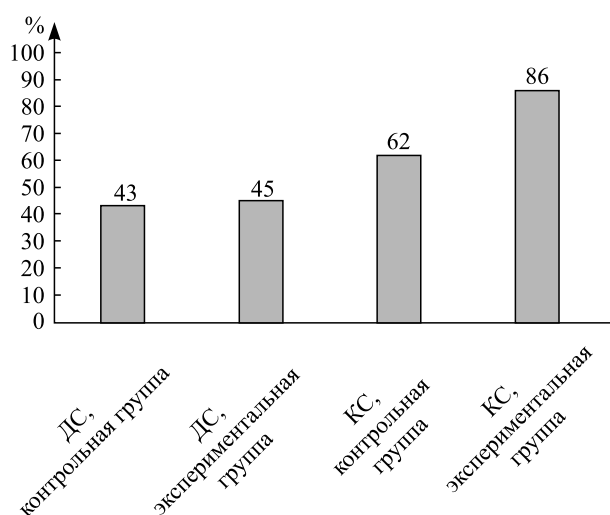

Рис. 1. Социокультурная уместность

Fig. 1. Sociocultural relevance

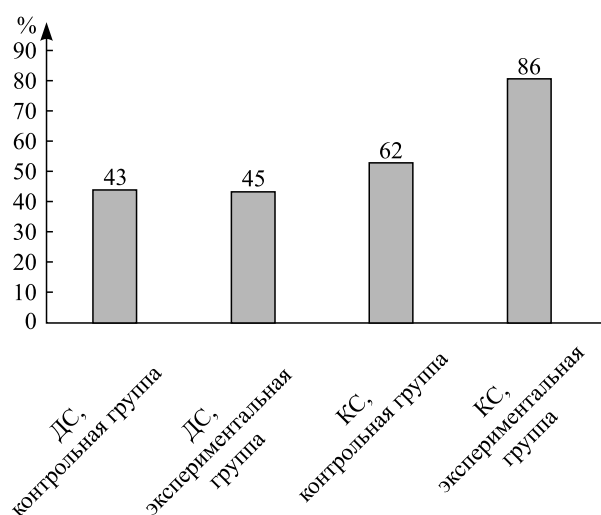

Рис. 2. Нормативность речи

Fig. 2. Normativity of speech

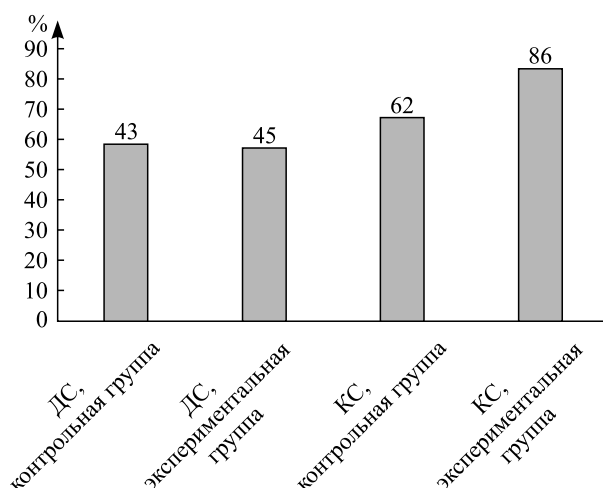

Рис. 3. Знание речевого этикета

Fig. 3. Knowledge of speech etiquette

По результатам КС видно, что 86 % студентов ЭГ без труда понимали высказывания, обусловленные национально-культурными особенностями, 81 % участников эксперимента хорошо справлялись с выбором необходимых средств для решения поставленной коммуникативной задачи, но при этом 19 % из них допускали некоторые ошибки относительно сочетаемости лексических единиц, а 17 % – относительно понимания речевого этикета. В целом уровень сформированности иноязычного лексикона стал выше, что доказывает эффективность разработанной методики. Однако наличие некоторых ошибок говорит о том, что при формировании иноязычного лексикона необходимо уделять большое внимание сочетаемости слов и правилам речевого этикета.

Таким образом, в ЭГ в ходе формирования иноязычного лексикона у студентов наблюдается значительный рост всех показателей. Это подтверждает, что использование лингвокультурологического подхода в сочетании с разработанным комплексом упражнений способствует более успешному формированию иноязычного лексикона и развитию умений общаться в соответствии с коммуникативной ситуацией.

Библиографические ссылки

1. Osgood CE. *Lectures on language performance*. New York: Springer; 1980. 275 p.
2. Баранов АН, Добровольский ДО, Михайлов МН, Паршин ПБ, Романова ОИ. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; 2003. 640 с.
3. Норман БЮ. *Основы психолингвистики*. Минск: БГУ; 2011. 131 с.
4. Залевская АА. *Введение в психолингвистику*. Москва: Издательство РГГУ; 1999. 381 с.
5. Кубрякова ЕС. *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 560 с.
6. Телия ВН. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 288 с.
7. Красных ВВ. *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Москва: Гнозис; 2002. 284 с.
8. Воробьев ВВ. *Лингвокультурология (Теория и методы)*. Москва: Издательство РУДН; 1997. 331 с.
9. Маслова ВА. *Лингвокультурология*. Москва: Академия; 2001. 208 с.
10. Алефиренко НФ. *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. Москва: Флинта; 2016. 288 с.
11. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1986. 445 с.
12. Баранов АН, Добровольский ДО. Принципы семантического описания фразеологии. *Вопросы языкознания*. 2009;6:21–34.
13. Солодуб ЮП. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования. *Филологические науки*. 1990;6:55–65.

References

1. Osgood CE. *Lectures on language performance*. New York: Springer; 1980. 275 p.
2. Baranov AN, Dobrovolsky DO, Mihajlov MN, Parshin PB, Romanova OI. *Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike. Okolo 9000 terminov* [English-Russian dictionary of linguistics and semiotics. About 9000 terms]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; 2003. 640 p. Russian.
3. Norman BU. *Osnovy psikholingvistiki* [Basic problems of psycholinguistics]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 131 p. Russian.
4. Zalevskaya AA. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction into psycholinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1999. 381 p. Russian.
5. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. Towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 560 p. Russian.
6. Telia VN. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 1996. 288 p. Russian.
7. Krasnykh VV. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow: Gnosis; 2002. 284 p. Russian.
8. Vorobyev VV. *Lingvokul'turologiya (Teoriya i metody)* [Linguoculturology (Theories and methods)]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 1997. 331 p. Russian.
9. Maslova VA. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Academia; 2001. 208 p. Russian.
10. Alefirenko NF. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology: axiological aspects of language]. Moscow: Flinta; 2016. 288 p. Russian.
11. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow: Iskusstvo; 1986. 445 p. Russian.
12. Baranov AN, Dobrovolsky DO. The principles of the semantic description of phraseology. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2009;6: 21–34. Russian.
13. Solodub YP. [National specificity and universal characteristics of phraseology as an object of linguistic research]. *Filologicheskie nauki*. 1990;6:55–65. Russian.

Р ЕЦЕНЗИИ

Р ЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

Citko L. Piśmiennictwo i nazewnictwo starobiałoruskie na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wybrane problemy. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2019. 293 s.

Citko L. The old Belarusian literature and naming convention in the Grand Duchy of Lithuania. Selected questions. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2019. 293 p.

Старабеларуская літаратурна-моўная спадчына ўжо не адно дзесяцігоддзе прыцягвае пільную ўвагу вучоных-лінгвістаў і служыць крыніцай шматлікіх айчынных і замежных даследаванняў. Працэсы складвання беларускай старалітаратурнай мовы класічна-кніжнай фармацыі прааналізаваны на сённяшні дзень вельмі грунтоўна ў самых розных аспектах, але гэта тэматыка ў мовазнаўстве не траціць значнасці і перспектывнасці. Паралельнаму актуальным застаецца вывучэнне і пашырэнне ў навуковым ужытку здабыткаў тагачаснага пісьменства, бо менавіта мінулае дапамагае раскрыць шляхі эвалюцыі любой мовы і прадказаць яе далейшы лёс. Дакладныя навуковыя звесткі пра стан, тыпы і адметнасці беларускай мовы старажытнай пары ў вяршыні перыяд яе станаўлення, пра характар яе змяненняў на ўсіх узроўнях уяўляюць сабой несумненны ўнёсак у гістарычную навуку аб мове. Акрамя таго, даныя такога кшталту праясняюць разуменне храналагічных узаемаадносін і прычынна-выніковых залежнасцей паміж рознымі этапамі фарміравання моўнай сістэмы, а гэта спрыяе аб'ектыўнай інтэрпрэтацыі многіх сённяшніх моўных з'яў. У больш шырокім гуманітарным плане ўлік шматвяковых традыцый бе-

ларускай кніжнасці, паказ укладу продкаў беларусаў у агульнаславянскую моўна-гістарычную скарбніцу выступае неабходным элементам сацыяльных праграм, прысвечаных развіццю беларускай нацыянальнай культуры і асветы.

Адпаведна вышэйсказанаму варта шчыра вітаць выхад у свет манаграфічнага выдання «Старабеларускае пісьменства і анамастыка на землях Вялікага Княства Літоўскага. Выбраныя праблемы» прафесара Белаастоцкага ўніверсітэта Ліліі Цітка, занага спецыяліста па анамастыцы і гісторыі мовы, чые навуковыя зацікаўленні даўно і цесна звязаны з беларусістыкай.

У кнізе праведзены сістэмны аналіз старабеларускай мовы і анамастыкі перыяду Вялікага Княства Літоўскага на матэрыяле такіх перакладных, лексікаграфічных і летапісных крыніц XV–XVIII стст., як «Беларускі Трыстан» (манускрыпт XVI–XVII стст. з пазнанскага Кодэкса Рачынскіх, які, дарэчы, дзякуючы намаганням аўтара рэцэнзуемай манаграфіі ў 2018 г. быў выдадзены ў выглядзе факсімільна з далучэннем графічна адаптаванага варыянта, а таксама тлумачэнняў і перакладу на польскую мову), «Лексис с толкованием словенских мов просто», «Лексис из слов(н)ского языка» Лаўрэнція Зізанія, «Лексикон словеноросский и имен толкование» Памвы Бярынды, «Синонима славеноросская», супрасльскі «Лексикон», Хроніка Быхаўца, гарадзельскія актывы запісы. Такім чынам, факталагічная база на ўказаным даследчым полі, раней прадстаўленая пераважна тэкстамі рэлігійнай і прававой аднесенасці, узбагацілася творами іншай жанравай прыналежнасці і анамастычнымі тэкстамі, што, бяс-

спрэчна, дае магчымасць атрымання новых ведаў і стварэння новых арыгінальных высноў.

У манаграфіі слухна ўлічаны той факт, што развіццё мовы і ўдасканаленне кампанентаў яе сістэмы, як вядома, падпарадкоўваюцца не толькі ўнутраным законам, але і залежаць ад аб'ектывных знешніх фактараў моўнага функцыянавання. У кнізе прафесара Л. Цітка непасрэдна мовазнаўчы аналіз падаецца на шырокім фоне складанай сацыяльна-палітычнай і грамадска-культурнай сітуацыі ў ВКЛ – поліэтнічнай, поліканфесійнай і шматмоўнай дзяржаве. Такі падыход, пры якім моўныя з'явы і працэсы ўпісваюцца ў пазамоўны кантэкст, разглядаецца праз культурна-гістарычную прызму, на сённяшні дзень з'яўляецца вельмі перспектывным і знаходзіць усё больш прыхільнікаў у лінгвістычным асяродку.

Паколькі многія крыніцы манаграфічнага даследавання прафесара Л. Цітка геаграфічна звязаны з Падляшшам, у кнізе абазначаны спецыфічны статус гэтага этна-рэлігійна-палітычнага рэгіёна, які, як піша аўтар, знаходзіцца на мяжы хрысціянскага Усходу і Захаду. Прычым мяжа гэта не толькі падзяляе славян, але і фарміруе ўнікальную прастору славянскага сутыкнення і кантакту, што робіць стварэння тут тэксты надзвычай інфарматыўнымі для высвятлення міжславянскіх узаемаадносін.

Асноўная частка рэцэнзуемай манаграфіі складаецца з двух раздзелаў. У першым з іх аб'ектам грунтоўнага навуковага аналізу абрана мова пералічаных вышэй арыгінальных помнікаў беларускай белетрыстыкі, летапісання і лексікаграфіі. Усе крыніцы скрупулёзна даследаваны на розных узроўнях мовы – фанетычным, марфалагічным і лексічным. Падрабязна разглядаюцца праявы польскага ўплыву на мову канкрэтных помнікаў, у тым ліку аналізуецца роля польскай мовы як пасрэдніцы, што робіць несумненны ўнёсак у гісторыю беларуска-польскіх кантактаў. На наш погляд, вельмі пахвальным з'яўляецца ўключэнне ў навуковы аналіз моўнага матэрыялу з твораў слоўнікавага тыпу, паколькі кожны дасканалы выкананы слоўнік – гэта не толькі скарбніца моватворчасці народа, яго нацыянальнай культуры, але і свайго роду духоўны арыенцір, і інтэлектуальны капітал нацыі.

Стан мовы, адлюстраваны ў даследаваных тэкстах, дае падставы сцвярджаць, што перыяд ВКЛ – сапраўды так званы залаты век беларускага пісьменства, літаратуры і культуры. Зафіксаваныя рысы жывой мовы ў тагачасных крыніцах дадаюць новыя факты для вырашэння праблемы пераемнасці, паколькі паказваюць адсутнасць татальнага разрыву паміж старой і новай беларускай літаратурнай мовай нават у пісьмовай версіі.

Другі раздзел манаграфічнага даследавання прысвечаны разгляду анамастычных працэсаў у мове перыяду ВКЛ. Аналіз у ім грунтуецца ў асноўным на матэрыялах з тэрыторыі Падляшша, што выглядае цалкам апраўданым, паколькі гэты рэгіён – не проста адміністрацыйная, але і арганічная моўна-этнічная частка старажытнай дзяржавы. У ходзе даследавання аўтар звяртае ўвагу на разнастайныя тыпы дзвюх асноўных анімічных разнавіднасцей – антрапонімаў і тапонімаў. Антрапанімія прадстаўлена асабовымі імёнамі, адтапанімічнымі, патранімічнымі, адапелятыўнымі, геральдычнымі найменнямі рознай матывацыі. Прычым вельмі цікава, што ў манаграфіі робіцца спроба падзяліць названыя сродкі іменавання ў залежнасці ад таго, якую грамадскую групу яны абслугоўваюць і ідэнтыфікуюць (польскую або літоўска-рускую шляхту). Тапанімія (у тым ліку мікра-тапанімія і ўрбананімія) вывучана ў некалькіх аспектах: як лексічная група, што прэзентуе факты грамадска-культурнага, сацыяльнага і нават ментальнага характару, як звод найменняў з рознай матывацыйнай асновай, як сістэма адзінак, што захоўваюць многія дыялектныя і архаічныя моўныя рысы. Прааналізаваная прапрыяльная лексіка дазволіла вызначыць як спецыфіку іменалогіі на тэрыторыі памежжа, так і ўніверсальныя мадэлі намінацыі і супольныя для ўсяго ВКЛ анімічныя тэндэнцыі, абумоўленыя аналогіямі ў спосабах канцэптуалізацыі навакольнай рэчаіснасці беларусамі, палякамі і балтамі.

Манаграфія вельмі дарэчна суправаджаецца індэксамі прааналізаваных словаформаў і онімаў (асобна лаціна- і кірылічнааформленых). Наяўнасць такіх сістэматызаваных спісаў дае магчымасць уявіць базавыя аналітычныя аб'ёмы і істотна спрашчае для карыстальніка пошук навуковых інтэрпрэтацый у тэксце кнігі.

Хацелася б спецыяльна адзначыць навукова карэктнае, са спасылкамі на аўтарытэты, абыходжанне аўтара манаграфіі з тэрмінамі (у прыватнасці, лінгвонімамі) і азначэннямі паняццяў, асабліва з тымі, якія ў славянскай лінгвістыцы яшчэ не атрымалі ўстойлівай адназначнай кваліфікацыі (напрыклад, простая мова, стараруская мова). Такі ж абачлівы падыход адзначаецца ў ходзе аналізу працэсаў запазычвання пры вызначэнні надзвычай складанага пытання аб мовах-крыніцах і мовах-пасрэдніках.

Рэцэнзуемае выданне вызначаецца наяўнасцю прадстаўнічай навуковай базы. У тэкст уключана вялікая колькасць спасылак на навуковыя працы па разглядаемай тэматыцы, прычым не ў выглядзе простага пераліку, а ў аналітычным кантэксце. Аўтар праводзіць аналіз (часам абгрунтавана крытычны) работ сваіх папярэднікаў (з улікам самых найноўшых) і абавязкова рэзюмуе яго вынікі, выказваючы свой погляд на праблему.

У заключэнне адзначым, што навуковая эрудыцыя, прафесійная кампетэнтнасць і грунтоўныя веды аўтара манаграфіі прафесара Л. Цітка дазволілі стварыць цікавае, глыбокае па змесце шматплановае даследаванне, якое мае важнае значэнне не толькі для беларусістыкі, але і для славістыкі ўвогуле, паколькі дае магчымасць па-новаму

паглядзець на многія працэсы, што адбываліся на кантактных славянскіх тэрыторыях, ацаніць паказчыкі міжславянскага моўнага ўзаемадзеяння і вынікі ўзаемаадносін славянскіх моў з мовамі іншых груп.

*І. А. Гапоненка*¹

¹Ірина Олеговна Гапоненко – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Ірына Алегавна Гапоненка – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Iryna A. Haponenka, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 1 / БГУ ; [ред. кол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 64 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240929>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001302032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 1 содержит материалы проблемного поля «Общение на языках – языки общения».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 2 / БГУ ; [ред. кол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 216 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240931>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001402032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 2 содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 3 / БГУ ; [ред. кол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 139 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240932>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001502032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 3 содержит материалы проблемного поля «Современные технологии обучения иностранным языкам».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 4 / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 63 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240933>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001602032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 4 содержит материалы проблемного поля «Проблемы художественного и научно-технического перевода».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 5 / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 130 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240936>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001702032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 5 содержит материалы проблемного поля «Язык и литература».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 6 / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 130 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240943>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001802032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 6 содержит материалы проблемного поля «Проблемы современной высшей школы».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2019 г.) : в 7 т. Т. 7 / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 43 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/240945>. Загл. с экрана. Деп. 02.03.2020, № 001902032020.

В сборнике статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 7 содержит материалы проблемного поля «Научные дебюты в юбилейный год филологического факультета».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.161.1'243(075-054.6)

Кишкевич Е. В. Русский язык как иностранный. Модуль профессионально ориентированного владения языком. Модуль химико-биологических дисциплин. I сертификационный уровень [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для иностр. граждан фак. доунив. образования / Е. В. Кишкевич, Л. А. Януш ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 175 с. : табл. Библиогр.: с. 174–175. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/241199>. Загл. с экрана. Деп. 10.03.2020, № 002310032020.

Электронный учебно-методический комплекс содержит описание обучающих, дидактических и диагностических материалов, предназначенных для иностранных граждан факультета доуниверситетского образования по учебной дисциплине «Русский язык как иностранный. Модуль профессионально ориентированного владения языком. Модуль химико-биологических дисциплин», соответствующих I сертификационному уровню владения языком.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы IV Респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Минск, 31 янв. 2020 г.) / БГУ ; [редкол.: А. Э. Черенда (гл. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 224 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/241580>. Загл. с экрана. Деп. 01.04.2020, № 003101042020.

Сборник материалов IV Республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» включает статьи, рассматривающие особенности иноязычного профессионального дискурса, актуальные вопросы внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, а также статьи, в которых анализируется психолого-педагогический аспект преподавания иностранного языка в неязыковом вузе. Авторская редакция текстов сохранена.

УДК 811.133.1'38(075.8)

Квачек А. В. Стилистика (французский язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / А. В. Квачек ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 54 с. : табл. Библиогр.: с. 52. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/241730>. Загл. с экрана. Деп. 09.04.2020, № 003709042020.

Электронный учебно-методический комплекс, предназначенный для студентов 5-го курса филологического факультета специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология», систематизирует основные теоретические вопросы общего курса стилистики, практические трудности и способы их преодоления, этапы становления и развития функциональных стилей французского языка.

УДК 811.133.1'25(075.8)

Квачек А. В. Теория и практика перевода (французский язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / А. В. Квачек ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 72 с. : табл. Библиогр.: с. 69–70. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/241731>. Загл. с экрана. Деп. 09.04.2020, № 003809042020.

Электронный учебно-методический комплекс, предназначенный для студентов 5-го курса филологического факультета специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология», систематизирует основные теоретические вопросы общей теории перевода, практические трудности и способы их преодоления, этапы становления и развития переводоведческой науки.

УДК 811.161.3'276.6(06)+811.161.3'373(06)

Беларускае слова: тэрміналогія і тэрміназнаўства [Электронны рэсурс] : зб. арт. па матэрыялах навук. чытаньняў, прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння праф. Л. А. Антанюк (Мінск, 26 крас. 2019 г.) / БДУ ; [рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) і інш. ; пад агул. рэд. праф. М. Р. Прыгодзіча]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2020. 276 с. : фота. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/242195>. Загал. з экрана. Дэп. 04.05.2020, № 004404052020.

У зборніку змешчаны артыкулы па матэрыялах навуковых чытаньняў, прысвечаных памяці прафесара Любоўі Адамаўны Антанюк, чые мовазнаўчыя даследаванні сталі падмуркам беларускага тэрміназнаўства. Уключаныя ў зборнік навуковыя працы асвятляюць праблемы тэрміналогіі і розныя аспекты сучаснага стану беларускай мовы, а ўспамінныя матэрыялы – жыццёвы і прафесійна-навуковы шлях Л. А. Антанюк.

Адрасуецца навукоўцам, настаўнікам, студэнтам.

УДК 811.161.3(06)+821.161.3.09(06)

Пісьменнік – мова – стыль [Электронны рэсурс] : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канф. (Мінск, 29–30 верас. 2005 г.) / БДУ ; [рэдкал.: М. Р. Прыгодзіч, М. І. Свістунова (адк. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2020. 593 с. : табл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/242196>. Загал. з экрана. Дэп. 04.05.2020, № 004504052020.

У зборніку змешчаны артыкулы, якія прагучалі падчас правядзення III Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Пісьменнік – мова – стыль», што прайшла на філалагічным факультэце БДУ 29–30 верасня 2005 г. і стала апошнім пад такой назвай. Большасць матэрыялаў не страцілі актуальнасць і зараз, яны будуць цікавыя мовазнаўцам, літаратуразнаўцам і ўсім тым, хто звязаны з беларускай мовай і літаратурай.

УДК 80(082)

Філалагічныя штудыі = Studia philologica [Электронны рэсурс] : зб. навук. арт. Вып. 9 / БДУ ; [рэдкал.: В. Г. Пракапчук (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2020. 247 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/242298>. Загал. з экрана. Дэп. 08.05.2020, № 004808052020.

У дзявятым выпуску зборніка «Філалагічныя штудыі» прадстаўлены артыкулы, прысвечаныя праблемам класічнай філалогіі, рэцэпцыі антычнай культуры ў еўрапейскай, грэка-лацінскай тэрміналогіі, а таксама пераклады і рэцэнзіі.

Прызначаецца для шырокага кола чытачоў.

УДК 811.111(075)

Головина Т. В. Английский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для слушателей фак. доунив. образования при подготовке к прохождению вступ. испытаний в форме централизованного тестирования / Т. В. Головина, Н. Н. Ермашкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 211 с. : табл. Библиогр.: с. 148–149. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243782>. Загл. с экрана. Деп. 09.06.2020, № 006209062020.

Электронный учебно-методический комплекс содержит учебный материал по курсу «Английский язык». Состоит из нескольких разделов: пояснительная записка, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, вспомогательный раздел. Адресуется слушателям факультета доуниверситетского образования при подготовке к прохождению вступительных испытаний в форме централизованного тестирования.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гончарова-Грабовская С. Я.</i> Драматургия Ярославы Пулинович (аспекты поэтики)	5
<i>Апанасович Н. Г.</i> Апокалиптические мотивы в тетралогии Вячеслава Адамчика	15
<i>Губская О. Н.</i> Фактография и религиозный дискурс как взаимосвязанные элементы художественного целого (на примере философско-аллегорического произведения М. Горьцкого «Лявониус Задумекус»).....	26
<i>Синило Г. В.</i> Библейская архетекстуальность в поэзии Ф. Гёльдерлина	35

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Тур В. В.</i> Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексемы <i>tail</i> ‘хвост’).....	52
<i>Михальчук Н. А.</i> Реализация принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах бесед и интервью с И. Бродским	64
<i>Ахраменко Л. С.</i> Диалогическая модальность как фактор реализации воздействующей функции текста в английском языке	74
<i>Ковалева А. И.</i> Проявления и причины различия внутренних форм семантических коррелятов русского и белорусского языков	84

МЕТОДИКА

<i>Талейко К. А.</i> Опытнo-экспериментальная работа по формированию иноязычного лексикона у студентов на основе лингвокультурологического подхода (английский язык)	94
--	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гапоненко И. О.</i> <i>Citko L.</i> Piśmiennictwo i nazewnictwo starobiałoruskie na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wybrane problemy [Титко Л. Старобелорусская письменность и ономастика на землях Великого княжества Литовского. Избранные проблемы]	102
Аннотации депонированных в БГУ работ	105

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Ганчарова-Грабоўская С. Я.</i> Драматургія Яраславы Пуліновіч (аспекты паэтыкі)	5
<i>Апанасовіч Н. Г.</i> Апакаліптычныя матывы ў тэатралогіі Вячаслава Адамчыка	15
<i>Губская В. М.</i> Фактаграфія і рэлігійны дыскурс як узаемазвязаныя элементы мастацкага цэлага (на прыкладзе філасофска-алегарычнага твора М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус»)	26
<i>Сініла Г. В.</i> Біблейская архетэкстуальнасць у паэзіі Ф. Гельдэрліна	35

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Тур В. В.</i> Тоеснасць і асобнасць лексічнага значэння (на прыкладзе семантыкі англійскай лексемы <i>tail</i> ‘хвост’)	52
<i>Міхальчук Н. А.</i> Рэалізацыя прынцыпу ветлівасці і стратэгіі ўхілення ў тэкстах гутарак і інтэрв’ю з І. Бродскім	64
<i>Ахраменка Л. С.</i> Дыялагічная мадальнасць як фактар рэалізацыі тэкставай функцыі ўздзеяння ў англійскай мове	74
<i>Кавалёва Г. І.</i> Праявы і прычыны адрознення ўнутраных форм семантычных карэлятаў рускай і беларускай моў	84

МЕТОДЫКА

<i>Талейка К. А.</i> Вынікі доследна-эксперыментальнай работы па фарміраванні іншамоўнага лексікону ў студэнтаў на аснове лінгвакультуралагічнага падыходу (англійская мова)	94
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Гапоненка І. А.</i> <i>Citko L. Piśmiennictwo i nazewnictwo starobiałoruskie na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wybrane problemy</i> [Цітка Л. Старабеларускае пісьменства і анамастыка на землях Вялікага Княства Літоўскага. Выбраныя праблемы]	102
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	105

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Goncharova-Grabovskaya S. Y.</i> Drama works of Yaroslava Pulinovich (aspects of poetics).....	5
<i>Apanasovich N. G.</i> The apocalyptic motives in the tetralogy by Viachaslau Adamchyk	15
<i>Gubskaya O. N.</i> Factography and religious discourse as interconnected elements of artistic whole (on the example of the philosophical-allegorical works of M. Harecki «Lyavonius Zadumekus»).....	26
<i>Sinilo G. V.</i> Biblical archetextuality in F. Hölderlin's poetry	35

LINGUISTICS

<i>Tur V. V.</i> The identity and separateness of lexical meaning: case study of the English word <i>tail</i>	52
<i>Mikhalchuk N. A.</i> Implementation of the politeness principle and evasion strategy in the texts of conversations and interviews with I. Brodsky	64
<i>Akhramenko L. S.</i> Dialogical modality as a factor of implementation of the effecting text function in the English language	74
<i>Kovaleva A. I.</i> Different inner forms of Russian and Belarusian semantic correlates: manifestations and reasons.....	84

METHODOLOGY

<i>Taleika K. A.</i> Results of experimental work connected with the development of a foreign language lexicon among students on the basis of the linguo-cultural approach (English)	94
--	----

REVIEWS

<i>Haponenka I. A.</i> Citko L. The old Belarusian literature and naming convention in the Grand Duchy of Lithuania. Selected questions.....	102
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	105

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2020**
**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редактор *И. Л. Шевлякова-Борзенко*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 19.06.2020.
Тираж 100 экз. Заказ 220.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editor *I. L. Shauliakova-Barzenka*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 19.06.2020.
Edition 100 copies. Order number 220.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020